D-02
B 748

Проверено 1948 г.

ВОПРОСЫ ПРАВА

Журналъ Научной Юриспруденціи

1912 г. Книга XI (3).

ИЗДАВАЕМЫЙ

при ближайшемъ участіи:

А. Э. Вормса, П. В. Гидулянова, А. И. Елистратова, графа Л. А. Камаровскаго, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, И. Х. Озерова, Г. С. Фельдштейна и А. Л. Форштетера,

С.-Петербургский государственный университет
БИБЛИОТЕКА
Юридический факультет

МОСКВА.

1912.

Проверено 1948 г.

ВОПРОСЫ ПРАВА

Журналъ Научной Юриспруденціи

1912 г. Книга XI (3).

ИЗДАВАЕМЫЙ
при ближайшемъ участіи:
А. З. Ворма, П. В. Гидулянова,
А. Н. Елистратова, графа Л. А.
Камаровскаго, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, Н. Х.
Осерова, Г. С. Фельштейна и
А. Л. Фохштетера.

БИБЛИОТЕКА

МОСКВА.
1912.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Бар. С. А. Корфъ. Государственный строй Австраліи 1

В. Дурденевскій. Судебная провѣрка конституціонности закона. 89

М. Я. Лазерсонъ. Естественное право въ памятникахъ древне-еврейской литературы и законодательства 108

В. А. Краснокутскій. Торговыя формы гражданско-правовыхъ товариществъ. 135

И. Л. Тридцать первый съѣздъ нѣмецкихъ юристовъ 162

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

Ив. Чистяковъ. Страхованіе рабочихъ въ Россіи. Опытъ исторіи страхованія рабочихъ, въ связи съ нѣкоторыми другими мѣрами ихъ обезпеченія. Москва, 1912. X—422 стр. А. Елистратовъ. 168

Проф. М. И. Назаревскій. Очерки по исторіи и теоріи коллективно-капиталистическаго хозяйства. Синдикаты, тресты и комбинированныя предпріятія. Очерки по исторіи объединенія американской промышленности. Томъ I. Москва 1912. I. М. Гольдштейнъ. 178

Д. А. Дриль. Ученіе о преступности и мѣрахъ борьбы съ нею СПБ., 1912 г. С. А. Шумаковъ. 197

Н. Рудинъ. Одобренный Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою и Высочайше утвержденный Законъ 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда СПБ. 1912 г. С. И. Викторскій. 203

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Бар. С. А. Коэфъ. Государственный строй Австраліи 1
В. Дурденевскій. Существенныя признаки конституціонности закона. 89
М. Я. Разсоховъ. Естественное право въ политическихъ пренніяхъ французской литературы и законодательства 108
В. А. Краснокутскій. Частная форма гражданско-правовыхъ товариществъ 185
Н. Л. Тридцать первый съѣздъ юристовъ юристовъ 162

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

Ма. Чистяковъ. Страхованіе рабочихъ въ Россіи. Опытъ исторіи страхованія рабочихъ, въ связи съ нѣкоторыми другими мѣрами ихъ обезпеченія. Москва, 1912. X—422 стр. А. Изгоевъ 169
Проф. М. Н. Казаревскій. Очерки по исторіи и теоріи коллективно-капиталистическаго хозяйства. Синдикаты, трусты и комбинированныя предпріятія. Очерки по исторіи обобщенія анонимной промышленности. Томъ I. Москва 1912. Г. М. Гольштейнъ 175
Д. А. Дрыма. Ученіе о преступности и мѣрахъ борьбы съ нею СПБ., 1912 г. С. А. Шуняковъ 187
Н. Рудинъ. Отобреніи Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою и Высочайше утвержденный Законъ 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда СПБ. 1912 г. С. П. Виноградовъ 203

Государственный строй Австраліи.

1.

Исторія австралійской конституціи.

Прошлое австралійской федераціи не знаетъ тѣхъ яркихъ историческихъ событій и сценъ, которыя можно встрѣтить въ Канадѣ; перелистывая исторію австралійскихъ колоній, читатель не найдетъ ни ожесточенной расовой борьбы между французомъ Квебека и англичаниномъ изъ Онтаріо, ни церковной распри и ненависти католиковъ къ протестантамъ, поддерживаемой активнымъ участіемъ духовенства въ политическихъ спорахъ, ни тѣмъ болѣе революціонныхъ событій, которыми отличались тридцатые годы въ Канадѣ. Австралійскія колоніи гораздо моложе; онѣ лишь начали жить сознательною жизнью въ серединѣ минувшаго вѣка, когда Канада уже имѣла почтенное прошлое [1]). Только въ сороковыхъ го-

---

[1]) Литература: *Quick and Garran*, The Annotated Constitution of the Commonwealth of Australia, 1901; *C. D. Allin*, The early Federation Movement in Australia, Ontario 1907; *Webb*, Imperial Law; *Clarke*, Colonial Law; *R. C. Baker*, Notes on the Constitution of South Australia; *Jenks*, History of Australian Colonies, 1895; *Rusden*, History of Australia; *Jenks*, Government of Victoria; *T. A. Coghlan*, Seven Colonies of Australia, 1902; *C. E. Lyne*, Life of Sir H. Parkes; *W. Westgarth*, Recollections of Victoria, 1888; *Его же*, Half a century of Progress, 1889; *E. Hodder*, History of South Australia, 1893; *official*, History of Queensland; *C. C. Petrie*, Tom Petrie's Reminiscences of early Queensland, 1904; *J. D. Rogers*, Australasia (vol. VI of the Histor. geography of Brit. Colonies, ed. by C. Lucas, Oxford); *F. M. Bladen*, Historical Records of N. S. Wales; *H. E. Egerton*, Select Speeches of Sir W. Molesworth, 1903; *W. Denison*, Varieties of Vice-regal Life, 1870; *H. G. Turner*, History of the Colony of Victoria, 1904; *E. Morris*, Memoires of G. Higinbotham; *J. A. Cockburn*, Australian Federation, 1901; *A. Todd*, Parliament. Government in the British Colonies; *H. E. Egerton*, Federations and Unions within the British Empire, 1911; *H. Jenkyns*, British Rule and jurisdiction beyond the Seas, 1902; *J. Hatschek*, Australien and Neû-Seeland (Bibl. des Öff. Rechts, Bd. 19); *H. Speyer*, La constitution juridique de l'Empire colonial Britannique, Paris, 1906; *J. Bryce*, Studies in History and jurisprudence, vol. I, Oxford, 1901 (Essay VIII; The Constitution of the Commonwealth of Australia); *Bowen*, Thirty years of Colonial Government, 1889; *Doerkes-Boppard*. Verfassungsgesohichte der Austr. Colonien und des Commonwealth of Australia, Berlin, 1903; *H. de R. Walker*, Australi an Democracy, London 1897; *H. G.*

дахъ находимъ мы появленіе первыхъ законодательныхъ палатъ, при чемъ однако одна треть ихъ состава продолжала назначаться правительствомъ [1]).

Первоначальныя поселенія, разбросанныя по обширному австралійскому континенту, имѣли очень мало взаимныхъ точекъ соприкосновенія; ихъ раздѣляли огромныя пространства, не населенныя и пустынныя; благодаря этому каждое поселеніе жило своею собственной жизнью, сызмала привыкая къ полной независимости. Эта оторванность первоначальныхъ колоній и выросшее на этой почвѣ чувство самостоятельности не мало мѣшали впослѣдствіи развитію объединяющихъ факторовъ.

Пока поселенія были одиноки и рѣдки, невозможно было установить какихъ-либо признаковъ сближенія; но съ теченіемъ времени обстоятельства мѣняются, а вмѣстѣ съ тѣмъ появляются факторы, побуждавшіе отдѣльныя колоніи къ болѣе тѣснымъ сношеніямъ съ сосѣдками. Первымъ заселяется побережье континента и завязываются морскія торговыя сношенія; къ серединѣ столѣтія начинаетъ заселяться и Hinterland; съ тѣхъ поръ отчужденность колоній другъ отъ друга уже болѣе невозможна; торговые и другіе интересы приводятъ ихъ въ соприкосновеніе, а затѣмъ и ко взаимнымъ сношеніямъ; колоніямъ нельзя болѣе игнорировать своихъ сосѣдокъ, какъ то имѣло мѣсто первоначально. Но сношенія еще не означаютъ единенія. Наоборотъ, какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, центробѣжныя силы преобладали и продолжали довлѣть; каждая колонія ревниво отстаиваетъ свою независимость, опасаясь и не довѣряя сосѣдкамъ. Большое значеніе именно въ этомъ отношеніи имѣла неравномѣрность заселенія Австраліи; наиболѣе цвѣтущей и населенной колоніей съ первоначала былъ Новый Южный Валлисъ; такъ, напр., въ сороковыхъ годахъ послѣдній насчитывалъ 155.000 жите-

---

Turner, The First Decade of the Australian Commonwealth, Melbourne, 1911; *W. P. Reeves*, State Experiments in Australia and New Zealand, London, 1902. *L. Vigouroux*, L'évolution sociale en Australie, 1902; Framework of Union, prepared for and issued by the Closer Union Society, Cape Town, 1908; R. Schachner, Australiein Politik, Wirtschaft und Kultur, 1909; Guarterlu, Review, October 1911, The Years of Australian Commonwealth.

[1]) Ср. съ двумя законами 1842 г.: 5 and 6 Vict., c. 76; 5 and 6 Vict. c. 61. См. H. E. Egerton, A short history of the British Colonial Policy, 3 ed., p. 312 et seq.

лей, тогда какъ всѣ прочія колоніи, вмѣстѣ взятыя, имѣли всего около 111.000 населенія; при такомъ преобладаніи одной колоніи, не мудрено, что прочія ея боялись [1]).

Къ этому нужно прибавить еще и политику метрополіи. Судьба сильно благопріятствовала развитію чувства самостоятельности въ отдѣльныхъ австралійскихъ колоніяхъ; въ тотъ моментъ, когда онѣ начали приходить къ общественному самосознанію, метрополія уже твердо стояла на политикѣ признанія колоніальной самостоятельности; политика Джона Ресселя и его современниковъ уже успѣла пустить глубокіе корни и приносила свои благіе плоды [2]); Австраліи, благодаря этому, не пришлось переживать періода „отложенія“ отъ метрополіи, какъ то имѣло мѣсто на Американскомъ континентѣ; урокъ, преподанный Соединенными Штатами, и только что пережитая опасность отпаденія Канады сильно воздѣйствовали на Англію. Благодаря всему этому, метрополія была весьма далека отъ мысли какимъ бы то ни было образомъ препятствовать естественному развитію своей младшей дочери—Австраліи; наоборотъ, она скорѣе содѣйствовала росту чувства самостоятельности среди отдѣльныхъ колоній этого Континента; а между прочимъ этимъ способствовалось со стороны метрополіи и росту между колоніальной обособленности; такимъ образомъ, напр., выросли и развились отличія финансовой политики отдѣльныхъ колоній, создавшія трудно преодолимыя препятствія позднѣйшему ихъ сближенію. На почвѣ финансовыхъ и таможенныхъ вопросовъ вырастали довольно существенные элементы раздора между колоніями; такъ, неоднократно ссорились Н. Ю. Валлисъ съ Ванъ-Дименовой Землей, временами ведя настоящую таможенную войну другъ съ другомъ.

Подобное положеніе вещей стало безпокоить метрополію; ссоры колоній могли вредно отзываться не только на ихъ собственныхъ интересахъ, но и на инте-

---

[1]) Въ тѣ времена существовало четыре колоніи: Н. Ю. Валлисъ (съ 1788 г.), Западная Австралія (основ. въ 1829 г.), Южная Австралія (осн. въ 1836 г.) и Ванъ-Дименова Земля (осн. въ 1825 г.). Викторія была организована въ 1850 г., а Квинслендъ въ 1859 г.

[2]) Ср. The Colonial Policy of Lord iohn Russell's Administration, vol I. Такъ, напр., австр. колоніи получили отвѣтств. министерства почти безъ затрудненій и очень рано.

ресахъ самой Великобританіи. Вслѣдствіе этого къ концу 40-хъ годовъ метрополія рѣшилась вступиться въ дѣло и помочь горю изданіемъ имперскаго закона, которымъ реорганизовалось бы колоніальное управленіе; правительство поручило подготовить вопросъ Комитету Trade and Plantations, который и представилъ въ 1849 году особый докладъ на обсужденіе Тайнаго Совѣта [1]). Годомъ позже графъ Грей внесъ въ парламентъ билль (The Constitution Bill), предусматривавшій учрежденіе особаго общаго австралійскимъ колоніямъ органа, съ законодательной и административной компетенціей; Грей имѣлъ въ виду главнымъ образомъ два вопроса: объединеніе таможеннаго законодательства и администрацію коронныхъ земель [2]). Билль этотъ однако былъ встрѣченъ очень недружелюбно какъ въ Австраліи, такъ и въ метрополіи; колоніи боялись за свою независимость, представители же метрополіи указывали, что мѣра насиловала волю колонистовъ и навязывала имъ систему, о которой они не просили и коей даже боялись [3]); такъ, противъ билля высказались нѣкоторыя палаты колоній, а равно и политическіе митинги. Здѣсь впервые отчетливо проявилась идея, что всякій проектъ реформы колон. управленія Австраліи для успѣшнаго осуществленія долженъ былъ исходить не отъ Англіи, а отъ самихъ колоній. Вслѣдствіе такой сильной оппозиціи министерству пришлось отказаться отъ нѣкоторыхъ частей билля; выпущены были пункты касательно федеральнаго органа (federal clauses); въ такомъ урѣзанномъ видѣ билль наконецъ прошелъ черезъ парламентъ и былъ санкціонированъ королевой [4]). Грей однако не желалъ еще сдаваться и не оставлялъ надежды осуществить объединеніе австралійскихъ колоній. Учрежденіе федер. законодат.

---

[1]) Текстъ доклада опубликованъ у H. E. Egerton, Federations and Unions..., p. 169—184.

[2]) См. Letters of Lord Blachford, ed. by G. Mirindin; также, Lord Grey's Colonial Policy.

[3]) Оппозиція также указывала на преобладающее значеніе одной изъ колоній, которая въ федераціи неминуемо задавитъ остальныя колоніи.

[4]) 1850; 13 and. 14 Vict., c. 59. Несмотря на сдѣланныя въ немъ урѣзки билль этотъ имѣлъ большое значеніе для дальнѣйшей судьбы австр. колоній, такъ какъ имъ, во-первыхъ, была выдѣлена новая колонія изъ Н. Ю. Валлиса, Викторія, получившая тутъ же представительную палату, а во-вторыхъ, было реорганизовано управленіе прочихъ колоній. Подробнѣе см.. H. E. Egerton, A shorthistory of British Colonial Policy, p. 315; также, Quick and Garran, *o. c.*, p. 81.

органа было невозможно безъ согласія парламента, но можно было установить своего рода федеральную исполнительную власть простымъ министерскимъ распоряженіемъ; для этого не требовалось содѣйствіе Вестминстера; пользуясь этимъ, Грей въ январѣ 1851 г. назначилъ губернатора Н. Ю. Валлиса, „генералъ-губернаторомъ всѣхъ австралійскихъ колоній"; одно и то же лицо (Sir Charles Fitzroy) было одновременно назначено губернаторомъ во всѣхъ остальныхъ колоніяхъ, что ставило его во главѣ админ. власти каждой отдѣльной колоніи; вице-губернаторы отдѣльныхъ колоній (lieutenant-governors) ему были непосредственно подчинены [1]); этимъ весьма своеобразнымъ способомъ было достигнуто объединеніе колоній въ области управленія. Правильно замѣчаетъ Еджертонъ [2]), что ставить одного изъ губернаторовъ надъ прочими, значило только усиливать зависть и опасенія послѣднихъ; подобная мѣра никоимъ образомъ не могла способствовать мирному развитію федеральнаго движенія. Реформа Грея оказалась мертворожденной; послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ смѣна министерства метрополіи измѣнила все направленіе ея колоніальной политики. Въ 1855 г. вице-губернаторы получили титулъ губернаторовъ [3]), а въ 1861 г. не была вновь возобновлена комиссія генералъ-губернатора, который благодаря этому превратился въ „губернатора Н. Ю. Валлиса".

Относительно этого періода приходится замѣтить, что идея федераціи Австраліи имѣла гораздо больше защитниковъ въ метрополіи, чѣмъ въ колоніяхъ; обстоятельство это легко объяснимо; въ Англіи смотрѣли на отдаленную Австралію отвлеченно, теоретически; мало кто былъ знакомъ съ австралійскими мѣстными интересами и жизнью; наоборотъ, колонисты были заняты другимъ вопросомъ, отталкивавшимъ федеративное дѣло на задній планъ; какъ разъ въ пятидесятыхъ годахъ мы находимъ борьбу колоній за отвѣтственныя министерства [4]); все вниманіе ихъ было отвлечено въ сторону этой идеи,

---

[1]) См. Jenks, Government of Victoria, p. 155 et seq.

[2]) H. E. Egerton, Federations and Unions... p. 45.

[3]) Нѣкоторое время послѣ 1855 г. губернаторъ Н. Ю. Валлиса все еще продолжалъ носить титулъ генераль-губернатора, но таковой имѣлъ скорѣе почетный характеръ, не давая никакихъ особыхъ полномочій и не имѣя какого-либо практическаго значенія.

[4]) Jenks, o. c., p. 215.

метрополія, впрочемъ не оказывала серьезнаго сопротивленія данному стремленію; такимъ образомъ въ эпоху 50 г.г. постепенно вводится въ австр. колоніяхъ система отвѣтственныхъ министерствъ, при чемъ реформа эта, какъ и въ Канадѣ [1]), осуществляется не закономъ (statutory act), а распоряженіемъ („депешей") министерства метрополіи; согласно англійской теоріи, институтъ этотъ долженъ принадлежать области common law; руководствуясь этимъ, правительство, даруя колоніямъ отвѣтств. министерства, никогда не дѣлало сего посредствомъ закона, а лишь инструкціями своимъ представителямъ—колон. губернаторамъ [2]); достаточно было измѣнить нѣсколькими словами редакцію губернаторскихъ инструкцій, для того, чтобы обязать ихъ руководствоваться „совѣтами" колоніальныхъ министерствъ. Это весьма характерный и интересный примѣръ развитія великобританскаго конституціоннаго права.

Благодаря всему этому вниманіе населенія колоній было отвлечено отъ федеративнаго движенія; послѣднему оставалась лишь область отвлеченной пропаганды, безъ особой надежды на скорое практическое осуществленіе такихъ идеаловъ; только благодаря энергіи малой группы лицъ (напр., Wentworth, Deas Thomson, C. G. Duffy) движеніе это не заглохло совершенно; они дѣйствовали какъ въ мѣстныхъ законод. палатахъ, въ которыхъ благодаря ихъ иниціативѣ, были образованы особые „конституціонные комитеты" [3]), такъ и пропагандой федеративныхъ идей среди широкихъ слоевъ общества; въ послѣднемъ случаѣ они прибѣгали къ помощи General Association for the Australian Colonies. Но, какъ сказано, прямыхъ практическихъ слѣдствій пропаганда эта не имѣла; она лишь способствовала поддержанію идеи необходимости объединенія, которая иначе, несомнѣнно, умерла бы.

Такой же малый результатъ достигнутъ былъ и созванной въ 1858 г. общей конференціей; чѣмъ подробнѣе выяснялись детали, чѣмъ энергичнѣе дѣйствовали федералисты, тѣмъ огромнѣе и съ виду непреоборимыми

---

[1]) См. мою брошюру Государственный строй Канады (Москва, 1911), стр. 11 и слѣд.

[2]) Ср. Hearn, Government of England, p. 8 et seq. Также, R. C. Baker, Notes on the Constitution of South Australia (Adelaide and Vicinity), p. 27.

[3]) Подробнѣе см. Quick and Gsrran, o. c., 90—99.

казались препятствія къ объединенію колоній. Къ началу 60 гг. австр. колоніи уже вполнѣ доросли до государственной автономіи; каждая изъ нихъ развилась и оформилась въ самостоятельную единицу, съ своимъ собственнымъ общественнымъ самосознаніемъ, со своей политикой, государственными и соціальными цѣлями и т. д. и т. д. Вслѣдствіе этого объединеніе ихъ становилось еще болѣе затруднительнымъ.

Семидесятые годы принесли колоніямъ новый элементъ самостоятельности; до того времени колоніямъ было запрещено имперскимъ актомъ вводить у себя преференціальные тарифы, такъ какъ метрополія боялась, что таковые могутъ повредить ея морской торговлѣ; колоніи долго домогались отмѣны этого запрета, какъ стѣсняющаго ихъ самостоятельность, но Англія упорно стояла на своемъ; только въ 1873 г. правительство наконецъ отказалось отъ этой политики и провело черезъ парламентъ билль (The Australian Colonies Duties Act), которымъ давалась колоніямъ полная свобода дѣйствія и въ этой области.

Необходимо однако отмѣтить странное слѣдствіе этого закона: получивъ его послѣ столькихъ просьбъ, колоніи не желали и не могли воспользоваться подобной привилегіей. Чувство недовѣрія другъ къ другу и финансовая рознь къ тому времени настолько окрѣпли, что не давали колоніямъ возможности начать новую таможенную политику взаимныхъ уступокъ; [1]) все достигнутое закономъ 1873 г. сводилось этимъ способомъ лишь къ психологическому результату: колоніи освободились еще отъ одного права контроля или опеки метрополіи.

Эпоху 70-хъ г.г въ исторіи австр. колоній можно справедливо считать временемъ наибольшаго развитія центробѣжныхъ силъ; недоразумѣнія таможенной политики являются далеко не единственнымъ примѣромъ колоніальной розни.

Въ Англіи, между тѣмъ, какъ разъ въ ту же эпоху стала находить себѣ все большее распространеніе идея полнаго отказа отъ автономныхъ колоній; государственные дѣятели самыхъ разнообразныхъ лагерей воспринимали ее какъ необходимое слѣдствіе предшествовавшихъ

---

[1]) Особенно откровенно держалась протекціонной политики Викторія.

событій колоніальной политики; рядомъ съ Дизраэли, всегда относившемся отрицательно къ колоніямъ, можно найти имя его самаго яраго противника Гладстона, также предвидившаго отпаденіе автономныхъ колоній; школа либерала Гольдвина Смита открыто проповѣдывала необходимость уступки Канады Соед. Штатамъ, [1]) а Австралію считала желательнымъ предоставить самое себѣ; повидимому, метрополіи трудно было справляться со все растущей самостоятельностью и требовательностью колоній; колоніальная политика становилась все сложнѣе, все труднѣе было находить выходъ изъ создававшихся конфликтовъ, все менѣе достижимыми могли казаться мирныя соглашенія и сохраненіе престижа матери-попечительницы.

Для вѣрной оцѣнки дальнѣйшихъ событій необходимо имѣть въ виду ту картину, которую представляли собой международныя отношенія данной эпохи касательно Тихаго океана, и въ то же время очень важно помнить, что случилось это какъ разъ въ тотъ моментъ, когда метрополія уже подумывала и поговаривала объ отказѣ отъ автономныхъ колоній. Исторія тихоокеанскаго вопроса вкратцѣ такова: первоначально, въ теченіе почти всей первой половины XIX-го вѣка могло казаться, что англо-саксонскому элементу будетъ навсегда обезпечена монополія заселенія острововъ Тихаго океана; все, что вновь открывалось, колонизовалось бриттами и пріобщалось къ великобританской коронѣ. Въ 60-хъ годахъ внезапно картина мѣняется съ появленіемъ въ Новой Каледоніи французовъ; съ 1864 г. Франція начитаетъ ссылать туда своихъ преступниковъ, возобновляя тѣмъ систему уголовной ссылки, отъ которой австр. колоніи только что успѣли съ такимъ трудомъ освободиться [2]); это былъ первый ударъ по самолюбію австралійцевъ и прямой ущербъ ихъ интересамъ. Еще въ худшемъ свѣтѣ имъ представился договоръ Англіи съ Франціей 1878 г., обезпечившій послѣдней неприкосновенность ея поселеній въ Тихомъ океанѣ. То же самое случилось и съ Самоанскими островами, на коихъ водворились нѣмцы и американцы. Бритты теперь должны были воочію убѣдиться, что ихъ прежней монополіи пришелъ конецъ; и

---

[1]) См. мою брошюру Госуд. строй Канады.

[2]) Подробнѣе объ исторіи упраздненія австралійской ссылки см. H. E. Egerton, A short History, p. 326, 387.

французъ, и нѣмецъ, и американецъ были опасными соперниками австралійцу; понятно, что послѣднему какъ-то страшно стало быть брошеннымъ метрополіей; и чѣмъ подобная возможность казалась вѣроятнѣе, тѣмъ болѣе ея боялись въ Австраліи; австралійцы невольно сравнивали себя съ колонистами другихъ странъ и видѣли ясно, сколь выгодна могла быть поддержка лондонскаго правительства. Послѣдней каплей, переполнившей терпѣнье австралійцевъ, былъ слухъ о видахъ нѣмцевъ на Новую Гвинею; они не желали допускать дальнѣйшихъ пріобрѣтеній Германіей; Квинслендъ, побуждаемый этими мыслями, попросту занялъ Н. Гвинею, полагаясь на поддержку прочихъ колоній. [1]) Здѣсь уже мы имѣемъ одинъ изъ первыхъ указателей новаго движенія, не къ разъединенію, а къ сближенію австр. колоній; въ то же время Н. Ю. Валлисъ вошелъ въ болѣе тѣсныя отношенія съ Викторіей. Метрополія, конечно, не могла санкціонировать указаннаго захвата, [2]) но вмѣстѣ съ тѣмъ не упустила случая, чтобы указать австралійцамъ на безусловную необходимость и выгоду объединенія. Это была первая серьезная побѣда центростремительныхъ силъ и поворотъ исторіи развитія колон. сношеній въ ихъ сторону.

Прямымъ слѣдствіемъ всѣхъ этихъ событій былъ созывъ въ 1883 году общеавстралійской конференціи, на которой провозглашена была „Австралійская доктрина Монро“; интересно отмѣтить, какъ показатель новаго движенія, что на конференціи принимали участіе Новая Зеландія и Фиджи, до тѣхъ поръ упорно уклонявшіяся отъ какого бы то ни было соглашенія съ прочими колоніями. Конференція протестовала противъ допущенія небританской колонизаціи въ Тихомъ океанѣ и противъ возобновленія французами уголовной ссылки, а кромѣ того, просила метрополію оккупировать Н. Гвинею, обѣщая оказать этому денежную поддержку. Тутъ уже ясно становилось, что центростремительнымъ силамъ обезпечено лучшее будущее и что дѣло ихъ вовсе не пропадшее; они воспользовались этимъ, приложили всѣ свои старанія къ пропагандѣ идей единенія.

---

[1]) Подробнѣе см. H. E. Egerton, тамъ же, ст. 398 и сл.

[2]) Ср. James Bryce, Studies in History and jurisprudence, vol. I (Oxford, 1901), p. 472 et seq. (Essay VIII, the Constitution of the Australian Common wlealth).

Послѣ 1883 г. федеративное движеніе дѣлаетъ значительные успѣхи. Уже въ томъ же 1883 году находимъ мы первый осязательный результатъ въ созданіи общаго австр. колоніямъ органа „Федеративнаго Совѣта Австралазіи". Компетенція этого органа была опредѣлена на конференціи 1883 г. слѣдующимъ образомъ: онъ предназначенъ былъ вѣдать: 1. морскую оборону Австралазіи, 2. дѣла, касающіяся острововъ Тихаго океана, 3. борьбу противъ уголовной ссылки, 4. карантинное дѣло и 5. дѣла, передаваемыя на его разсмотрѣніе либо Ея Величествомъ (читай, министерствомъ метрополіи), либо законадательными органами австр. колоній. Конференція составила на этихъ основаніяхъ проектъ билля, учреждающаго Совѣтъ. Въ слѣдующемъ году всѣ колоніи, за исключеніемъ Н. Ю. Валлиса и Н. Зеландіи, выразили свое согласіе на учрежденіе этого органа, вслѣдствіе чего соотвѣтствующій билль и былъ внесенъ на разсмотрѣніе Парламента метрополіи [1]). Парламентъ принялъ его, и въ августѣ 1885 г. онъ былъ санкціонированъ королевой (The Federal Council of Australasia Act. [2]).

Таковы главные моменты исторіи развитія федеративныхъ идей въ Австраліи, свидѣтельствующіе намъ о факторахъ, препятствовавшихъ до 1883 г. ихъ успѣху. Современная австр. литература присоединяетъ къ этому еще одинъ факторъ способствовавшій неудачѣ движенія: невѣрный и ненадежный пріемъ, которымъ орудовали федералисты; они дѣйствовали главнымъ образомъ посредствомъ конференцій, стараясь объединить австр. колоніи переговорами колон. министровъ; между тѣмъ собирать послѣднихъ было очень трудно; то тотъ, то другой, постоянно оказывались занятыми; къ тому же, нѣкоторыя колоніи были отдѣлены отъ прочихъ огромнымъ разстояніемъ (напр., острова Фиджи); еще труднѣе было найти подходящее для всѣхъ время и мѣсто созыва подобной конференціи; переписка по этому поводу длилась иногда мѣсяцами и даже годами и въ концѣ

---

[1]) Подробнѣе см. Parkes, Fifty years in the Making of Australian History.

[2]) Осенью 1885 г. палаты Зап. Австраліи, Квинсленда, Тасманіи и Викторіи приняли соотвѣтствующіе имперскому акту билли и послали въ началѣ 1886 г. своихъ представителей въ Хобартъ, гдѣ Совѣтъ долженъ былъ впредь засѣдать.

концовъ оказывалось, что та или другая колонія все же не могла прислать своего представителя, что выключало ее eo ipso изъ соглашенія. Наконецъ, представители колоній не были свободны въ своихъ рѣшеніяхъ на конференціи; ихъ связывали по рукамъ и ногамъ инструкціи пославшаго ихъ правительства; благодаря этому такія конференціи скорѣе походили на международные конгрессы пословъ различныхъ враждующихъ державъ; представители колоній не могли ничѣмъ обязывать свои правительства; ни одно ихъ рѣшеніе не было обязательно для послѣднихъ; колоніи постоянно и съ величайшей легкостью отказывались считаться съ рѣшеніями и мнѣніями конференцій; только въ видѣ величайшаго исключенія предпринималось что-либо въ осуществленіе пожеланій какой-либо подобной конференціи. Но и всего этого не было достаточно; даже если получалось согласіе всѣхъ заинтересованныхъ колоній, то сіе было лишь первымъ шагомъ, послѣ котораго необходимо было начать не менѣе затруднительную процедуру сношеній съ метрополіей, отдаленной многими тысячами верстъ; такимъ образомъ должно было теряться драгоцѣннѣйшее время, въ теченіе коего обстоятельства могли измѣняться радикальнымъ образомъ и то, что было первоначально выгоднымъ колоніи, становилось тѣмъ временемъ невыгоднымъ; въ эти долгіе промежутки могла произойти смѣна колон. министерства, охладиться общественное мнѣніе, потеряться интересъ къ проектированной мѣрѣ и т. д., и т. д.; и въ концѣ концовъ необходимо было начинать все дѣло сызнова.

Съ учрежденіемъ федеральнаго совѣта нѣкоторые изъ только что указанныхъ недостатковъ должны были исчезнуть; теперь не приходилось болѣе вести безконечную переписку о созывѣ конференцій, на которыя представители колоній пріѣзжали бы столь неохотно; теперь имѣлся постоянный органъ, на разсмотрѣніе коего можно было всегда передать любой вопросъ. Къ несчастью однако, далеко не всѣ препятствія устранялись учрежденіемъ совѣта; и впредь оставался одинъ существенный недостатокъ, несвязанность колоній большинствомъ его рѣшеній; совѣтъ былъ по преимуществу совѣщательнымъ органомъ; законодательныя его функціи были весьма

слабы; какихъ-либо административныхъ или судебныхъ функцій у него и вовсе не было.

Въ первую же свою сессію совѣтъ избралъ „постоянный комитетъ“, на котораго онъ возложилъ веденіе дѣлъ въ промежутокъ между совѣтскими сессіями; такимъ образомъ создавался постоянный федеральный органъ. Составъ совѣта опредѣлялся слѣдующимъ образомъ: каждая колонія была вольна принимать участіе въ его составленіи посредствомъ посылки своего представителя; если колонія не желала участвовать, она не посылала своего представителя и тѣмъ выключала себя изъ сферы компетенціи совѣта. Первоначальными участниками были: Квинслендъ, Викторія, Тасманія, Западная Австралія и Фиджи; Южная Австралія присоединилась въ 1888 г., но принимала участіе всего лишь два года, а затѣмъ отстранилась на нѣкоторое время; въ 1891 г. отказалась отъ участія и Западная Австралія. Но самымъ больнымъ мѣстомъ для федералистовъ былъ полный отказъ отъ участія въ этомъ дѣлѣ двухъ наиболѣе цвѣтущихъ и вліятельныхъ колоній,—Н. Ю. Валлиса и Н. Зеландіи.

Въ 1894 г. было увеличено число членовъ совѣта, но всѣ они попрежнему продолжали назначаться соотвѣтствующими колон. правительствами (обыкновенно изъ числа колон. министровъ). По законодательнымъ вопросамъ необходима была иниціатива колон. законод. органовъ, что не могло не тормозить дѣятельности совѣта. Наибольшимъ недостаткомъ его учрежденія однако было другое обстоятельство—полное отсутствіе финансовыхъ правъ; совѣтъ не имѣлъ права ни устанавливать новыхъ налоговъ, ни распоряжаться денежными средствами; даже его собственные расходы и содержаніе покрывались статьями бюджетовъ отдѣльныхъ колоній, что ставило совѣтъ въ полную зависимость отъ финансовыхъ ассигнованій. Объясняется столь странное постановленіе крайней щепетильностью и опасливостью колоній, боявшихся уступить хоть іоту своихъ собственныхъ привилегій; многіе современники опасались, что предоставленіе совѣту финансовыхъ полномочій необходимо повлечетъ за собой учрежденіе нижней федеральной палаты, а впослѣдствіе и федеральной исполнительной власти; а въ началѣ 80-хъ годовъ

подобныя мысли вселяли ужасъ въ умахъ большинства австралійцевъ.

Благодаря перечисленнымъ недостаткамъ учрежденія совѣта, дѣятельность его въ общемъ оказалась очень безцвѣтной; почти ничего существеннаго имъ достигнуто не было [1]). Изъ этого однако не вытекаетъ, что ему слѣдуетъ отказать во всякомъ значеніе; нѣкоторую роль въ исторіи австр. федерат. движенія онъ все-таки сыгралъ; уже самое учрежденіе перваго федеральнаго органа является значительнымъ шагомъ впередъ по пути объединенія австр. колоній; далѣе, какъ учрежденіе совѣта, такъ и дѣятельность его не могла не способствовать пропагандѣ федеративныхъ идей; австралійцы постепенно привыкали къ мысли о возможности существованія подобныхъ общихъ органовъ, а дѣятельность совѣта, при всѣхъ ея ограниченіяхъ и недостаткахъ, все же свидѣтельствовала о пользѣ хотя бы нѣкотораго объединенія колоніальныхъ правительствъ. Для перваго опыта этого было довольно.

Дальнѣйшимъ успѣхамъ федералистовъ помогло одно непредвидѣнное новое обстоятельство. Въ самой Англіи, какъ разъ въ эту эпоху, начиналось новое движеніе, оказавшееся чреватымъ будущимъ. Мы имѣемъ въ виду идею федераціи всей имперіи. Первое воплощеніе она получила на Лондонской конференціи колоніальныхъ премьеровъ 1887 года. На ней австр. колоніи обѣщали, между прочимъ, денежную субсидію метрополіи для постройки флота (въ 126.000 ф. ст. [2]); въ осуществленіе другого пожеланія конференціи метрополія послала генерала Эдуардса инспектировать колон. войска, поручивъ ему донести о желательныхъ реформахъ въ военномъ управленіи колоній. Въ октябрѣ 1889 г. Эдуардсъ представилъ правительству свой рапортъ, суть котораго сводилась къ необходимости объединенія въ военномъ дѣлѣ всѣхъ австр. колоній (какъ въ организаціи арміи, ея вооруженія и обмундированія, такъ и въ вопросѣ о планѣ защиты Австралазіи); вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считалъ безусловно необходимымъ установить однообразіе въ си-

---

[1]) Перечисленіе принятыхъ совѣтомъ биллей можно найти у Quick and Garran, o. c., p. 115.

[2]) См. Imperial Defence Act. 1888, и соотвѣт. колоніальные акты.

стемѣ постройки желѣзныхъ дорогъ (напр., по отношенію къ размѣру колеи).

Общественное мнѣніе въ Австраліи было задѣто докладомъ Эдуардса за живое, чѣмъ непреминули воспользоваться для своей пропаганды федералисты. Не полагаясь однако на фед. совѣтъ, они обратились къ своему старому и излюбленному средству министерскихъ конференцій. Въ февралѣ 1890 г. была созвана въ Мельбурнѣ конференція, на коей приняли участіе представители семи колоній. Члены этой конференціи рѣшили прибѣгнуть къ новому средству, обратившись непосредственно къ австралійскому общественному мнѣнію; данный фактъ свидѣтельствуетъ намъ о происшедшей теперь крупной перемѣнѣ; общество было уже настолько подготовлено къ воспріятію федерат. идей, что участники конференціи считали возможнымъ на него полагаться, даже въ обходъ федеральнаго совѣта. Если же обратиться къ выработаннымъ конференціей началамъ, то можно найти и другой шагъ впередъ въ федерат. дѣлѣ; члены конференціи считали теперь однимъ изъ главнѣйщихъ недостатковъ существующаго строя отсутствіе федеральной исполнительной власти; камъ мы указывали, десять лѣтъ ранѣе подобная мысль была совершенно непріемлемой. Во-вторыхъ, участники конференціи обѣщали по возвращеніи домой внести въ соотвѣтствующія законод. палаты проектъ акта о созывѣ „австрійской національной конвенціи“ для выработки общихъ началъ Австралійской федераціи.

Теперь одна только Н. Зеландія оставалась въ сторонѣ, не желая принимать непосредственнаго участія въ федерат. дѣлѣ [1]); наоборотъ, Н. Ю. Валлисъ, который до того времени противился федерат. пропагандѣ, теперь охотно пошелъ навстрѣчу федераціи, хотя все еще продолжая уклоняться отъ участія въ федер. совѣтѣ. Слѣдующимъ шагомъ должно было быть разсмотрѣніе предложеній о созывѣ нац. конвенціи колон. закон. палатами; здѣсь опять, таки можно видѣть, насколько уже измѣнилось настроеніе общественнаго мнѣнія;

---

[1]) Ея закон. палата однако постановила послать своихъ представителей (2) для участія въ нац. конвенціи; не желая чѣмъ-либо обязываться, Н. Зеландія хотѣла быть тѣмъ не менѣе въ курсѣ дальнѣйшаго движенія федер. дѣла.

палаты, подъ давленіемъ послѣдняго, согласились безъ возраженій на созывъ конвенціи [1]), которую и удалось созрать уже въ мартѣ 1891 г. въ гор. Сиднеѣ; на ней участвовали семь колоній.

Нац. конвенція вынесла цѣлый рядъ резолюцій, которыми намѣчались принципы возможной федераціи; намъ интересны слѣдующія: 1. Признаніе правъ и привилегій отдѣльныхъ колоній, которыя теперь выступили офиціально въ качествѣ автономныхъ штатовъ; этимъ же предусматривался порядокъ образованія новыхъ штатовъ; таковое же должно имѣть мѣсто помимо согласія уже существующихъ штатовъ, изъ территоріи коихъ предполагалось бы образовать новый штатъ; мы находимъ здѣсь зародышъ одного изъ существеннѣйшихъ принциповъ будущей федераціи 1900 г., предполагающей первенствующее значеніе штатовъ. 2. Торговля между австр. колоніями должна быть совершенно свободной и не можетъ стѣсняться таможенными границами; тамож. законодательство предлагалось передать компетенціи федеральныхъ органовъ; объясненіе этому послѣднему началу легко найти въ предшествовавшей исторіи колоній; таможенный вопросъ всегда служилъ благодарной почвой распрямъ и ссорамъ колоній; во избѣжаніе именно этого конвенція и приняла упомянутое выше начало; но у членовъ конвенціи, вѣроятно, была и другая скрытая мысль; они, можетъ быть, надѣялись, что въ случаѣ провала идеи тѣсной федераціи возможно будетъ, по крайней мѣрѣ, осуществить своего рода таможенный союзъ, Zollverein. 3. Дѣло военной обороны Австралазіи предполагалось также вручить вѣдѣнію федеральныхъ органовъ; этотъ послѣдній принципъ былъ прямымъ слѣдствіемъ работы ген. Эдуардса.

Что же касается самого федеральнаго строя, то нац. конвенція взяла примѣромъ строй американскихъ соединенныхъ штатовъ; парламентъ предполагалось составить изъ двухъ палатъ; верхняя палата (сенатъ) должна была представлять штаты, каждый изъ коихъ посылалъ бы равное число сенаторовъ; ея возобновленіе происходило бы періодично и частично отставкой и новымъ избраніемъ одной трети сенаторовъ; нижняя палата составлялась бы

---

[1]) Подробнѣе см. Quick and Garran, o. c., p. 122 et seq.

избраніемъ пропорціонально количеству всего населенія колоній; ей одной представлялось бы право финансоваго законодательства (инициатива фин. биллей, установленіе федер. налоговъ, бюджета и т. д.). Судебная власть вручалась верховному суду, который долженъ былъ быть послѣдней инстанціей для всей Австраліи. Наконецъ въ исполнительную власть конвенція предполагала передать „генералъ-губернатору и его совѣтникамъ“; конвенція при этомъ имѣла въ виду примѣръ Канады; но данная часть работы конвенціи наиболѣе слабая; подробности положенія исполн. власти остались совершенно не выясненными и туманными; повидимому, полагалось предоставить метрополіи выработать детали этого вопроса [1]). Наиболѣе трудно-опредѣлимыми оказались два вопроса: съ одной стороны, установленіе равновѣсія между большими и маленькими штатами, съ другой же,—урегулированіе таможеннаго спора протекціонистовъ съ фритредерами [2]). Въ заключеніе конвенція постановила, что, какъ только выработанныя ею начала будутъ приняты тремя колоніями, такъ сейчасъ же будутъ начаты переговоры по этому дѣлу съ метрополіей.

Федералистамъ теперь уже приходилось бороться съ новымъ врагомъ, уніонистами, выставившемъ на своемъ политическомъ знамени полное объединеніе Австраліи въ одно государство; федералистамъ пришлось напречь всѣ свои силы для дальнѣйшей пропаганды федер. идей [3]).

Потребовалось нѣсколько лѣтъ работы, въ теченіе коихъ выработанныя конвенціей 1891 г. начала обсуждались, приспособлялись, измѣнялись и развивались въ каждомъ отдѣльномъ штатѣ. По справедливому замѣчанію проф. Мура [4]), общее развитіе фед. вопроса въ эту эпоху шло въ направленіи демократизаціи предположеній 1891 г.

Слѣдующимъ событіемъ явилась конференція премьеровъ, засѣдавшая въ 1895 г. въ Хобартѣ (Hobart) [5]);

---

[1]) Подробнѣе см. Parkes, o. c., p. 603 et seq.

[2]) См. Conven. Debates, Sydney, 1891.

[3]) Подробнѣе см. Quick and Garran, o. c., p. 143 et seq.

[4]) W. Harrison Moore, The Constitution of the Commonwealth of Australia, p. 43, 2-я ed., 1910; Bourinot, Transactions of the Royal Society of Conada, 2 Series, vol. I, Sec. 2, 1895; National Review, vol. XXXI, p. 269 et seq.

[5]) На конференціи въ Хобартѣ участвовали 6 колоній; Н. Зеландія воздержалась.

конференція признала фед. дѣло неотложнымъ, но для дальнѣйшаго движенія его считала необходимымъ новое обсужденіе всего вопроса на національномъ собраніи или конвенціи; выработанный послѣднею проектъ федераціи предпологалось затѣмъ поставить на народное голосованіе; премьеры правильно считали, что гораздо труднѣе было добиться согласія на федерацію отъ законод. палатъ, чѣмъ отъ самого населенія, референдумъ же, несомнѣнно, обяжетъ палаты подчиниться народному рѣшенію.

Вскорѣ послѣ этого палаты Н. Ю. Валлиса, Викторіи, Тасманіи, Южной и Зап. Австраліи [1]) выразили свое согласіе на выполненіе плана хобартской конференціи; одинъ Квинслендъ медлилъ отвѣтомъ, вслѣдствіе чего рѣшено было немного обождать [2]).

Выборы въ новую нац. конвенцію, наконецъ, имѣли мѣсто въ мартѣ 1897 г., при чемъ въ четырехъ колоніяхъ [3]), въ коихъ члены конвенціи избирались населеніемъ, эта кампанія явилась прекрасной почвой для федералистической пропаганды; федералисты получили чудную возможность излагать народу свои идеалы. Въ концѣ того же мѣсяца конвенція собралась въ Аделаидѣ. Въ основаніе своихъ работъ она положила проектъ 1891 г., но съ тѣми измѣненіями и дополненіями, которыя оказались нужными и отмѣченными за истекшій промежутокъ времени. Какъ и въ 1891 г. однимъ изъ существеннѣйшихъ камней преткновенія былъ таможенный и финансовый вопросы [4]); рядомъ съ ними много споровъ вызывали вопросы гарантій маленькимъ штатамъ, о положеніи сената и о желѣзныхъ дорогахъ и водяныхъ путяхъ. Споръ по финансовому вопросу конвенція 1897 г. рѣшила обойти посредствомъ такъ наз. „Braddon Clause“, согласно которому на федеральные расходы должно было идти не болѣе одной четверти чистыхъ доходовъ феде-

---

[1]) Западная Австралія согласилась принять участіе въ конвенціи, но лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы ее представители назначались закон. палатой, а не избирались населеніемъ.

[2]) Причиной тому было огромное количество ирландцевъ, жившихъ въ Квинслендѣ; не даромъ эта колонія считалась въ тѣ дни въ Англіи своего рода образцомъ сепаратизма. Ср. съ C. W. Dilke, Problems of greater Britain (London, 1890), p. 208 et seq.

[3]) Н. Ю. Валлисъ, Викторія, Тасманія и Южная Австралія.

[4]) Какъ и въ Канадѣ, вопросъ о федер. финансахъ былъ наиболѣе трудно разрѣшимымъ. Ср. Pope, Confederation Documents, 1895 (Canada).

БИБЛИОТЕКА

рацiи отъ таможенныхъ и спиртныхъ пошлинъ [1]). Главное отличiе проектовъ, выработанныхъ въ 1897 г. отъ принциповъ 1891 года, составляютъ: 1. способъ составленiя сената; теперь рѣшено было, что сенаторы будутъ избираться не закон. палатами, а народомъ; здѣсь сказалась демократизацiя государственныхъ идей, происшедшая за послѣднiе года; 2. въ 1897 г. были значительно облегчены условiя избранiя сенаторовъ; 3. парламенту были теперь предоставлены болѣе широкiя полномочiя касательно права измѣненiя избирательнаго закона; 4. права парламента вообще были расширены; 5. министры были обязаны быть членами парламента, о чемъ проектъ 1891 г. вовсе не упоминаетъ; и 6. верховному суду было предоставлено право толкованiя конституцiи [2]).

Довольно крупныя разногласiя, возникшiя среди членовъ конвенцiи, заставили однако прекратить на время ея работу. Она тогда прибѣгла къ весьма остроумному средству; уже выработанные ею принципы, равно и всѣ возраженiя, сдѣланныя отдѣльными членами, и спорные вопросы переданы были на обсужденiе законод. палатъ колонiй; такимъ образомъ надѣялись придти къ соглашенiю, а главное, къ выясненiю точныхъ требованiй отдѣльныхъ колонiй. Въ августѣ проекты были возвращены съ крупными измѣненiями, а въ сентябрѣ конвенцiя приступила къ ихъ обсужденiю. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что большiя колонiи (вь частн. Н. Ю. Валлисъ) благоразумно согласились на уступки; несмотря на это, работы конвенцiи двигались впередъ медленнымъ темпомъ; только къ веснѣ 1898 г. достигнуто было соглашенiе по главнѣйшимъ вопросамъ; въ концѣ марта конвенцiя, закончивъ свою работу, представила выработанные ею проекты на народное голосованiе.

Референдумъ имѣлъ мѣсто въ iюнѣ въ Н. Ю. Валлисѣ, Викторiи, Тасманiи и Ю. Австралiи; въ Валлисѣ оппозицiя проекту оказалась очень сильной; съ одной стороны, на него нападали „демократы“, считавшiе непрi-

---

[1]) Подробнѣе см. ст. W. H. Moore, La Constitution Fédérale Australienne, Revue du Droit Public, t. XII, p. 299 (Sept-Oct., 1899).

[2]) Подробнѣе см. Egerton, Federations aud Unions, p. 63 et seq. Также H. Moore, la Constitution Fédérale Australienne, Revue du Droit Public et de la Science politique, (6 année, t. XI), 1899 № 2

емлемыми статьи о сенатѣ, съ другой—противники федерализма, ухватившіеся за недостатки финансоваго соглашенія; по мнѣнію послѣднихъ принятое конвенціей начало возложить всѣ фин. тяготы исключительно на Валлисъ; къ тому же тутъ возникъ и новый споръ касательно мѣста расположенія столицы Австраліи; для федерацій этотъ вопросъ всегда является очень спорнымъ; стоитъ только вспомнить исторію Канады и Амер. Соед. Штатовъ; обыкновенно вопросъ рѣшается выборомъ для столицы какого-либо нейтральнаго и незначительнаго города.

Квинслендъ и Зап. Австралія пока еще не предпринимали шаговъ къ осуществленію проекта федераціи [1]). Въ общемъ результатъ референдума 1898 г. не могъ обрадовать федералистовъ; оппозиція въ Валлисѣ была для нихъ зловѣщимъ признакомъ; благодаря этому, хотя въ проектѣ и предусматривалось дальнѣйшее движеніе дѣла (начатіемъ переговоровъ съ метрополіей) какъ только за него выскажутся три колоніи, пришлось его задержать; безъ Валлиса и Квинсленда федерація была невозможна, а поспѣшностью можно было вызвать полный отказъ перваго; федералистамъ пришлось волей-неволей, войти въ подробное разсмотрѣніе возраженій, дѣлаемыхъ именно Валлисомъ.

Въ январѣ 1899 г. была созвана въ Мельбурнѣ новая конференція премьеровъ [2]); появленіе на ней представителей двухъ воздержавшихся колоній (Квинсленда и З. Австраліи) правильно разсматривалось какъ возможное ихъ присоединеніе къ федераціи. Руководящую роль сразу же занялъ Н. Ю. Валлисъ; остальныя колоніи пошли за нимъ безъ особыхъ затрудненій. Вслѣдствіе этого конференціи не трудно было выработать компромиссы во всѣхъ спорныхъ вопросахъ и тѣмъ согласить

---

[1]) Наибольшее число голосовъ за проектъ конвенціи было подано въ Викторіи и Тасманіи, въ пропорціи 5=1; въ Южной Австраліи пропорція оказалась гораздо меньшей: 2=1, а въ Н. Ю. Валлисѣ большинство за проекты оказалось очень незначительнымъ.

[2]) Насколько къ этому времени уже окрѣпло сознаніе необходимости единенія колоній и единства ихъ политики въ нѣкоторыхъ, хотя бы вопросахъ, можно судить по тому факту, что съ 1895 г. установился, съ общаго согласія, обычай ежегоднаго съѣзда (въ январѣ) австралійскихъ премьеровъ для обсужденія вопросовъ общей политики и достиженія соглашеній и единства дѣйствій отдѣльныхъ министерствъ; потребность въ единеніи уже настойчиво требовала себѣ удовлетворенія.

строптивныя колоніи; такъ, напр., вопросъ о столицѣ рѣшенъ былъ въ пользу Валлиса, но для таковой намѣчался не Сидней, а новое поселеніе „не ближе 100 миль отъ Сиднея“; до постройки столицы федер. власти должны были расположиться въ Мельбурнѣ.

Какъ только между премьерами состоялось соглашеніе, такъ сразу же были предприняты шаги къ новому референдуму. Таковой имѣлъ мѣсто въ іюнѣ 1899 г. [1]). Въ результатѣ за новые проекты федераціи теперь высказалось огромное большинство въ четырехъ колоніяхъ; въ Квинслендѣ референдумъ имѣлъ мѣсто въ сентябрѣ, при чемъ за проектъ также было подано большинство голосовъ. Оставалась одна З. Австралія, вновь медлившая и нерѣшительная; но было уже совершенно очевидно, что ея воздержаніе не можетъ остановить дальнѣйшаго движенія дѣла [2]).

Вслѣдъ затѣмъ колоніи послали метрополіи адреса съ просьбой войти въ разсмотрѣніе выработаннаго имп проекта федераціи; правительство метрополіи, давно уже ждавшее подобную просьбу, встрѣтило ее съ радостью и сразу же пригласило представителей австр. колоній въ Лондонъ для личныхъ переговоровъ. Интересно отмѣтить, что въ Лондонъ приглашены были наравнѣ съ прочими и представители медлившей рѣшеніемъ З. Австраліи и совершенно воздержавшейся Н. Зеландіи; правительство надѣялось убѣдить ихъ присоединиться къ прочимъ колоніямъ и преуспѣло по отношенію къ З. Австраліи.

Лондонскіе переговоры длились въ продолженіе весны 1900 г., пока, наконецъ, не былъ выработанъ парламентскій билль [3]). Ведущая роль принадлежала безспорно Чемберлену, ст.-секр. колоній, игравшему первую скрипку въ тогдашнемъ консервативномъ министерствѣ. Главнымъ камнемъ преткновенія оказалась ст. 74 австралійскаго проекта, касавшаяся права судебной апелляціи.

---

[1]) Подробнѣе см. Quick and Garran, o. c., p. 221 et seq.

[2]) Референдумъ въ З. Австраліи имѣлъ мѣсто лишь послѣ того, какъ фед. билль былъ уже санкціонированъ королевой; населеніе высказалось за него огромнымъ большинствомъ голосовъ; по своему удѣльному вѣсу З. Австралія, конечно не могла оставаться одинокой и отдѣленной отъ прочихъ колоній.

[3]) Подробнѣе о лонд. переговорахъ см. офиціальное изданіе „Commonwealth of Australia Constitution Bill“, напечатанное у Wyman and Sons (Lonpon). Также Parl. Papers, May, - 1900.

Австралія желала разъ навсегда отдѣлаться отъ судебнаго контроля Тайнаго Совѣта метрополіи; съ точки-же зрѣнія послѣдней этимъ нарушалась бы одна изъ существеннѣйшихъ ея привилегій и прочная связь съ колоніями; вопросъ былъ поставленъ настолько рѣзко, что одно время казалось въ опасности все дѣло федераціи, такъ какъ Чемберленъ предпочиталъ его провалъ отказу метрополіи въ упомянутомъ полномочіи; онъ открыто заявилъ, что не уступитъ ни единаго вершка привилегій и правъ метрополіи.

Отказъ метрополіи принятъ австралійскую редакцію ст. 74 создалъ такимъ образомъ большія затрудненія. Представители колоній указывали, что не могли согласиться на измѣненіе единой іоты проекта, и что метрополія должна принять его in toto, разъ онъ былъ принятъ „австрійскимъ народомъ“ [1]); консерваторамъ метрополіи и въ особенности Чемберлену подобныя теоріи могли казаться настоящимъ кощунствомъ.

Федералистамъ въ Австраліи пришлось уступить въ виду явнаго упорства метрополіи; не желая однако это сдѣлать открыто, они вошли черезъ заднюю дверь. Въ Мельбурнѣ была спѣшно созвана конференція колон. премьеровъ (засѣдавшая съ 19 по 21 апрѣля), постановившая настаивать на принятіи австр. редакціи ст. 74, но уступить, если въ опасности окажется весь проектъ. Освѣдомившись объ этомъ, Чемберленъ сразу же воспользовался такой скрытой уступкой и внесъ проектъ на разсмотрѣніе парламента, измѣнивъ по-своему редакцію спорной статьи. Новой Зеландіи и Зап. Австраліи была оставлена въ проектѣ возможность присоединиться въ любое время къ будущей федераціи, а по отношенію къ Н. Зеландіи, кромѣ того, допущена возможность апелляціи къ верх. суду Австраліи; всѣмъ этимъ, впрочемъ воспользовалась лишь З. Австралія, Н. Зеландія такъ и осталась въ сторонѣ.

Дебаты въ Вестминстерѣ прошли вяло; билль въ общемъ былъ принятъ очень симпатично и 9 іюля 1900 г. санкціонированъ королевой [2]). Съ 1-го января 1901 г. онъ

---

[1]) Этимъ отличается билль 1900 г. отъ канадскаго билля 1867 г., который не подвергался народному голосованію; билль 1867, составленный конвенціей въ Квебекѣ, принятъ были законод. палатами провинцій и съ очень незначительными измѣненіями внесенъ прямо въ имперскій парламентъ.

[2]) 63 and 64 Vict., c. 12.

вступилъ въ дѣйствіе, создавъ такимъ образомъ новую федерацію среди Британской имперіи.

Подводя итоги исторіи австралійской федераціи, можно сказать, что борьба, выдержанная отцами конституціи 1900 г., была менѣе интенсивна, чѣмъ та, которую пришлось пережить канадскимъ дѣятелямъ 60-хъ годовъ, да и препятствія, съ которыми боролись федералисты въ Австраліи, были иныя, чѣмъ въ Канадѣ [1]). Въ ихъ пользу говорило единство національности, языка и религіи австр. колонистовъ. Нѣкоторую аналогію съ исторіей Сѣв-Амер. Штатовъ можно найти въ ростѣ государственной автономіи отдѣльныхъ колоній, предшествовавшемъ федераціи; сначала выросли и окрѣпли штаты, а затѣмъ уже, такъ сказать поверхъ ихъ, была создана федерація; благодаря этому одной изъ главнѣйшихъ обязанностей федералистовъ было установленіе гарантій самостоятельности штатовъ и ограниченіе въ ихъ пользу федер. власти; въ Канадѣ этой трудности въ подобномъ видѣ не существовало; тамъ федерація выросла изъ расовой и національной борьбы. Огромнымъ преимуществомъ въ Австраліи было то обстоятельство, что британскія колоніи занимали весь материкъ; другія національности появились въ Тихомъ океанѣ гораздо позднѣе. Другимъ выгоднымъ факторомъ было раннее и сильное развитіе морской торговли, не имѣвшей серьезныхъ постороннихъ конкурентовъ; коммерческіе классы Австраліи были рады возможности отдѣлаться теперь отъ таможенныхъ границъ; къ тому-же, развитію торговли между штатами способствовалъ и огромный ростъ къ концу столѣтія желѣзнодорожныхъ путей.

Что касается отношеній метрополіи къ австр. федераціи, то здѣсь мы видимъ переживаніе слѣдующихъ стадій. Уже съ середины XIX столѣтія въ Англіи прочно обосновывается принципъ наименьшаго вмѣшательства въ австралійскія дѣла, благодаря чему такъ прочно складываются элементы мѣстной самостоятельности. Къ концу 70-хъ годовъ подобное отношеніе метрополіи къ Австраліи развивается до мысли о полномъ отказѣ отъ этихъ колоній. Но когда въ 80-хъ годахъ становится яснымъ, что Австралія не желаетъ полнаго отдѣленія,

---

[1]) Ср. напр. J. Bryce, Studies in History, vol. I, p. 483 et seq (§ IV).

да и не въ состояніи успѣшно развиваться безъ помощи метрополіи, послѣдняя охотно соглашается на сохраненіе связи, но связи реформированной, перестроенной на новыхъ началахъ, многое изъ коихъ заимствуется изъ уже имѣющагося примѣра Канады.

Благодаря этому развивается и крѣпнетъ въ Австраліи національное самосознаніе; опека метрополіи болѣе не страшна колонистамъ; она уже давно превратилась въ дружескую помощь и поддержку въ трудныя минуты жизни. Внутри же Австраліи узкія „колоніальныя“ перегородки сломлены и съ каждымъ днемъ крѣпнетъ идея „Австралійскаго гражданства“, Австраліи для австралійцевъ; федерація колоній явилась могучимъ „симпатическимъ“ факторомъ въ ростѣ этой идеи, имѣющей въ наши дни и большое политическое значеніе; вспомнимъ хотя бы австралійскую доктрину Монро.

Для Великобританіи же появленіе на свѣтъ Божій второй столь могущественной федераціи означало необходимость перестройки всего имперскаго зданія. Съ 1900 г. англійскіе государственные мужи и приступили къ этому чреватому будущимъ дѣлу перестройки основъ Имперіи.

2.

Актъ 1900 года.

Организація властей.

1. Парламентъ. Согласно ст. 1 конституціи 1900 г. Австралійскій парламентъ состоитъ изъ „короля, сената и палаты представителей“ (ср. ст. 17 канад. конст.). Созывъ, отсрочка или перерывъ сессіи и роспускъ происходятъ распоряженіемъ генералъ-губернатора (ст. 5); Австралійская конституція однако вводитъ нѣкоторыя ограничительныя условія, неизвѣстныя Канадскому акту 1867 г.; послѣ каждыхъ общихъ выборовъ Парламентъ долженъ быть созываемъ не позднѣе 30 дней (ст. 5), а кромѣ того, онъ долженъ имѣть ежегодную сессію (ст. 6); Австр. практика не считаетъ генералъ-губернатора свя-

заннымъ совѣтомъ своихъ министровъ, хотя общимъ порядкомъ онъ всегда будетъ руководствоваться ихъ указаніями; вопросъ здѣсь идетъ, конечно, главнымъ образомъ о роспускѣ, такъ какъ созывы и отсрочки затрудненій не вызываютъ; въ противность Канадскому обычаю, австр. генералъ-губернаторъ не разъ уже отказывалъ министерству въ роспускѣ за десятилѣтіе существованія австр. конституціи [1]); можно предвидѣть, что въ будущемъ это его дискреціонное право твердо установится въ Австраліи.

Сенатъ, согласно общему принципу федерацій, представляетъ интересы штатовъ, палата же представителей— интересы всего населенія Австраліи.

Всѣ штаты имѣютъ равное представительство въ сенатѣ (ст. 7); но въ противность Канадской федераціи, члены его не назначаются, а избираются населеніемъ штатовъ; каждый штатъ имѣетъ 6 представителей въ сенатѣ; парламентъ имѣетъ право увеличивать ихъ число, но обязательно сохраняя при этомъ равенство между штатами; нижняя палата должна имѣть вдвое больше членовъ, чѣмъ палата верхняя (стт. 24 и 57 [2]); весь штатъ составляетъ единый избирательный округъ для сенаторовъ [3]); этимъ отцы конституціи полагали бороться со зломъ, проявившимся въ Соедин. Штатахъ, гдѣ „мѣстный“ патріотизмъ такъ часто торжествовалъ надъ патріотизмомъ національнымъ; преобладаніе мѣстныхъ интересовъ въ составѣ сената всегда нежелательно и, надо сказать, отцы достигли своей цѣли; австр. сенатъ отличается гораздо большими достоинствами, чѣмъ сенаты Соед. Штатовъ и Канады; онъ является по единогласному свидѣтельству современниковъ гораздо болѣе національнымъ органомъ, чѣмъ даже палата представителей, хотя въ другихъ федераціяхъ подобная объедини-

---

[1]) Министерство Watson въ 1904 г. и м-во Reid въ 1905 г. просили о роспускѣ послѣ пораженія на голосованіи. Ср. Commonwealth Parliamentary Debates 1904, p. 4265 и 1905, p. 133 et seq.

[2]) Какъ мы знаемъ, составъ сената являлся наиболѣе спорнымъ вопросомъ въ исторіи акта 1900 г.; большіе штаты долго не соглашались на принципъ равенства. Билль 1891 г. еще предлагалъ назначеніе сенаторовъ законод. палатами штатовъ, воспринявъ такимъ образомъ американскую систему; въ проектѣ 1897 г. нѣтъ болѣе и помину объ этомъ мало-демократическомъ способѣ назначенія членовъ верхней палаты.

[3]) Квинслендъ первоначально являлся исключеніемъ, располагая правомъ впредь до отмѣны такового федер. парламентомъ, раздѣленія штата на округа для выборовъ квинслендскихъ сенаторовъ.

тельная роль принадлежитъ именно послѣдней, а не верхней палатѣ.

Сенаторы избираются на 6 лѣтъ, но составъ сената возобновляется каждые 3 года, при чемъ возобновляется половина сенаторовъ каждаго штата (ст. 7, 13, 14); конституція предусматриваетъ весьма сложнымъ порядкомъ замѣщеніе вакансій до истеченія срока (ст. 15, 21); одна треть сенаторовъ составляетъ quorum (ст. 22); сенаторы совершенно свободны при голосованіи, вслѣдствіе чего сенаторы одного и того же штата могутъ голосовать различно; штатъ можетъ не пользоваться своимъ правомъ избранія представителей въ сенатъ, но сіе не можетъ останавливать работы и дѣйствій этого органа; конституція, очевидно, имѣетъ въ виду устранить возможность обструкціи со стороны штатовъ; предшествовавшія 1900 г. событія показали, что подобная возможность имѣлась налицо и противъ нея надо было бороться [1]).

Въ отличіе отъ многихъ федеральныхъ конституцій, актъ 1900 г. предусматриваетъ, кромѣ частичнаго возобновленія сената, и роспускъ его; таковой можетъ имѣть мѣсто при роспускѣ парламента въ случаѣ „deadlock“, когда обѣ палаты не въ состояніи прійти ко взаимному соглашенію (ст. 57). Принципы статьи 57-ой весьма своеобразны и объясняются все той же боязнью австралійскихъ федералистовъ обструкціи со стороны отдѣльныхъ штатовъ; исторія федеративнаго движенія давала имъ много примѣровъ и предостереженій въ этомъ отношеніи.

Ст. 9 даетъ федер. парламенту право устанавливать порядокъ выборовъ сенаторовъ, но при условіи, чтобы таковой порядокъ былъ бы единообразнымъ для всѣхъ штатовъ; дальнѣйшія подробности избранія сенаторовъ могутъ быть устанавливаемы законами отдѣльныхъ штатовъ, при соблюденіи, конечно, требованій федеральнаго закона; такъ, законами штата могутъ опредѣляться мѣсто и время выборовъ сенаторовъ. Пропорціональное пред-

---

[1]) Въ 1906 г. былъ опубликованъ законъ, касательно порядка избранія сенаторовъ (Constitution Alteration Act, 1906, Senate Elections), которымъ устанавливается, что выборы сенаторовъ должны происходить одновременно съ трехлѣтними выборами членовъ нижней палаты, что значительно упростило федеральные выборы вообще, сведя ихъ къ одной избирательной кампаніи каждые три года. Нѣкоторые другія измѣненія были введены уже ранѣе закономъ 1903 г. (Senate Elections Act, 1903).

ставительство до сего дня (1912) не нашло еще себѣ вліятельныхъ поборниковъ въ Австраліи.

Сенатъ избираетъ своего президента (ст. 17), имѣющаго, впрочемъ, лишь обыкновенный членскій голосъ (ст. 23); при раздѣленіи голосовъ поровну, дѣло считается, какъ въ палатѣ лордовъ, отклоненнымъ (ст. 23); сенатъ можетъ смѣщать своего президента (ст. 17); всякій сенаторъ можетъ подавать въ отставку (ст. 19); кромѣ того, онъ можетъ быть лишенъ своего членства, если будетъ отсутствовать въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ во время сессіи парламента (ст. 20), или, если наступятъ условія, при существованіи коихъ членство невозможно (дисквалификація, стт. 44 и 45 [1]).

Если канадскій сенатъ является примѣромъ одной изъ слабѣйшихъ сторонъ канад. конституціи, то въ Австраліи, наоборотъ, учрежденіе сената одна изъ наиболѣе удавшихся частей акта 1900 г.; благодаря своему положенію, сенатъ играетъ выдающуюся роль въ австралійской политикѣ и пользуется всеобщимъ уваженіемъ; главное его значеніе заключается, конечно, въ укрѣпленіи равновѣсія между отдѣльными штатами и въ борьбѣ съ центробѣжными силами [2]).

Что же касается палаты представителей [3]), то главное ея отличіе отъ сената состоитъ въ томъ, что она избирается „народомъ федераціи“ (directly chosen by the people of the Commonwealth, ст. 24), тогда какъ сенаторы избираются „народомъ штата“ (такого-то, ст. 7). Число членовъ палаты опредѣляется пропорціонально количеству населенія Австраліи, но съ соблюденіемъ двухъ условій: оно должно быть вдвое больше числа сенаторовъ [4]) и не менѣе пяти отъ каждаго штата (стт. 24 и 25); при этомъ въ расчетъ не могутъ приниматься аборигены-туземцы (ст. 127); разъ выборы происходятъ пропорціонально количеству населенія, то требуется, слѣ-

---

[1]) Ср. Tarring, Chapters on the Law relating to the Colonies, 3 ed., p. 92 et seq.

[2]) Четыре меньшихъ штата, согласившись между собой, могутъ, благодаря большинству голосовъ въ сенатѣ, успѣшно бороться съ двумя большими и вліятельными штатами. Сенатъ такимъ образомъ является защитникомъ слабыхъ штатовъ.

[3]) Терминъ этотъ (House of Representatives заимствованъ отцами акта 1900 г. изъ австр. колоній, уже имѣвшихъ подобныя палаты; въ Канадѣ нижняя палата называется палатой общинъ (House of Commons).

[4]) Минимальное число сенаторовъ, при 6 штатахъ, равняется 36.

довательно, отъ времени до времени перераспредѣлять депутатскія мѣста, согласно статистикѣ народныхъ переписей [1]).

Въ первомъ парламентѣ, послѣ 1900 г., штаты имѣли слѣд. число представителей: Н. Ю. Валлисъ, 26, Викторія, 23, Квинслендъ, 9, Южн. Австралія, 7, Зап. Австралія, 5 и Тасманія, 5, а всего 75; согласно переписи 1906 г. Валлисъ получилъ еще одного представителя, Викторія же потеряла одного [2]).

Избирательный законъ установилъ избирательные округа, при чемъ каждый округъ выбираетъ одного депутата [3]). Quorum палаты составляетъ одна треть ея членовъ (ст. 39). Палата избирается на три года, но можетъ быть распущена генералъ-губернаторомъ во всякое время (ст. 28); по истеченіи десяти дней послѣ роспуска палаты или истеченія трехлѣтняго срока, генералъ-губернаторъ обязанъ назначить день для выборовъ новой палаты (ст. 32); въ настоящее время избирательное право федераціи регулируется федер. законами 1902—1905 годовъ [4]).

Членъ парламента имѣетъ право отказываться отъ своего мандата, а кромѣ того можетъ быть лишенъ такового, если будетъ отсутствовать въ теченіе двухъ мѣсяцевъ безъ отпуска палаты (стт. 37 и 38). Палата избираетъ своего спикера, котораго можетъ также смѣщать (ст. 35); у спикера нѣтъ права голоса; только при равенствѣ голосовъ можетъ онъ голосовать, рѣшая тогда судьбу даннаго дѣла (ст. 40).

Конституція запрещаетъ гражданину быть одновременно членомъ обѣихъ палатъ (ст. 43 [5]); состояніе на

---

[1]) Опредѣленіе порядка и подробностей переписи было сдѣлано въ законѣ 1905 г.; Act, relating to the representation of the several States in the House of Representatives, № 11, 1905.

[2]) Ср. Parliamentary Papers 1906, vol. 2, p. 387, 355, 287.

[3]) Подробнѣе объ избир. законахъ см. Commonwealth Electoral Acts 1902—1905, напечатанные въ сборникѣ австралійскихъ законовъ (Statutes) 1905 года.

[4]) Выборы прямые, тайные и общіе; нѣкоторыя туземныя племена впрочемъ, лишены избират. права. Интересно отмѣтить, что, представляя парламенту право измѣнять избир. законъ, конституція ставитъ непремѣннымъ условіемъ сохраненіе демократическихъ принциповъ. Ср. Commonwealth Franchise Act, 1902.

[5]) Актъ 1900 г. допускалъ одновременное членство въ федеральномъ парламентѣ и закон. палатѣ штата; штаты однако стали теперь запрещать членамъ федер. парламента быть одновременно членами мѣстной палаты; вслѣдствіе этого и федер. парламентъ запретилъ подобное совмѣстительство. Практическое его значеніе было всегда минимально; очень немногія лица были въ состояніи работать одновременно на двухъ поприщахъ.

государственной службѣ или занятіе какой-либо правит. должности лишаетъ гражданина пассивнаго избирательн. права (ст. 44, п. 4); это послѣднее симпатичное правило заимствовано изъ англійскаго права; исключеніе допускается лишь въ пользу министровъ и отставныхъ военныхъ, получающихъ пенсіи отъ казны; въ отличіе отъ метрополіи, членъ парламента, какъ и въ Канадѣ, не лишается своего мѣста при принятіи министерскаго портфеля.

Отрицательныя условія избир. права, установленныя статьями 43, 44 и 45, не могутъ быть измѣняемы федер. парламентомъ. Австр. законы и судебная практика нынѣ не проводятъ болѣе различія въ вопросахъ избир. права между мускимъ и женскимъ поломъ [1]).

Остается упомянуть объ оригинальномъ принципѣ статьи 97 избир. закона, требующей отъ всякаго кандидата въ члены парламента залога въ 25 фунтовъ стерл. (приблизительно 250 рублей), возвращаемаго ему послѣ выборовъ, но лишь въ случаѣ, если за него на выборахъ будетъ подано не менѣе одной пятой числа голосовъ, полученныхъ депутатомъ избраннымъ наименьшимъ числомъ голосовъ. Избир. законъ содержитъ также подробныя опредѣленія касательно фондовъ и средствъ, расходуемыхъ на избир. кампаніяхъ, строго преслѣдуя взяточничество; послѣднее понятіе тоже спеціально опредѣлено закономъ [2]).

Прекрасно организовано въ Австраліи дѣло провѣрки и обжалованія парламентскихъ выборовъ; по ст. 47 акта 1900 г. оно было поручено самимъ палатамъ, но избир. законъ [3]) передалъ дѣло особому суду, Court of Disputed Returns; этотъ спеціальный судъ образуется изъ Верховнаго Суда федераціи [4]); онъ имѣетъ право объявлять члена парламента лишеннымъ мѣста; онъ разсматриваетъ спорное дѣло самъ, либо передаетъ его Высшему Суду того штата, въ коемъ происходили выборы (сіе, напр., имѣетъ мѣсто, когда того требуютъ запутанныя

---

[1]) Ср. Harrison Moore, The Constitution of the Commonwealth of Australia, 2 Ed., London, 1910, p. 130—131.

[2]) Подробнѣе H. Moore, o. c., стр. 132 и слѣд.

[3]) Commonwealth Electoral Acts 1902—1905 и дополнит. законъ № 10, 1907 г.

[4]) Подробнѣе объ этомъ судѣ см. J. Quick and L. E. Groom, The Judicial Power of the Commonwealth (Melbourne, 1904), p. 448 et seq. (Court of Disp. Returns).

подробности и детали мѣстнаго избират. закона); никакой апелляціи на рѣшенія этого суда не допускается; въ случаѣ онъ раскроетъ въ дѣлѣ уголовное преступленіе, таковое передается для дальнѣйшаго производства обыкновенному суду; онъ же довольствуется лишеніемъ члена парламента мѣста и возложеніемъ на него судебныхъ издержекъ.

Этимъ способомъ обезпечивается полная справедливость и безпристрастность рѣшеній въ спорныхъ дѣлахъ, касательно парлам. выборовъ; практика спеціальнаго суда заслужила ему всеобщее уваженіе и довѣріе; политическія страсти вовсе исключены изъ его рѣшеній.

Австралійскимъ обычаемъ уже давно установлено, что члены законод. палатъ получаютъ жалованье и возмѣщеніе путевыхъ расходовъ; не удивительно поэтому, что и члены федер. парламента получили то же право на вознагражденіе, ст. 48 даетъ членамъ обѣихъ палатъ, впредь до измѣненія сего постановленія самимъ парламентомъ, по 400 фунтовъ стерл. (4000 р.) въ годъ; въ 1907 г. парламентъ увеличилъ жалованье до 600 фун. ст., что вызвало очень сильное недовольство во всей странѣ; кромѣ того, члены парламента получаютъ даровые билеты по жел. дорогамъ и возмѣщеніе стоимости пароходныхъ билетовъ.

Ст. 49 предоставляетъ парламенту полную свободу регулировать, опредѣлять и охранять свои собственныя привилегіи въ той же мѣрѣ „какъ то имѣетъ мѣсто по отношенію палаты общинъ соединеннаго королевства“; другими словами, парламентъ является единственнымъ судьей и охранителемъ депутатскихъ привилегій, свободы слова и т. д.; законъ 1905 г. [1]) дополнилъ сіе освобожденіемъ членовъ парламента отъ обязанности быть присяжными засѣдателями, а законъ 1908 г. [2]) покрылъ иммунитетомъ парламентскія публикаціи.

То же самое слѣдуетъ сказать и о дѣятельности австр. парламента, которое регулируется его собственной властью, согласно ст. 50.

---

[1]) Jury Exemption Act, 1905. См. также рѣшенія т. совѣта метрополіи, подтверждающія тотъ же принципъ; напр., цитир. у J. J. Beauchamp, The jurisprudence of the Privy Council, Montreal, p. 528—538. C. J. Tarring, Chapters..., p. 122 et seq.

[2]) Parliamentary Papers Act, 1908.

Австр. конституція заимствовала у метрополіи принципъ нѣкотораго преимущества нижней палаты въ финансовыхъ дѣлахъ; она запрещаетъ сенату иниціативу финансовыхъ биллей и внесеніе поправокъ въ таковые (ст. 53); сенатъ можетъ лишь посылать нижней палаты адресъ, въ которомъ указывалась бы необходимость поправокъ. За однимъ этимъ исключеніемъ, говоритъ ст. 53, права обѣихъ палатъ совершенно равны [1]); но и это исключеніе нельзя вполнѣ оправдать, если принять во вниманіе то положеніе, которое занимаетъ сенатъ въ Австраліи; по своему составу, какъ и по своимъ правамъ и вліянію, онъ является органомъ совершенно равнымъ палатѣ представителей и учрежденіемъ вполнѣ демократичнымъ; объяснить появленіе такой нормы въ актѣ 1900 г. можно только исторической традиціей, укрѣпившейся за верхними палатами вообще; на практикѣ австр. сенатъ дѣятельно участвуетъ въ финансовой политикѣ парламента, хотя достигнулъ онъ своего вліянія въ этой области не безъ борьбы [2]): и нѣтъ сомнѣнія, что окончательная побѣда сената ему далась именно вслѣдствіе его демократическаго характера, такъ какъ сенаторы всегда могли опираться на общественное мнѣніе, совершенно въ той-же мѣрѣ, какъ палата представителей.

Остается упомянуть о статьѣ 57, предусматривающей случаи недостиженія соглашенія между обѣими палатами; предшествовавшія акту 1900 г. событія ясно указывали на подобную возможность; необходимо было впредь ее устранить; нѣкоторыми федералистами предлагалось въ такихъ случаяхъ прибѣгать къ помощи референдума; но примѣненіе таковаго въ подобныхъ случаяхъ являлось бы явною несправедливостью по отношенію къ меньшимъ штатамъ, въ виду ихъ незначительнаго населенія; оно противорѣчило бы и идеѣ состава сената, въ коемъ каждый штатъ участвуетъ на равномъ положеніи съ

---

[1]) Это утвержденіе конституціи не вѣрно, такъ какъ и въ другомъ вопросѣ нижняя палата располагаетъ нѣкоторымъ преимуществомъ въ вопросѣ о политической отвѣтственности министерства.

[2]) Подробнѣе см. H. Moore, o. c., p. 145 et seq. Также Quick and Garran, o. c., p. 662 et seq. Послѣдніе два автора даютъ прекрасную картину исторіи тѣхъ затрудненій, которыя были встрѣчены федералистами именно при обсужденіи финансовыхъ правъ федер. парламента; это былъ одинъ изъ наиболѣе опасныхъ подводныхъ камней въ курсѣ федералистовъ, который они обошли путемъ принятія статей 53—55, акта 1900 г. (Powers of the Houses in respect of legislation; appropriation bills; tax bills).

другими. Въ виду такихъ затрудненій отцамъ конституціи и пришлось прибѣгнуть къ сложнымъ началамъ ст. 57-ой. Согласно ей, генералъ-губернаторъ имѣетъ право роспуска обѣихъ палатъ (слѣдовательно, и *всего* сената), если сенатъ дважды отклонитъ билль, принятый нижней палатой, или внесетъ въ него поправки, не пріемлемыя для послѣдней; но такой роспускъ не можетъ имѣть мѣста, если до окончанія полномочія членовъ палаты остается менѣе 6 мѣсяцевъ; если послѣ подобнаго роспуска сенатъ вновь отклонитъ тотъ же билль, вновь принятый новой палатой, генералъ-губернаторъ можетъ созвать совмѣстное засѣданіе обѣихъ палатъ; въ такомъ совмѣстномъ засѣданіи билль обсуждается, вносятся поправки и т. д. обычнымъ порядкомъ и, если послѣ этого онъ будетъ принятъ абсолютнымъ большинствомъ присутствующихъ, то можетъ быть затѣмъ представленъ къ сенкціи короля. Въ принципахъ, установленныхъ этой статьей, бросаются въ глаза слѣдующія оригинальныя особенности: подобный порядокъ .можетъ примѣняться лишь къ биллямъ, иниціатива коихъ исходитъ отъ нижней палаты; послѣдней предоставлено достаточное время для обдумыванія и измѣненія въ случаѣ надобности своего мнѣнія, а кромѣ того, здѣсь не исключены обычные способы соглашенія, напр., путемъ конференцій, частныхъ и офиціальныхъ переговоровъ съ сенатомъ и т. п.; наконецъ, особенно знаменательно право роспуска сената, который общимъ порядкомъ не можетъ быть распускаемъ генералъ-губернаторомъ. Необычны, съ точки зрѣнія конституціоннаго права, и совмѣстныя засѣданія палатъ; такой порядокъ заимствованъ, по свидѣтельству одного изъ виднѣйшихъ спеціалистовъ австр. права [1]), изъ норвежскаго государственнаго права, гдѣ также предусматривается въ нѣкоторыхъ случаяхъ совмѣстное засѣданіе парламента.

Наконецъ, необходимо упомянуть, что порядокъ ст. 57 не примѣнимъ къ измѣненію конституціи 1900 г.

Въ заключеніе остается отмѣтить, какъ бережно охраняетъ и опредѣляетъ актъ 1900 г. права австр. парламента; во всѣхъ случаяхъ, когда законодатель имѣлъ въ виду парлам. права и привилегіи, онъ упомянулъ о семъ въ конституціи, въ устраненіе возможныхъ недоразумѣній.

---

[1]) H. Moore, o. c., p. 157, и Quick and Garran, o. c., p. 683 et seq.

II. Король. Великобританскій король является и въ Австралійской федераціи главой исполнительной власти, равно какъ и въ отдѣльныхъ австралійскихъ штатахъ; но, какъ и въ Канадѣ [1]), это есть лишь юридическая форма, такъ какъ личность короля представляется: въ федераціи генералъ-губернаторомъ, а въ штатахъ—губернаторами, дѣйствующими *именемъ* короля. Король или корона Великобританіи, что для насъ одно и тоже [2]), представляетъ собой въ XX вѣкѣ главное и почти единственное соединительное звено этой огромной имперіи, внутренніе политическіе процессы которой все болѣе ее дезинтегрируютъ и дифференцируютъ; не даромъ, благодаря этому юристамъ-публицистамъ Великобританскаго права, задумывающимся надъ государственной конституціей имперіи, приходится обращать особенное вниманіе именно на положеніе короны [3]). Во-вторыхъ, корона или „король въ парламентѣ", выступаетъ въ тѣхъ очень не многочисленныхъ случаяхъ, когда мы еще имѣемъ дѣло съ „общеимперскимъ" законодательствомъ, этимъ вымирающимъ пережиткомъ прежнихъ временъ [4]); и въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ одной юридической формой, *именемъ* короля.

Наконецъ, въ-третьихъ, корона олицетворяетъ колонію, она persona колоніи; въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ историческую категорію, сложившуюся еще въ XVIII столѣтіи въ отличіе отъ колоній, принадлежавшихъ компаніямъ и отдѣльнымъ индивидамъ (chartered companies and proprietary colonies [5]). Подобное понятіе

---

[1]) См. мою брошюру „Государственный строй Канады", стр. 24 и сл.

[2]) Тамъ-же, стр. 25. Hearn (Governemnt of England, p. 20), напр. даетъ очень искуственную конструкцію, въ которой различаетъ короля отъ короны, тѣмъ, что вторая непогрѣшима, ошибки-же короля вмѣняются ему лично; король, т. обр., выступаетъ только лично, какъ физическое лицо, и скорѣе отрицательно, когда совершаетъ какое-либо противозаконное дѣяніе; подобная конструкція, конечно, непріемлема и противорѣчитъ, къ тому же, современной англійской теоріи парламентаризма и министерской отвѣтственности: The King can do no wrong.

[3]) Свидѣтельствомъ тому могутъ служить слѣд. статьи: W. Harrison Moore, The Crown as corporation, Law buarterly Review, 1904 oct., vol. XX, № 80; Maitland, The Crownas corporation, тамъ-же, april 1901, vol. XVII; Pitt-Cobbett, The Crown as represetning the State, Commonwealth law Review, 1903—4, vol. I; W. H. Moore, Commonwealth of Australia, 2 Ed., p. 85 et seq. Maitland, Constitutional History of England (1911), p. 415, 417 et seq.

[4]) Ср. мою статью „Общеимперское законодательство Великобританіи". Право 1912 г., № 5 и 6.

[5]) Подробнѣе объ исторіи англійскаго колоніальнаго губернатора см. Greene, The Provincial Governor (Harvard Historical Studies, vol. VII).

могло вызывать и дѣйствительно вызывало нѣкоторую путаницу идей въ судебной практикѣ двухъ колоніальныхъ федерацій; дѣло въ томъ, что понятіе Великобританской короны трудно дѣлимо на части; всякое его расчлененіе является нѣкоторымъ юридическимъ противорѣчіемъ; между тѣмъ практика создавала не разъ противуположенія колоніи метрополіи и штата или провинціи федераціи; во всѣхъ подобныхъ случаяхъ могло казаться что корона вступаетъ въ судебный споръ съ короной же и представляется совершенно различными нтересами и органами; какъ канадская, такъ и австралійская судебная практика, равно и литература обходятъ это затрудненіе въ настоящее время [1]), избѣгая въ подобныхъ случаяхъ терминъ „Корона" и замѣняя его „Великобританіей", федераціей (Dominion для Канады, Commonwealth для Австраліи), „провинціей" (для Канады) и „штатомъ", (для Австраліи); такимъ образомъ устраняется возможность недоразумѣній въ терминологіи, а равно и необходимость подраздѣленія короны; наоборотъ, ея великое современное значеніе состоитъ какъ разъ въ ея единствѣ для всей имперіи [2]).

Всѣ личныя привилегіи короля признаются полностью и въ Австраліи; судебная практика ихъ никогда не оспаривала [3]), хотя житейское ихъ значеніе очень не велико, такъ какъ Австраліи чрезвычайно рѣдко приходится касаться королевскихъ личныхъ преимуществъ и правъ.

Въ Австраліи король общимъ порядкомъ представленъ генералъ-губернаторомъ; но можно предвидѣть и исключительный случай, когда въ какомъ-нибудь офиціальномъ актѣ король выступаетъ лично, напр., при посѣщеніи колоніи [4]); но и въ такомъ случаѣ дѣйствія

---

[1]) Ср. с. в. н. статьей W. H. Moore, The Crown as Corporation. Его-же, Comm. of A., p. 89 et seq.

[2]) По прекрасному выраженію А. Бальфура „it is the living symbol of the unity of the Empire"; House of Commons, lanuary 25, 1901.

[3]) Ср. In re Batemans Trusts, L.R., 15 Eq. 355; In re Oriental Bank Corporation, 1884, 28 Ch. Div., 643; Young v. S. S. Scotia, 1903, A. C., 531.

[4]) Нѣчто подобное имѣло мѣсто въ 1901 г., когда англійскій наслѣдникъ герцогъ Корнваллійскій и Іоркскій, былъ посланъ открывать первый Австр. федер. парламентъ; на день торжественнаго открытія и только на одинъ этотъ день онъ замѣнилъ генералъ-губернатора; австралійцы однако боялись, что сіе вызоветъ затрудненія, такъ какъ конституція, не упоминая о такихъ чрезвычайныхъ представителяхъ короля, возлагаетъ созывъ (а слѣдовательно; разсуждали они, и открытіе парламента) на генералъ-губер-

короля могутъ имѣть мѣсто лишь въ тѣсныхъ рамкахъ, отведенныхъ ему австр. конституціей. Такъ, законодательная власть осуществляется федеральнымъ парламентомъ, „состоящимъ изъ короля, сената и палаты представителей“ (ст. 1 акта 1900 г.).

III. Статсъ-секретарь колоній. Что касается этого органа, намъ приходится лишь сослаться на сказанное въ иномъ мѣстѣ [1]). Отношенія его къ австр. федераціи совершенно тождественны его отношеніямъ къ Канадѣ.

IV. Генералъ-губернаторъ. Какъ уже упомянуто выше, представителемъ короля или короны въ Австр. федераціи является генералъ-губернаторъ; объ этомъ говорится и въ конституціи, въ статьѣ 2-ой. Подобное представительство генералъ-губернатора есть однако только одна часть его должности. Рядомъ съ этимъ онъ выступаетъ и въ другомъ видѣ—въ качествѣ главы мѣстной исполнительной власти администраціи (ст. 61) и военныхъ силъ (ст. 68). Такимъ образомъ, какъ и въ Канадѣ, положеніе ген.-губернатора двойственно [2]); въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ должностью, а во второмъ—съ функціями ген.-губернатора.

А. Должность. Ген.-губернаторъ назначается королемъ особой „комиссіей“, удостовѣряющей, что данное лицо дѣйствительно назначено. Рядомъ съ этимъ ему дается патентное письмо, „конституирующее его должность“, и инструкціи, согласно коимъ онъ обязанъ вести свою политику.

Источниками дѣятельности ген.-губернатора, слѣдовательно, являются: 1) конституція, 2) патентное письмо, 3) инструкціи правительства метрополіи и, наконецъ, 4) общія правила колоніальной службы [3]). Сила этихъ источниковъ власти различна; на первое мѣсто мы ставимъ конституцію, которая въ ст. 2-ой гласитъ, что ген.-губернаторъ, назначаемый королемъ, получаетъ отъ таковаго ту власть и тѣ функціи, которыя король най-

---

натора (ст. 5); вслѣдствіе сего въ устраненіе возможныхъ недоразумѣній, на другой день послѣ торжественнаго открытія герцогомъ, генералъ-губернаторъ совершилъ обычныя формы открытія объявленіемъ причинъ созыва и т. п. Ср. Clark, Australian Cosntitutional Law, 2 Ed., p. 69 et seq.

[1]) Ср. Государ. строй Канады, стр. 26—27.

[2]) Ср. Госуд. строй Канады, стр. 27 и сл. Также A. Lawrence Lowell The Government of England, 1909, vol. II, p. 402.

[3]) Rules aud Regulations for the colonial Service. Ср. также Todd, Parl, Government in the British Colonies, London, 2 ed., 1894, p. 31 et seq.

детъ нужнымъ ему предоставить, но лишь „въ предѣлахъ сей конституціи“. Эта послѣдняя фраза, „but subject to this Constitution“, является новшествомъ для Великобританскаго права, создавшимъ нѣкоторый теоретическій конфликтъ, характерно отражающій тотъ переломъ, который переживаетъ въ наши дни имперія; въ прежнія времена источникомъ власти колоніальныхъ губернаторовъ являлась лишь одна воля короны или правительства метрополіи, выражавшаяся въ патентахъ и письмахъ, инструкціяхъ и правилахъ колоніальной службы; должность австр. ген.-губернатора оказалась ограниченной въ гораздо большей мѣрѣ конституціей 1900 года; австралійская литература [1]) сдѣлала изъ этого правильный выводъ, что если патентное письмо придетъ въ столкновеніе съ постановленіемъ конституціи, то должно уступить послѣдней; наоборотъ, колон. министерство метрополіи старалось оставаться на прежней точкѣ зрѣнія, разсматривая королевскую власть какъ единственный источникъ ген.-губернаторской власти [2]); на практикѣ до сего времени столкновеній не происходило, а надо думать, таковыя и впредь не будутъ имѣть мѣста, такъ какъ ни одинъ ген.-губернаторъ не возбудитъ сознательно подобнаго конфликта; къ тому же на стражѣ противъ такихъ случайностей всегда будетъ стоять австралійскій кабинетъ министровъ.

Къ содержанію патентныхъ писемъ, опредѣляющаго функціи ген.-губернатора, намъ придется вернуться нѣсколько ниже [3]); здѣсь необходимо лишь упомянуть о §§ IX и X пат. письма перваго австр. ген.-губернатора [4]); § IX сохраняетъ за короной право въ любой моментъ измѣнять содержаніе пат. письма, а § X предписываетъ опубликовать пат. письмо въ Австраліи. Что же касается комиссіи перваго ген.-губернатора, данной графу Хоптоуну, то она лишь ссылается на пат. письмо и приказываетъ прочимъ должностнымъ лицамъ федераціи подчиняться распоряженіямъ генералъ-губернатора [5]).

---

[1]) Ср. с. в. цит. трудами Quick and Garran, W. H. Moore и мн. др.

[2]) Офиціальная точка зрѣнія изложена у A. B. Keith, Responsible Government in the Dominions, London 1909, p. 29—30 (авторъ—чиновникъ колон. министерства).

[3]) Moore, o. c., p. 162, даетъ примѣры возможныхъ столкновеній постановленій пат. письма и конституціи.

[4]) Опубл. 1 января 1901 г., ср. W. H. Moore, o. c., p. 670.

[5]) Также опубл. 1 янв. 1901 г., см. Moore, o. c., p. 681—2.

Ген.-губернаторъ назначается безсрочно (during the Kings pleasure, ст. 2); дѣйствіе акта 1900 г. столь еще коротко, что нельзя говорить о какомъ-нибудь обычаѣ срочнаго смѣщенія ген.-губернаторовъ; можно однако предполагать, что въ отношеніи Австраліи метрополія будетъ держаться обычая, подобнаго Канадскому, періодическаго смѣщенія ген.-губернаторовъ [1]).

Конституція (ст. 3) устанавливаетъ жалованье ген.-губернатора въ 10.000 фунт. ст. въ годъ; размѣръ жалованья можетъ быть измѣненъ федер. парламентомъ, но таковое измѣненіе не можетъ касаться ген.-губернатора, занимающаго сію должность въ моментъ принятія подобнаго закона [2]).

На случай смерти, болѣзни или отсутствія ген.-губернатора правительство создало особую комиссію (a dormant commission), назначивъ въ предвидѣніе подобной возможности замѣстителя въ лицѣ губернатора Ю. Австраліи [3]). Кромѣ того, и конституція (ст. 126) и пат. письмо (§ VI) даютъ ген.-губернатору право назначать себѣ помощниковъ (Deputies), на любой срокъ и для исполненія любыхъ порученій или дѣлъ. Ген.-губернаторъ принимаетъ двѣ присяги передъ губернаторомъ Н. Ю. Валлиса, одну—обычную подданства (oath of Allegiance) [4]), другую—спеціальную ген.-губернаторской должности (§ II, инструкцій 1901 г.). Послѣдующіе ген.-губернаторы принимаютъ присягу уже предъ верховнымъ судьей (или однимъ изъ судей верх. суда), а не передъ губернаторомъ Н. Ю. Валлиса (§§ III и IV инструкціи 11 авг. 1902 г. [5]). Присягу должн. лицъ принимаетъ ген.-губернаторъ (§ V, инстр. 1901 г.). Наконецъ, § IX инстр. 1901 г. безусловно запрещаетъ ген.-губернатору безъ спеціальнаго на каждый разъ даннаго отпуска по-

---

[1]) Въ прежнихъ правилахъ колон. службы (colonial Regulations № 7, 1907) имѣлся параграфъ, устанавливавшій шестилѣтній срокъ службы для всѣхъ колон. губернаторовъ. Въ 1908 г. это было однако опущено въ новомъ изданіи правилъ.

[2]) Уже въ 1901 г. былъ возбужденъ вопросъ о прибавкѣ жалованья ген.-губернатору, вслѣдствіе чего возникли непріятные для гр. Хонтоуна дебаты въ фед. парламентѣ, заставившіе его просить объ отставкѣ. См. Commonwealth Parliam, Papers, vol. II, 1901, p. 827 et seq.

[3]) Принципъ замѣстительства ген.-губернатора подобнымъ порядкомъ признанъ былъ въ § VII пат. письма 1901 г.

[4]) 31 and 32 Vict., c. 72.

[5]) Опубл. у Мура, О. С. стр. 679—680.

кидать территорію федераціи [1]); отпуска даются королемъ по докладу ст.-секретаря колоній; австр. ген.-губернатору запрещено, какъ и прочимъ должностнымъ лицамъ имперіи, принимать какіе-либо подарки или подношенія [2]), пока онъ состоитъ на службѣ [3]). Ген.-губернаторъ обязанъ сообщать членамъ своего кабинета свои инструкціи (§ VI инстр. 1901 г.), равно какъ и всю свою корреспонденцію съ метрополіей, за исключеніемъ лично адресованныхъ ему секретныхъ писемъ.

Остается упомянуть объ отвѣтственности ген.-губернатора; политически онъ не отвѣтственъ въ колоніи, отвѣчая лишь передъ правительствомъ метрополіи, какъ должностное лицо имперіи [4]); зато граждански и уголовно онъ можетъ быть отвѣтственъ передъ австр. судами; этимъ признакомъ колон. губернаторъ отличается, напр. отъ ирландскаго вице-короля [5]); такъ, суд. практика признаетъ губернатора не только отвѣтственнымъ передъ колон. судомъ за свои личные долги [6]), но и за нарушенія гражданскихъ правъ колонистовъ [7]); въ послѣднемъ отношеніи однако необходимо указать, что къ губернатору непримѣнимо средство „mandamus", что было expressis verbis признано австр. судомъ [8]); съ другой стороны, губернаторъ не можетъ лично отвѣчать за подряды и т. п. акты, совершенные имъ въ качествѣ офиціальнаго представителя короны или правительства [9]).

---

[1]) Это общая норма англ. колон. службы, дѣйствующая для всѣхъ губернаторовъ. Ср. Keith, o. c., p. 39.

[2]) Равно запрещено г.-губернатору (правилами кол. службы) участіе въ какихъ-либо торговыхъ или др. предпріятіяхъ, подрядахъ и т. п., а также въ редакціяхъ газетъ, журналовъ, и т. п., и сообщеніе имъ интервью и т. п.

[3]) Эта норма явилась результатомъ печальнаго случая, имѣвшаго мѣсто именно въ Австраліи съ губернаторомъ Викторіи Дарлингомъ. Подробнѣе о Sir C. Darling см. напр. H. E. Egerton, a short History of British Colonial Policy, 3 Ed., p. 378 et. seq.

[4]) Имперскую отвѣтственность губернатора регулируютъ законы: 11 and 12, Will. III, c. 12 и 42, Geo. III, c. 85.

[5]) Ср. Tarring, Law relating to the Colonies, 3 ed., ch. II, B, p. 44 et. seq.

[6]) Напр., Hill v. Bigge, 3 Moo, P. C. C., 465; Keith, o. c., p. 33 et seq.

[7]) Напр., Musgrave v. Pulido, L. R. 5 app. Cas. 102; Phillips v. Eyre, L., R., 4, Q. B., 225; 6, Q. B., 1; Fabrigas v. Mostyn, 20 st. Tr., 81.

[8]) Commonwealth Parl. Papers, 1907, King v. Governor of South Australia, 4, C. L. R., 1497.

[9]) Тайный совѣтъ метрополіи давно уже разъяснилъ, что колон. суды сами должны опредѣлять дѣйствовалъ-ли губернаторъ въ качествѣ частнаго или должностного лица (т. наз. act of State); ср. Musgrave v. Pulido 1 Jamaica 13 Dec. 1879, L. R. V., App. Cases 102; также J. J. Beauchamp, The Jurisprudence of the Privy Council, Montreal 1891, p. 392.

Б. Функціи генералъ-губернатора. Во главу функцій ген.-губернатора слѣдуетъ поставить тѣ, которыя вытекаютъ изъ его отношеній къ парламенту; онъ выступаетъ въ этой области въ качествѣ конституціоннаго короля, созывая, пророгируя и распуская палаты (ст. 5) [1]. Власть австр. ген.-губернатора однако немного болѣе стѣснена, чѣмъ власть его канадскаго коллеги; такъ стт. 5 и 6 постановляютъ, что парламентъ долженъ быть созванъ не позднѣе 30 дней послѣ выборовъ, а кромѣ того, должна быть ежегодная сессія, другими словами, между двумя сессіями не можетъ протечь болѣе 12 мѣсяцевъ. Ограниченія эти стѣсняютъ власть генералъ-губернатора въ значительной степени. Далѣе, ген.-губернаторъ увѣдомляетъ губернаторовъ объ открывшихся вакансіяхъ въ сенатѣ (ст. 21), предлагаетъ парламенту финансовые билли (ст. 56), созываетъ въ случаѣ надобности (ст. 57) соединенное засѣданіе обѣихъ палатъ и предлагаетъ палатамъ поправки къ разсматриваемымъ ими биллямъ (ст. 58); онъ можетъ роспускать либо одну нижнюю палату (ст. 5), либо одновременно обѣ палаты (ст. 57); это послѣднее правило составляетъ одну изъ видныхъ особенностей австр. конституціи. Ген.-губернаторъ также назначаетъ общіе выборы въ палату представителей и выборы ad hoc для замѣщенія одной какой-либо вакансіи (ст. 32 и 33). Въ указанномъ перечисленіи мы имѣемъ болѣе или менѣе обычныя функціи констит. монарховъ; часть таковыхъ, несомнѣнно, развилась исторически изъ прерогативы монарха; австр. литература однако правильно указываетъ, что подобное историческое различіе не можетъ отзываться на современномъ положеніи этихъ функцій; всѣ онѣ входятъ цѣликомъ въ область „исполнительныхъ актовъ“ (executive acts), а такъ какъ корона не можетъ предпринять ни единаго подобнаго акта безъ совѣта министровъ, отвѣтственнаго передъ парламентомъ, то и ген.-губернаторъ не свободенъ въ этомъ отношеніи; для всякаго акта въ данной области, слѣдовательно, какъ для назначенія выборовъ и созыва парламента, такъ и для пророгаціи и

---

[1]) Какъ по отношенію къ пророгаціи, такъ и роспуска въ Австраліи дѣйствуетъ полностью принципъ дисконтинуитета.

роспуска его, требуется скрѣпа министра; теорія эта выражена гораздо яснѣе и опредѣленнѣе въ Австраліи, чѣмъ въ Канадѣ [1]). Только въ одномъ отношеніи возникали сомнѣнія; можетъ-ли ген.-губернаторъ отказать въ роспускѣ, несмотря на настоянія своего кабинета? Австралійцы отвѣчаютъ на это утвердительно, говоря, что здѣсь имѣется не „исполнительный" актъ, а отказъ въ совершеніи таковаго, а въ отказѣ ген.-губернаторъ свободенъ; до сихъ поръ въ австр. практикѣ не возникало конфликтовъ на этой почвѣ [2]).

Второй функціей ген.-губернатора является его участіе въ осуществленіи законодательной власти; согласно стт. 58 и 128 онъ санкціонируетъ именемъ короля законы; главную роль играетъ, конечно, его право veto. Авст. конституція придала этому понятію нѣсколько иную конструкцію, чѣмъ та, которая знакома была имперскому праву до 1900 г.; какъ въ австр. колоніяхъ, такъ и въ канадской конституціи 1867 г. (ст. 55) предусматривалось, что право санкціи ген.-губернатора регулируется „конституціей и инструкціями" правительства метрополіи; другими словами, сіе означало, что санкція или veto, данныя въ противность королевскимъ инструкціямъ, являлись актомъ ничтожнымъ, недѣйствительнымъ былъ и законъ, такимъ образомъ санкціонированный [3]); такая конструкція санкціи и veto оправдывалась тѣмъ, что ген.-губернаторъ въ этомъ случаѣ выступалъ въ качествѣ представителя метрополіи и короны. Въ австр. конституціи пропущенъ принципъ согласованія санкціи съ содержаніемъ ген.-губернаторскихъ инструкцій; право санкціи и veto должно согласоваться единственно съ конституціей; это не могло

---

[1]) См., напр., Quick and Garran, o. c., p. 406.

[2]) Роспускъ парламента въ Австраліи не принимаетъ вообще рѣзкихъ формъ; одной изъ причинъ тому является краткосрочность мандатовъ. За десять лѣтъ мы имѣемъ два примѣра, когда министерство предлагало роспускъ (въ 1094—Watson и въ 1905 Reid), но получило отъ генералъ-губернатора отказъ; оба раза кабинету пришлось подчиниться. См. Comm Parl. Deb., 1904, 4265 и 1905, 133. Также H. Moore, o, c., p. 108 Todd. Parl. Government in the Colonies, c. XVII, part III; Keith, o. c., p. 43, 48—50; послѣдній авторъ, очевидно, основываясь на Австр. примѣрахъ считаетъ положеніе ген.-губернатора въ этомъ отношеніи болѣе свободнымъ, чѣмъ положеніе англійскаго короля, который не въ состояніи отказывать своимъ министрамъ даже въ роспускѣ парламента.

[3]) Ср., напр., законъ 13 and 14 Vict., c. 59, Sec. 12; также 18 and 19 Vict., c. 54 and 55; и мн. др.

не отразиться на правовомъ значеніи инструкцій; послѣднія, согласно этому, регулируютъ лишь его личное положеніе и отношенія къ коронѣ и стало быть актъ, имъ сакціонированный хотя бы въ противность инструкціямъ, тѣмъ еще не дѣлается недѣйствительнымъ. Источникомъ этого права ген.-губернатора является одна лишь конституція; какъ слѣдствіе этого, ни въ инструкціяхъ ген.-губернаторамъ, ни въ ихъ патентныхъ письмахъ ни единымъ словомъ не упоминается о санкціи законовъ. Метрополія отказалась отъ прежней конструкціи этого права тѣмъ болѣе легко, что не только не соотвѣтствуя современнымъ требованіямъ колоніальной автономіи, но лишь служа источникомъ конфликтовъ и недоразумѣній, оно съ успѣхомъ замѣняется конституціоннымъ правомъ метрополіи отмѣны закона (disallowance) въ теченіе одного года даже уже санкціонированнаго ген.-губернаторомъ (ст. 59).

Согласно акту 1900 г. санкція закона построена слѣд. образомъ: ген.-губернаторъ либо санкціонируетъ законопроектъ, принятый обѣими палатами федер. парламента, либо отказываетъ въ санкціи, либо, наконецъ, резервируетъ таковой для санкціи самимъ королемъ, т.-е. метрополіей; кромѣ того, ген.-губернаторъ можетъ вернуть проектъ палатамъ съ предложеніемъ поправокъ (ст. 58). Король имѣетъ право отмѣнять законъ въ теченіе одного года со дня санкціи такового ген.-губернаторомъ, при чемъ дѣйствіе подобнаго закона прекращается днемъ опубликованія его отмѣны короной (ст. 59). Наоборотъ, законы, резервированные ген.-губернаторомъ, не вступаютъ въ дѣйствіе иначе какъ съ санкціи короля, сообщенной ген.-губернаторомъ парламенту или опубликованной прокламаціей; королевская санкція можетъ осуществляться въ двухлѣтній срокъ; за исключеніемъ такового, резервированный законопроектъ считается отклоненнымъ (ст. 60). Постановленія эти составляютъ существеннѣйшую гарантію интересамъ метрополіи и совершенно достаточны для ихъ огражденія взамѣнъ прежнихъ ген.-губернаторскихъ инструкцій.

Осуществляя право veto или резерваціи закона, ген.-губернаторъ и нынѣ выступаетъ въ качествѣ имперскаго представителя короны; резервація происходитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда затронуты интересы метрополіи, ея

внѣшней политики или международнаго положенія самоїї Австраліи [1]) и другихъ частей имперіи [2]).

Быстрота современныхъ сношеній, посредствомъ телеграфа, сильно облегчаетъ положеніе колон. губернаторовъ. Указанія же на существованія имперскихъ интересовъ, затронутыхъ какимъ-нибудь законопроектомъ, ген.-губернаторъ получаетъ либо отъ министерства метрополіи, либо отъ своего собственнаго министра юстиціи (Attorney General); обѣимъ сторонамъ можетъ быть лишь выгоднымъ выяснять сіе во-время и тѣмъ избѣгать возможныхъ конфликтовъ; на практикѣ чаще всего указанія получаются отъ австр. министерства [3]).

Только въ одномъ случаѣ предписывается резервація самой конституціи; а именно: ст. 74 даетъ фед. парламенту право закономъ ограничивать апелляцію къ тайному совѣту метрополіи (см. ниже), но съ тѣмъ лишь, чтобы всякій подобный законопроектъ непремѣнно резервировался бы для санкціи короля. Только въ одномъ этомъ случаѣ, стало быть, генералъ-губернаторъ безусловно связанъ въ осуществленіи своего права санкціи законовъ [4]).

Повидимому, австр. спеціальная литература считаетъ ген.-губернатора болѣе свободнымъ въ осуществленіи права санкціи законовъ, чѣмъ литература канадская; въ Канадѣ практика и теорія утверждаютъ въ равной мѣрѣ, что ген.-губернаторъ связанъ и въ этомъ отношеніи

---

[1]) На этомъ именно основаніи былъ резервированъ въ 1906 г. таможенно-тарифный билль (Customs Tariff Bill); Parl Papers, 1906, p. 177. Ср. въ этомъ отношеніи съ Bourinot, Manuel of the Constit. History of Canada; Toronto 1901, p. 156.

[2]) Въ случаѣ несоотвѣтствія законопроекта требованіямъ австр. конституціи происходитъ простой отказъ отъ санкціи, а не резервація.

[3]) См. Quick and Garran, o. c., p. 692—693, гдѣ выяснены преимущества новаго порядка передъ старымъ, заключавшемся въ подробномъ перечисленіи биллей, подлежащихъ резерваціи, въ ген.-губернаторскихъ инструкціяхъ.

[4]) Ср. съ длинными перечисленіями биллей, подлежащихъ резерваціи, въ инструкціяхъ колон. губернатаромъ середины XIX столѣтія. Положеніе начало мѣняться съ назначенія маркиза Лорна канадскимъ ген.-губернаторомъ. Ср. мою брошюру Гос. строй Канады, стр. 31. Собственно говоря и только что указанное исключеніе является совершенно излишнимъ, такъ какъ генералъ-губернаторъ, несомнѣнно, всегда резервировалъ бы столь важные для метрополіи законопроекты; не надо забывать, къ тому же, что корона вѣдь имѣетъ право отмѣнить законъ, уже санкціонированный ген.-губернаторомъ (обычнымъ порядкомъ и въ теченіе одного года, согласно ст. 59); названный принципъ конституціи такимъ образомъ представляется лишь голословнымъ подтвержденіемъ прерогативы короны и, повидимому, включенъ въ актъ 1900 г. въ видѣ внѣшней уступки Чемберлену, практическаго значенія не имѣющей.

согласіемъ кабинета [1]), тогда какъ австралійцы признаютъ за ген.-губернаторомъ дискреціонное право, поставленное лишь въ общія рамки конституціи 1900 г.

Въ-третьихъ, австр. ген.-губернаторъ, въ отличіе отъ ген.-губернатора Канады, является, согласно конституціи (ст. 68) главнымъ начальникомъ военныхъ силъ Австраліи [2]); командованіе обнимаетъ собой какъ сухопутныя, такъ и морскія силы, силы имперскія или колоніальныя; эти же права ген.-губернатора подтверждаются и патентными письмами; въ осуществленіи ихъ однако ген.-губернаторъ связанъ согласіемъ своего кабинета, поскольку они касаются колоніальныхъ военныхъ силъ; послѣднія находятся подъ дѣйствіемъ австралійскихъ же законовъ; съ 1901 г. по 1905 гг. имѣлся особый генералъ, командовавшій сухопутными австралійскими войсками, непосредственно подчиненный ген.-губернатору и назначенный австр. кабинетомъ; но въ 1905 г. его замѣнилъ особый „Совѣтъ обороны", Board of Defence [3]).

Въ-четвертыхъ, ген.-губернаторъ имѣетъ право назначать: а) себѣ одного или нѣсколько помощниковъ (ст. 126), б) членовъ фед. испол. совѣта (кабинета) (ст. 64), в) прочихъ должн. лицъ федераціи (ст. 67) и г) федеральныхъ судей (ст. 72); въ первомъ случаѣ ген.-губернаторъ совершенно свободенъ въ своемъ выборѣ, во второмъ—долженъ руководствоваться принципомъ парламентаризма, а въ третьемъ и четвертомъ назначенія происходятъ „въ совѣтѣ" (Governar-General-in-Council), т.-е. по представленіямъ и съ согласія кабинета. Ген.-губернатору въ равной мѣрѣ принадлежитъ право смѣщенія означенныхъ лицъ; судьи однако могутъ быть смѣщаемы лишь „совѣтомъ" (G.-G.-in-Council) по представленіямъ обѣихъ палатъ (ст. 72).

Въ-пятыхъ, ген.-губернаторъ имѣетъ ограниченное право помилованія; о немъ говоритъ п. VIII инструкцій, регулируя его довольно подробно; помилованіе, равно и сложеніе штрафовъ происходитъ именемъ короля, но не

---

[1]) См. мою брошюру гос. строй Канады, стр. 61.

[2]) Нынѣ впервые сдѣлано исключеніе и въ Канадѣ для новаго ген.-губернатора герцога Коннаутскаго; но пока исключеніе это можно считать лишь личнымъ и обусловленнымъ принадлежностью герцога къ царствующему дому.

[3]) Подробнѣе см. Todd, Parl. Govern. in Colonies, 2 ed., p. 380 et seq. Keith, o. c., p. 194 et seq.

иначе, какъ „съ совѣта“ министровъ; кромѣ того, если въ данномъ дѣлѣ замѣшаны интересы метрополіи или другихъ частей имперіи, помилованіе не можетъ быть осуществлено безъ предварительнаго сношенія съ метрополіей; высылка изъ предѣловъ австр. федераціи безусловно запрещена.

Въ-шестыхъ, инструкціи возлагаютъ на ген.-губернатора нѣкоторыя особыя функціи, какъ, напр., храненіе Большой Печати, принятіе присяги должн. лицъ, сообщеніе правительству метрополіи („на маржѣ санкціонируемыхъ законовъ“) подробностей и замѣчаній касательно утверждаемыхъ имъ или резервируемыхъ законовъ и т. п. Особаго принципіальнаго значенія онѣ не имѣютъ.

Наконецъ, въ-седьмыхъ, онъ является главой федеральной администраціи или исполнительной власти [1]).

Положеніе австр. ген.-губернатора, подобно его канадскому коллегѣ, мы считаемъ главною, если и не единственною связью Австраліи съ метрополіей; это-то звено, которое держитъ еще въ общей цѣпи колонію, какъ часть имперіи, и тотъ каналъ, черезъ посредство коего Англія ведетъ свои сношенія съ федераціей и vice versa. Благодаря этому положеніе современнаго колон. ген.-губернатора является весьма труднымъ и щекотливымъ; онъ долженъ постоянно быть въ курсѣ политики метрополіи, не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ у себя дома, въ Австраліи. Только при безупречной безпартійности можетъ онъ успѣшно работать на пользу Великобританіи и Австраліи, въ равной мѣрѣ.

V. *Министерство или федеральный исполнительный совѣтъ* (*Federal Executive Concil*). Какъ видитъ читатель, названіе это гораздо болѣе современно, чѣмъ канадскаго министерства, именуемаго по образцу метрополіи тайнымъ совѣтомъ короля; всякій министръ долженъ быть членомъ совѣта, но кромѣ министровъ, ген.-губернаторъ можетъ назначать и другихъ членовъ совѣта (стт. 62 и 64); согласно недолголѣтней практикѣ совѣтъ составляется изъ министровъ, но за смѣною министерства, таковые не перестаютъ быть членами совѣта; помощь совѣта ген.-губернатору въ осуществленіи фунцій административной

---

[1]) Австр. литература также считаетъ, что теорія „reserved powers“ въ настоящее время вымерла за ненадобностью. Ср. гос. строй Канады, стр. 34—35.

власти выражается въ понятіи acts of Governor-General—in-Council; конституція 1900 года проводитъ различіе между совѣтомъ, дѣйствующимъ, такъ сказать, in pleno, и кабинетомъ или министерствомъ въ узкомъ смыслѣ слова. Министры и совѣтники назначаются ген.-губернаторомъ лично, въ отличіе отъ прочихъ должн. лицъ, назначаемыхъ ген.-губернаторомъ „въ совѣтѣ“ (in Council); послѣднимъ порядкомъ (in Council) устанавливается распредѣленіе портфелей министровъ (ст. 64), которое, стало быть, можетъ быть въ любой моментъ измѣнено совѣтомъ же [1]); впредь до изданія новаго закона, конституція предусматриваетъ семь министерствъ, коимъ въ общей сложности должно быть ассигнуемо 12.000 ф. стерл. (=120.000 руб.) для уплаты жалованья министрамъ (ст. 65) [2]).

Отличительной чертой австр. конституціи является ея стремленіе установить прочную связь между министрами и парламентомъ [3]). Такъ, ст. 64 требуетъ, чтобы министры были бы членами парламента [4]); конституція однако не упоминаетъ ни о премьерѣ, ни о коллективной политической отвѣтственности кабинета.

Кабинетъ составляется исключительно изъ однихъ министровъ, но рядомъ съ семью главами вѣдомствъ обыкновенно назначаются въ федераціи два министра безъ портфеля [5]); главное ихъ назначеніе—представлять правительство въ верхней палатѣ; они служатъ безъ жалованья и могутъ замѣнять министра въ случаѣ его болѣзни, отпуска, смерти и т. п., министерское жалованье премьеръ обыкновенно распредѣляетъ между одними министрами „съ портфелемъ“, принадлежащими нижней палатѣ, отъ которой кабинетъ зависитъ политически.

Роль ген.-губернатора, какъ во всѣхъ парламентар-

---

[1]) Объ исторіи соотв. статей акта 1900 г. см. Sir Samuel Griffith, Notes on Australian Federation, p. 17 et seq. Также Sir Richard C. Baker, The Executive in a Federation, p. 1 et 18.

[2]) Кабинетъ составляется изъ слѣд. семи министерствъ: внѣшнихъ дѣлъ, юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, казначейства, торговли и таможенъ, обороны и почтъ.

[3]) Ср., напр., Quick and Garran, o. c., § 275 et seq.

[4]) Какъ и въ Канадѣ, министръ не теряетъ (какъ то имѣетъ мѣсто въ Англіи) своего мѣста въ парламентѣ при принятіи портфеля (Ср. Государ. строй Канады, стр. 38).

[5]) Одному изъ министровъ безъ портфеля обычно присваивается почетный титулъ вице-президента фед. исполн. совѣта. Только одинъ разъ министръ безъ портфеля, Дикинъ, былъ одновременно премьеромъ.

ныхъ государствахъ, заключается въ выборѣ одного лишь премьера изъ той партіи, которой принадлежитъ въ данную минуту большинство въ нижней палатѣ; подысканіе прочихъ министровъ является уже заботой премьера.

Весьма рѣдки тѣ случаи, когда ген.-губернаторъ лично предсѣдательствуетъ въ кабинетѣ, зато сіе всегда имѣетъ мѣсто въ совѣтѣ, когда принимаются такъ наз. „совѣтскіе акты“ (in-Council).

Вѣдомство министерства внѣшнихъ дѣлъ (External Affairs) составляютъ вопросы: эмиграціи, выдачи преступниковъ, сношенія съ ген.-губернаторомъ, со штатами и метрополіей и т. п.[1]); сюда же относятся австр. интересы въ Тихомъ океанѣ. М-во казначейства организовано по образцу европейскихъ м-въ финансовъ, со включеніемъ контроля[2]). Вѣдомство внутреннихъ дѣлъ обнимаетъ рабочій вопросъ, федер. выборы, государ. службу, желѣз. дороги, статистику, метеорологію, госуд. имущества и нѣкот. др. Министръ юстиціи (attorney-general) является юрисконсультомъ правительства, представителемъ госуд. интересовъ въ судахъ и совѣтникомъ ген.-губернатора по всѣмъ законодательнымъ и юридическимъ вопросамъ. М-во торговли и таможенъ вѣдаетъ, какъ указываетъ само его наименованіе торговлю и таможенное дѣло, со включеніемъ защиты авторскаго права, патентовъ и фабр., марокъ, а главное, и торговаго мореплаванія, занимающаго въ Австраліи столь выдающееся мѣсто. М-во почтъ вѣдаетъ также телеграфы и телефоны. И, наконецъ, м-во обороны (Defence), реорганизованное актомъ 1903—1904 гг. управляетъ довольно значительными сухопутными силами федераціи и зарождающимся федеральнымъ флотомъ; подъ его начальствомъ, напр., состоитъ командующій генералъ; нельза однако забывать, что главнокомандующимъ всѣхъ военныхъ силъ Австраліи состоитъ ген.-губернаторъ (ст. 68; см. выше[3]), осуществляющій свои функціи въ этой области „съ совѣта“ своего министра обороны. Въ

---

[1]) Изъ восьми австр. кабинетовъ до сего времени (1912) четыре премьера стояли во главѣ этого министерства, три рабочихъ-премьера брали себѣ портфель казначейства, и одинъ (Deakin) былъ премьеромъ „безъ портфеля“.

[2]) Подробнѣе о гос. контролѣ см Harrison Moore, o. c., 2 ed., p. 180 et seq.

[3]) Ср. также Colonial office Regulations. ch. II, sec. 2, гдѣ опредѣляется ближайшимъ образомъ отношеніе колон. губернатора къ военнымъ силамъ колоніи. Также Todd, Parl. Government in the Colonies, ch. IV and XII.

настоящее время австр. практика признаетъ, что всѣ сношенія главнокомандующаго (т.-е. ген.-губернатора) съ командующимъ генераломъ должны происходить не иначе, какъ черезъ министра, который является единственно отвѣтственнымъ передъ парламентомъ лицомъ не только за законность, но и за цѣлесообразность управленія военнымъ вѣдомствомъ. Эти принципы примѣнимы полностью и къ положенію молодого австр. флота.

Австр. законы регулируютъ весьма опредѣленно и строго принципы и практику государственной службы (Public Service), которая въ общемъ поставлена блестяще и обоснована на строго продуманныхъ демократическихъ принципахъ [1]).

VI. *Судебные органы.* Вопросы, связанные съ организаціей судебной власти молодой федераціи, являлись однимъ изъ наиболѣе опасныхъ подводныхъ камней въ курсѣ трудовъ отцовъ конституціи 1900 г. Какъ увидитъ читатель ниже, въ данномъ случаѣ затрогивались самыя основныя положенія отношеній Австраліи къ метрополіи. Исторія этой части акта 1900 г. представляетъ собою, поэтому, весьма много поучительнаго для лицъ, интересующихся будущимъ строемъ Великобританской имперіи.

Въ построеніяхъ судебной власти федералисты Австраліи слѣдовали скорѣе примѣру Соед. Штатовъ Сѣв. Америки, чѣмъ Канады.

Конституція перечисляетъ слѣд. федер. суды: 1. Высшій судъ Австраліи (High Court of Australia), 2. Федеральные низшіе суды, могущіе быть учреждаемы федер. парламентомъ, и 3. Суды, коимъ можетъ быть спеціально поручено разбирательство федеральныхъ споровъ (federal jurisdiction [2]), (ст. 71).

Компетенція высшаго суда опредѣляется: а, статьями 73 и 74, какъ высшая апелляціонная инстанція федераціи, и б, статьями 75 и 76, какъ судъ, разбирающій спеціальныя дѣла, перечисленныя конституціей. Онъ долженъ состоять изъ верховнаго судьи (Chief Justice) и судей, количествѣ не менѣе двухъ [3]) (ст. 71). Члены этого суда,

---

[1]) Подробнѣе см., напр., Harrison Moore, o. c. 2, ed., p. 187 et seq.

[2]) Нельзя сказать, чтобы такое выраженіе было бы весьма опредѣленнымъ юридическимъ понятіемъ!

[3]) Парламентъ можетъ увеличивать число членовъ вер. суда; закономъ 1906 г. прибавлено еще два члена суда, всего ихъ теперь четыре и главный судья—пятый; подробнѣе объ организаціи В. суда см. J. Quick and

какъ и прочіе федер. судьи назначаются ген.-губернаторомъ „въ совѣтѣ“ (in-Council), при чемъ они такимъ же способомъ могутъ быть и смѣщаемы, но лишь по совмѣстному представленію о томъ обѣихъ палатъ парламента, препровожденномъ ген.-губернатору во время сессіи; размѣръ жалованья судей опредѣляется парламентомъ, но не можетъ быть измѣняемъ въ продолженіе ихъ службы: причиной представленія объ отставкѣ можетъ быть либо „дурное поведеніе“ (misbehavior), либо „неспособность“ (incapacity)[1]), (ст. 72); законъ 1903 г. (Judiciary act) установилъ пятилѣтній стажъ въ званіи присяжнаго повѣреннаго для назначенія членовъ в. суда (barrister or solicitor). Нельзя сказать, чтобы предусматриваемый статьей 72 способъ смѣщенія судей былъ бы очень удачнымъ; практически, правда, врядъ ли будутъ часто встрѣчаться подобные случаи, но теоретически они все-таки ярко противорѣчатъ принципу несмѣняемости и могутъ служить орудіемъ политическаго воздѣйствія законодательной власти на власть судебную, подтачивая тѣмъ независимость послѣдней; еще худшимъ намъ представляется то обстоятельство, что судьей въ подобномъ дѣлѣ назначена актомъ 1900 г. административная власть, генералъ-губернаторъ и его министры, на рѣшеніе коихъ нѣтъ апелляціи для смѣщеннаго судьи. Законод. власть кромѣ того имѣетъ и второй способъ воздѣйствія на положеніе судей: ей предоставлено право упраздненія всякихъ судовъ, кромѣ высшаго; судьи такимъ образомъ могутъ быть лишены своихъ мѣстъ безъ какой-либо компенсаціи или надежды на вознагражденіе. Подобное право парламента не можетъ не быть политической угрозой федеральнымъ судьямъ, подрывающей самостоятельность ихъ положенія. Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ одну изъ самыхъ неудачныхъ частей конституціи 1900 г.[2]).

Компетенція высшаго суда, какъ сказано, опредѣ-

L. E. Groom, The Judicial Power of the Commonwealth (Melbourne, 1904), p. 14 et seq. (Organization of the High Court) A. W. Renton and g. g. Phillimore, Colonial Laws and Courts (London, 1907), p. 284—297

[1]) Опредѣленіе признаковъ этихъ двухъ понятій принадлежитъ исключительно парламенту.

[2]) Австр. литература ясно чувствуетъ недостаточность подобнаго принципа, хотя въ оправданіе отцовъ конституціи и ссылается на примѣръ Англіи и Канады, гдѣ судьи также могутъ быть смѣщаемы „королемъ (или ген.-губернаторомъ) въ совѣтѣ. Ср., напр., ст. 99 конституціи Канады (Гос. строй Канады, стр. 39—40).

ляется статьями 73—76; 1) онъ является апелляціонной инстанціей для дѣлъ, рѣшенныхъ судьями того же суда въ качествѣ первой инстанціи; 2) онъ также аппеляц. инстанція для всѣхъ прочихъ австр. судовъ, федеральныхъ и штатныхъ или даже спеціальныхъ, отъ коихъ допускается апелляція къ королю; 3) в. судъ представляетъ собой верхнюю инстанцію надъ „между-штатной комиссіей"; во всѣхъ этихъ случаяхъ рѣшеніе в. суда окончательное (ст. 73). 4) в. судъ является судомъ первой инстанціи въ дѣлахъ касательно междунар. договоровъ, консуловъ, иностр. державъ, самой федераціи, отдѣльныхъ штатовъ и федер. должностн. лица (ст. 75); 5) кромѣ того, парламентъ можетъ издать законъ, которымъ поручалась бы в. суду юрисдикція въ вопросахъ касающихся: самой конституціи или ея толкованія, федер. законовъ, адмиралтейства и мореплаванія (ст. 76)[1] [2]).

Статья 77 предоставляетъ парламенту право опредѣлять юрисдикцію прочихъ федер. судовъ, а равно поручать вѣдѣніе федер. дѣла или спора суду штата[3]).

Пользуясь своимъ правомъ учреждать федеральные и спеціальные суды (стт. 71, 73 и 77), парламентъ закономъ 1904 г. (Conciliation and Arbitration act) установилъ особый судъ для разбора споровъ рабочихъ съ предпринимателями[4]). Другихъ федеральныхъ судовъ по сіе время еще не имѣется.

Подробности дѣятельности в. суда регулируются законами 1903 и 1907 гг. (Judiciary acts)[5]).

VII. Штаты. Въ положеніи австралійскихъ штатовъ заключается главный признакъ отличія этой федераціи отъ ея старшей сестры Канады. Для вѣрной оцѣнки австр. конституціи необходимо постоянно имѣть въ виду, что отдѣльные штаты при созданіи конституціи уже являлись вполнѣ самостоятельными автономными

---

[1]) Подробнѣе, см. напр., Quick and Garran, o. c., p. 734—801.

[2]) Очень многое, если и не все цѣликомъ, заимствовано здѣсь отцами акта 1900 г. изъ конституціи Соед. Штатовъ.

[3]) Подробнѣе см. Harrison Moore, o. c., 2 ed., p. 211 et seq.

[4]) Это, собственно, единственный примѣръ созданія спеціальнаго суда. Судъ, разбирающій дѣла касательно избират. права и выборовъ въ парламентъ, созданный закономъ 1902 г. (Electoral act; см. выше), по мнѣнію австралійцевъ, является собственно не особымъ судомъ, а тѣмъ же верх. судомъ, осуществляющимъ лишь спеціальную юрисдикцію (Court of Disputed Returns).

[5]) Подробнѣе см. J. Quick and L. E. Groom, The judicial Power of the Commonwealt, p. 42 et seq., 69 et seq., 211 et seq.

единицами, съ чувствомъ независимости коихъ отцамъ акта 1900 г. приходилось очень считаться. Въ этомъ отношеніи положеніе вещей скорѣе напоминаетъ исторію американской федераціи конца XVIII вѣка [1]).

Въ настоящее время федерацію составляютъ шесть штатовъ: Новый Южный Валлисъ, Викторія, Квинслендъ, Тасманія, Западная и Южная Австраліи, при чемъ одна послѣдняя носитъ названіе „провинціи" (Province); каждому штату актомъ 1900 г. (ст. 106) обезпечена его собственная конституція; въ актѣ 1900 г. отпущены статьи проекта 1891 г., упоминавшія о губернаторѣ штата и о томъ, что переписка штата съ метрополіей должна идти черезъ генералъ-губернатора; это была послѣдняя весьма значительная уступка федералистовъ сепаратистамъ, хотя въ общемъ актъ 1900 г. какъ бы предполагаетъ [2]), что конституціи штатовъ останутся впредь въ томъ же видѣ, въ какомъ онѣ находились къ концу XIX вѣка.

Другимъ отличительнымъ признакомъ штатовъ отъ канадскихъ провинцій является способъ непосредственнаго назначенія губернаторовъ метрополіей [3]). Актъ 1900 г. внесъ только слѣдующія измѣненія въ положеніе губернаторовъ въ сравненіи съ ихъ функціями до изданія федеральной конституціи: они, во-первыхъ, перестали быть главнокомандующими колоніальными войсками, такъ какъ съ 1901 г. эта функція перешла ген.-губернатору (ст. 68), а штатамъ даже прямо запрещено держать свои собственныя войска (ст. 114); а во-вторыхъ, ихъ право помилованья постановлено теперь въ соотвѣтствіе съ таковымъ же правомъ ген.-губернатора, въ устраненіе возможныхъ конфликтовъ (ст. IX патентныхъ писемъ); практически же слѣдствіемъ учрежденія федер. власти явилось общее сокращеніе жалованій губернаторамъ штатовъ [4]).

---

[1]) Ср., напр., J. Bryce, Studies in History and Jurisprudence, vol I, p. 494 et seq. (Australian Commonwealth, § VII.)

[2]) Ср., напр., ст. 12 и 15.

[3]) Ср. мою бр. Гос. строй Канады, стр. 48 и слѣд. Канад. вице-губернаторы назначаются генералъ-губернаторомъ „въ совѣтѣ". Основная мысль австралійскаго порядка назначенія, какъ бы въ утвержденіе автономіи штатовъ, подтверждена особой циркулярной депешей правительства метрополіи; см. Circular Despatch, Lord Crewe, 9 october, 1908. Также, Despatch, Chamberlain 15 april, 1903 (Comm. Parl. Papers № 18). Австр. губернаторы такимъ образомъ сохранили свою прежнюю связь съ метрополіей, которую потеряли въ 1867 г. канадскіе вице-губернаторы.

[4]) Согласно старому порядку (прежнія colonial Regulations № 7, 1907) австр. губернаторы и теперь обычно назначаются на шесть лѣтъ. Вопросъ о смѣщеніи губернаторовъ довольно спорный; ср. Keith, o. c., p. 67 et.

Каждый штатъ имѣетъ свой парламентъ, власть коего остается неприкосновенной (ст. 107), поскольку она не сокращена властью парламента федераціи; конституція 1900 г. перечисляетъ тѣ функціи, которыя переданы исключительному вѣдѣнію федер. парламента: функціи федер. исполнит. власти и ея органовъ (ст. 52), таможенное дѣло (ст. 90), междуштатная торговля (ст. 92), военное дѣло (ст. 114) [1]), обложеніе федер. имущества (ст. 114), сокращеніе или ограниченіе правъ гражданъ другихъ штатовъ (ст. 117) [2]), монетное дѣло (ст. 115), сокращеніе или ограниченіе федер. судебной власти и измѣненіе пограничныхъ линій штатовъ [3]). Так. наз. полицейская власть, предназначенная для охраненія внутренняго порядка, принадлежитъ штатамъ; однако, если для возстановленія нарушеннаго порядка потребуется военная сила, таковая примѣняется федер. властью, но лишь по требованію исполн. власти штата (ст. 119); подобная конструкція полицейской власти имѣетъ одно невыгодное послѣдствіе—федеральная власть этимъ лишается возможности защищать свои собственные органы противъ открытаго на нихъ посягательства [4]). По этому поводу австралійская литература правильно утверждаетъ, что актъ 1900 г. обезпечиваетъ гораздо большую самостоятельность порламентамъ и губернаторамъ штатовъ, чѣмъ соотвѣтственныя положенія конституціи Соед. Штатовъ и Канады.

Вышеуказанное измѣненіе проекта 1891 г. касательно порядка сношеній штатовъ съ метрополіей имѣло одно очень важное слѣдствіе: актъ 1900 г. не только не элиминировалъ штаты, какъ автономныя единицы, какъ то

---

[1]) Съ другой стороны, федер. власть непосредственно обязывается защищать каждый штатъ отъ нападенія извнѣ (invasion); ст. 119.

[2]) Этимъ постановленіемъ ст. 117 обезпечиваются австр. гражданамъ такъ наз. гражданскія свободы на протяженіи территоріи всей федераціи; никакія мѣстныя ограниченія ихъ недопустимы. Ср. соотв. съ ст. конституціи Соед. Штатовъ Сѣв. Америки; только XIII, XIV и XV *дополн.* статьи (amendments) послѣдней обезпечили американскимъ гражданамъ подобное равенство; первоначальная американ. конституція не знала таковаго.

[3]) Гражданство въ штатѣ и принадлежность оному опредѣляются мѣстожительствомъ (residence); подробнѣе объ этомъ понятіи и податномъ обложеніи въ штатѣ и въ федераціи см. W. Harrison Moore, o. c., p. 333 et seq цитир. имъ суд. рѣшенія.

[4]) Проф. Муръ возбуждаетъ, въ связи съ опредѣленіемъ понятія полицейской власти, очень интересный вопросъ (o. c., p. 337 et seq.), насколько къ Австраліи примѣнимы теоріи сѣв.-америк. права, разъ установлено, что австр. конституція построена по образцу конституціи Соед. Штатовъ.

сдѣлалъ актъ 1867 г. по отношенію къ канадскимъ провинціямъ, но, наоборотъ, какъ бы подтвердилъ ихъ существованіе. Тогда какъ могутъ существовать вполнѣ основательныя сомнѣнія относительно государственнаго статуса канадскихъ провинцій, въ отношеніи австр. штатовъ положеніе вещей куда болѣе ясное; ихъ государ. автономія признавалась даже такими имперіалистами, какъ Чемберленомъ [1]). Подобное положеніе штатовъ однако весьма усложняетъ сношенія Австраліи съ метрополіей; тренія между властями федераціи и властями штатовъ были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого запутаннаго соотношенія. Такъ, правительство метрополіи въ практическихъ цѣляхъ желало держать ген.-губернатора au courant своихъ сношеній со штатами и сообщало ему всю соотвѣтствующую переписку, что однако иногда встрѣчало сопротивленіе штатовъ; наибольшія затрудненія возникли въ 1907 году, когда подготавливался созывъ колон. конференціи; метрополія не пригласила на нее правительства отдѣльныхъ штатовъ, ограничившись приглашеніемъ одного федеральнаго министерства; правительства штатовъ очень обидѣлись, вслѣдствіе чего началась длиннѣйшая переписка [2]), какъ между штатами и метрополіей, такъ и между ними и федераціей; однако, оба премьера, Англіи и Австраліи, успѣшно отстояли свою точку зрѣнія, исключивъ штаты изъ непосредственнаго участія въ конференціи.

Самостоятельное положеніе Австр. штатовъ заключаетъ въ себѣ возможность даже участія ихъ въ международныхъ сношеніяхъ, что не допускается ни въ Соед. Штатахъ, ни въ Канадѣ; но, конечно, такія сношенія съ иностран. державами могутъ имѣть мѣсто лишь въ такихъ предѣлахъ, чтобы не нарушалась компетенція федеральныхъ властей; подобныя функціи штатовъ явятся, слѣдовательно своего рода дополненіемъ функцій федераціи [3]). Мы уже имѣемъ въ настоящее время примѣръ, когда штаты воспользовались этимъ своимъ правомъ; въ 1908 г.

---

[1]) Ср. его цитир. депешу отъ 15 апрѣля 1903.

[2]) Parl .Papers, cd. 3340 aud 3524, 1907.

[3]) О возможныхъ треніяхъ и спорахъ въ этомъ вопросѣ см. Keith Responsible Government in the Dominions, p. 170. Также его же статью въ journal of the Society of Comparative Legislation, march 1911 (new Series, № XXIV), the Legal Interpretation of the Constitution of the Commonwealth, p. 228 et seq.

Н. Ю. Валлисъ, Викторія и Ю. Австралія заключили договоры касательно водъ рѣки Меррей (Murray), а Викторія и Ю. Австралія, кромѣ того, и касательно своихъ пограничныхъ линій; правда, парламенты штатовъ не нашли возможнымъ ратификовать эти соглашенія, но принципіальную возможность таковыхъ никто не отрицалъ.

Въ общемъ надо признать, что штаты попрежнему весьма ревниво и съ большою подозрительностью защищаютъ свою автономію отъ посягательствъ на нее со стороны федераціи [1]); благодаря этому, въ отличіе отъ американскихъ штатовъ, центральная власть до сего времени не начала еще развиваться за счетъ власти штатовъ; она все еще продолжаетъ находиться въ тѣхъ довольно узкихъ рамкахъ, въ которыя ее поставила конституція 1900 г.; трудно однако предвидѣть, чтобы подобное искусственное равновѣсіе продержалось очень долго. Ст. 109 акта 1900 г. устанавливаетъ, что въ случаѣ столкновенія закона штата съ закономъ федеральнымъ, первый долженъ уступать въ силѣ второму; этимъ утверждается верховенство федер. законод. власти [2]); надо однако имѣть въ виду, что федер. законъ не можетъ его ipso отмѣнить законъ штата, а лишь прекращаетъ его дѣйствіе пока самъ существуетъ [3]); практическое значеніе этого правила можетъ проявиться при отмѣнѣ федер. закона, въ коемъ случаѣ пріостановленный дѣйствіемъ законъ штата вступаетъ въ силу самъ собой [4]). Федер. законод. власть не только не можетъ отмѣнять или измѣнять законовъ штатовъ, но не имѣетъ права и приказывать штатамъ сіе дѣлать; штаты вполнѣ свободны законодательствовать какъ сами того хотятъ [5]).

---

[1]) Подобная мысль выражается, между прочимъ, конституціонной фразой: „the State Parliaments have *plenary powers*“.

[2]) Ср. примѣрами изъ судеб. практики по поводу толкованія этого принципа, приведенными у W. H. Moore, o. c., p. 408 et seq.

[3]) Тотъ же принципъ дѣйствуетъ въ Канадѣ. Privy Council; A.-G. for Ontario v. A.-G. for Dominion, 1896, A. C., 348; Federal Sawmillers. v. J. Moore and Sons, 1909. 15 A. L. R., p. 399; Baxter v. Commissioner of Taxation (N. S. W.), 1907, 4 C. L. R., p. 1129.

[4]) См. также ст. 108 акта 1900 г.

[5]) Ср. Lefray, Legislative Power in Canada, p. 365; Gibbons v. Ogden, 9 Wheaton, p. 30 et seq.; Feder. Sawmillers Assoc. v. J. Moore and Sons, 15 L. A. R., p. 32 9. Въ соб. важна теорія „of the Immunity of Instrumentalities“; W. H. Moore, o. c., p. 421—437; ср. съ указанными Муромъ многочисленными судеб. рѣшеніями Австраліи и Сѣв. Америки. Ср. также Keith, Legal Interpretation of the Constitution of the Commonwealth, journal of the Society of Comparative Legislation, July 1911, p. 95—103.

Изъ этого общаго правила конституція 1900 г. дѣлаетъ одно исключеніе, касательно законовъ штатовъ о таможенномъ досмотрѣ, которые могутъ быть непосредственно отмѣняемы парламентомъ федераціи (ст. 112); само собою понятно, что это единственное исключеніе не терпитъ распространительнаго толкованія [1]).

Съ другой стороны, и суд. практика и австр. теоретики права признаютъ возможнымъ примѣнять въ дополненіе къ федер. законамъ законы штатовъ; въ настоящее время подобное примѣненіе къ федеральнымъ дѣламъ („federal matters") законовъ штатовъ санкціонировано и закономъ, регулирующимъ судопроизводственные порядки федеральнаго суда [2]). Только въ одномъ случаѣ не можетъ возникать вопроса о примѣненіи закона штата: въ тѣхъ дѣлахъ, вѣдѣніе коихъ конституціей предоставлено исключительно федеральнымъ властямъ (см. вышецитир. перечисленіе); для рѣшенія подобныхъ дѣлъ штаты вовсе не компетентны.

Административная власть въ штатахъ находится въ рукахъ парламентарно-отвѣтственныхъ министерствъ, составляющихъ „совѣты" соотвѣтственныхъ губернаторовъ [3]). Послѣднимъ принадлежитъ право veto законовъ штатовъ въ той же мѣрѣ, въ какой это право принадлежитъ ген.-губернатору касательно законовъ федеральныхъ.

Н. Ю. Валлисъ имѣетъ двѣ палаты; законодательный совѣтъ (верхняя палата) назначается губернаторомъ по представленіямъ его министерства; при этомъ не менѣе $^4/_5$ его состава не должны занимать никакихъ другихъ правительст. должностей, за исключеніемъ министровъ и военныхъ должностей; члены совѣта могутъ отказываться отъ своихъ мѣстъ простымъ письмомъ на имя губернатора. Нижняя палата (Legislatime Assevbly) избирается населеніемъ; избир. право принадлежитъ всѣмъ гражданамъ, достигшимъ 21 г. отъ роду, подданнымъ короля и имѣющимъ нѣкоторый имущественный цензъ; палата состоитъ изъ 90 членовъ; условія пассив. избир. права тождественны активному праву, за двумя исклю-

---

[1]) Ср. W. H. Moore o. c., p. 413 et seq.

[2]) High Court Procedure act, 1903; judiciary act, 1903.

[3]) Keith, o. c., p. 44—50, даетъ нѣсколько интересныхъ примѣровъ отношенія австр. губернаторовъ къ министерствамъ въ щекотливомъ вопросѣ о роспускѣ парламента. О другихъ подобныхъ вопросахъ см. тамъ же, стр. 60 и слѣд. Также Todd, Parl. govern. in Br. col., 2 ed., p. 84 et seq.

ченіями—члены верхней палаты не могутъ быть членами нижней палаты, равно исключены священники (ministers of religion). Парламентъ долженъ имѣть, по крайней мѣрѣ, одну годовую сессію; онъ имѣетъ право вносить поправки въ конституцію штата, но съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы подобныя поправки принимались большинствомъ $^2/_3$ въ обѣихъ палатахъ, резервировались для санкціи метрополіи [1]) и сообщались бы федеральному парламенту по крайней мѣрѣ за 30 дней до резервацiи [2]). У парламента имѣются обычныя дисциплинарныя права надъ своими членами, а послѣднимъ въ свою очередь обезпеченъ обычный иммунитетъ [3]).

Викторія имѣетъ также двѣ палаты; составъ верхней палаты (35 членовъ) возобновляется частично, нижняя же палата возобновляется цѣликомъ народнымъ избраніемъ, каждые три года (прежде—5 лѣтъ); у губернатора имѣется обычное право роспуска парламента [4]). Прочія постановленія конституціи Викторіи аналогичны конституціи Н. Ю. Валлиса.

Тасманія (Ванъ-Дименова Земля) имѣетъ двѣ палаты; верхняя или совѣтъ избирается на 6 лѣтъ и состоитъ изъ 18 членовъ, нижняя же избирается на три года и состоитъ изъ 35 членовъ [5]); въ прочемъ, конституція Тасманіи аналогична двумъ вышеупомянутымъ.

Южная Австралія имѣетъ также двѣ палаты; верхняя возобновляется частично каждые три года и состоитъ изъ 18 членовъ, избираемыхъ на девять лѣтъ; нижняя палата состоитъ изъ 42 членовъ, избираемыхъ на три года, и можетъ быть распускаема губернаторомъ; пасс. избир. право для верхней палаты, кромѣ обычныхъ условій, ограничено еще 30-лѣтнимъ возрастомъ. Измѣненія конституціи могутъ быть осуществляемы тѣмъ же порядкомъ, какъ въ Н. Ю. Валлисъ, т. е. съ обязательной резервацiей и сообщеніемъ за 30 дней федер. парламенту [6]).

---

[1]) Это старый порядокъ измѣненія колон. конституціи; въ отношеніи конституціи федеральной былъ установленъ иной порядокъ; см ниже.

[2]) Ср. подробнѣе, напр., C. J. Tarring, Chapters..., p. 107 et seq.

[3]) До сего времени въ главныхъ своихъ основахъ дѣйствуетъ законъ 18—19 Vict., c. 54, организовавшій автономное управленіе Н. Ю. Валлиса.

[4]) Подробнѣе см. законъ 18—19, Vict., c. 55.

[5]) 13—14 Vict., c. 59.

[6]) 13—14 Vict., c. 59. Только въ Ю. Австраліи и Викторіи и то лишь въ исключительныхъ обстоятельствахъ можетъ губернаторъ распускать и совѣтъ.

Парламентъ Квинсленда состоитъ изъ двухъ палатъ; верхняя или совѣтъ назначается губернаторомъ (40 пожизненныхъ членовъ), нижняя же избирается населеніемъ (72 члена); для обѣихъ палатъ требуется имущественный цензъ [1]) [2]).

Наконецъ, Западная Австралія имѣетъ также двѣ палаты [3]); совѣтъ состоитъ изъ 15 членовъ (5 чл. составляютъ quorum), избираемыхъ на 6 лѣтъ; онъ возобновляется частично каждые два года; палата же состоитъ изъ 30 членовъ, избираемыхъ на 4 года (quorum 10 чл.); она можетъ быть роспускаема губернаторомъ; для обѣихъ палатъ требуется имуществ. цензъ. Въ остальномъ конституція З. Австраліи аналогична прочимъ [4]).

Во многихъ кабинетахъ штатовъ имѣются министры безъ портфелей [5]); въ Ю. Австраліи, по странному недоразумѣнію въ видѣ архаизма, въ кабинетѣ участвуетъ верховный судья (Chief Justice); Тасманія имѣетъ всего 4 министра, тогда какъ въ Н. Ю. Валлисѣ и Викторіи мы находимъ по 8 министровъ; кабинетъ Квинсленда составляютъ 7 членовъ, а З. Австраліи—6, не считая министровъ безъ портфелей, число коихъ мѣнялось за послѣдніе 10 лѣтъ. Въ составъ кабинетовъ штатовъ обыкновенно входятъ главный (chief) или колоніальный секретарь и генералъ - атторней; остальные портфели составляютъ обычно: публичныхъ работъ, госуд. земель, казначейства, народнаго просвѣщенія, горнаго и желѣзнодорожнаго дѣла; премьеры брали себѣ самые разнообразные портфели; помощниковъ секретарей (under-secretaries), какъ то имѣетъ мѣсто въ Англіи, не существуетъ [6]). Какъ и въ федераціи, губернаторы штатовъ, хотя и являются ex officio предсѣдателями кабинетовъ, рѣдко пользуются этимъ правомъ, предоставляя предсѣдательствованіе премьерамъ; только въ очень рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ метрополія заставляетъ гу-

---

[1]) 24—25 Vict., c. 44.

[2]) Избир. право въ Квинслендѣ регулируется закономъ: 31 Vict., c. 38 (Queensland Constitution act, 1867).

[3]) 53—54 Vist., c. 26.

[4]) Объ отношеніяхъ, сложившихся въ различныхъ штатахъ между обѣими палатами см. Keith, o. c., p. 102 et seq.

[5]) Н. Ю. Валлисъ, Викторія, Зап. Австралія, Квинслендъ, а съ 1908 г. и Ю. Австралія.

[6]) Ср., напр., Todd, Parl. Government in Brit. Colonies, 2 ed., 54 et seq.

бернатора предсѣдательствовать при разсмотрѣніи какого нибудь особо важнаго дѣла [1]).

Конституціи штатовъ предусматриваютъ тотъ порядокъ, которымъ онѣ могутъ измѣняться; федеральн. конституція этого не касается (ст. 106).

Ст. 111 содержитъ интересную норму, согласно которой штатъ имѣетъ право уступать федераціи части своей территоріи; на такихъ уступленныхъ территоріяхъ въ этихъ случаяхъ будетъ дѣйствовать исключительно одна федеральная власть. Благодаря этому создается не совсѣмъ обычное понятіе „территоріи" федераціи, не входящей въ территорію штата, но находящейся на томъ же континентѣ Австраліи; другими словами, территоріи штатовъ будутъ обнимать собой не весь австр. континетъ [2]). Но подобная уступка федераціи частей территоріи штатовъ можетъ происходить лишь по иниціативѣ самихъ штатовъ; отъ вмѣшательства федер. властей штаты ограждены яснымъ постановленіемъ конституціи, гарантирующимъ имъ неприкосновенность ихъ территоріи [3]). Кромѣ того, по образцу Соед. Штатовъ, отцы акта 1900 г. предусмотрѣли обособленную территорію столицы федераціи, находящуюся въ непосредственномъ вѣдѣніи федер. властей; а пока столица не будетъ выстроена, федерація можетъ пріобрѣтать въ свое распоряженіе городскіе участки и строить свои дома и зданія для временнаго помѣщенія въ нихъ федер. властей [4]); зданія эти находятся также въ непосредственномъ вѣдѣніи федер. властей, пользуясь своего рода экстерриторіальностью; власть

---

[1]) Такъ было въ 1900 г. въ Викторіи; см. спеціальн. инструкцію губернатору отъ 29 окт. 1900 г. ст. IV.

[2]) Обыкновенно территорія федераціи покрываетъ собой территорію составныхъ частей, штатовъ, провинцій или государствъ. Исключеніе представляютъ только протектораты и колоніи. Австралія, впрочемъ, знаетъ и такія исключенія; въ управленіи федераціи находится подобный протекторатъ (dependency)—Папуанскіе острова (согласно Papua Act, 1905 г.). Согласно ст. 122 федер. власть можетъ вообще пріобрѣтать новыя территоріи внѣ континента, организуя затѣмъ ихъ управленіе и опредѣляя ихъ участіе въ федераціи; этимъ отцы акта 1900 г. имѣли въ виду возможное пріобрѣтеніе и присоединеніе къ федераціи острововъ и архипелаговъ Тихаго океана. На подобныя территоріи распространяются въ такихъ случаяхъ федер. законы, а федер. парламентъ можетъ опредѣлять степень и форму участія представителей территоріи въ федер. палатахъ. Корона можетъ proprio motu передавать территоріи въ вѣдѣніе австр. федераціи; это постановленіе также имѣетъ въ виду острова Тихаго океана.

[3]) „Territories of the several existing Colonies shall remain intact".

[4]) Пока столица не построена, федер. власти располагаются въ Мельбурнѣ (ст. 125)

штата не можетъ на нихъ распространяться. Какъ мы уже не разъ указывали, актъ 1900 г. старательно ограждаетъ штаты отъ вмѣшательства федер. власти и vice versa; такъ, штатамъ запрещено облагать какими-либо налогами федеральное имущество, а федерація не имѣетъ права облагать имущество, принадлежащее штатамъ (ст. 114).

Глава VI акта 1900 г. посвящена порядку принятія въ федерацію новыхъ штатовъ. Таковое происходитъ по усмотрѣнію федер. парламента, имѣющаго право устанавливать тому любыя условія, включая даже мѣры участія новаго штата въ федер. парламентѣ (ст. 121) [1]. Но какія-либо измѣненія въ территоріи и пограничныхъ линіяхъ уже существующихъ штатовъ могутъ происходить лишь по воспослѣдованіи: соглашенія по такому вопросу между федер. парламентомъ и парламентомъ заинтересованнаго штата, а равно референдума въ томъ штатѣ, территорія коего подлежала бы измѣненію (ст. 123); рѣшающее слово, такимъ образомъ принадлежитъ большинству населенія штата. Новые штаты могутъ быть образованы изъ территорій уже существующихъ штатовъ, но только съ согласія парламентовъ заинтересованныхъ штатовъ; такимъ же порядкомъ, съ согласія соотвѣтствующихъ парламентовъ могутъ быть образованы новые штаты соединеніемъ въ одинъ нѣсколькихъ уже существующихъ штатовъ или частей таковыхъ (ст. 124). Здѣсь хотя и не требуется референдума, но въ виду зависимости отъ избирателей парламентарно отвѣтственныхъ министерствъ, рѣшающее слово все таки будетъ принадлежать населенію штатовъ; безъ согласія, слѣдовательно, невозможно ни образованіе новаго штата, ни соединеніе въ одинъ нѣсколькихъ существующихъ нынѣ штатовъ [2].

Образованіе новыхъ штатовъ въ будущемъ весьма вѣроятно, если принять во вниманіе, что еще многія части австр. континента, уже не говоря объ архипелагахъ, мало заселены, не разработаны и даже не эксплорированы;

---

[1]) Отцы акта 1900 г. имѣли здѣсь въ виду главнымъ образомъ вступленіе въ федерацію Новой Зеландіи и Фиджи.

[2]) Спеціальная литература (напр., Moore, o. c., p. 594) раскрыла здѣсь одно маленькое противорѣчіе; ст. 123 не согласована съ ст. III, вслѣдствіе чего получается такое положеніе: штатъ можетъ безъ референдума уступить часть своей территоріи федераціи (ст. III), но послѣдняя не можетъ ее передать другому штату безъ такого референдума.

нѣкоторыя изъ нихъ могутъ оказаться богатыми и плодородными мѣстностями, куда направится будущая колонизація [3]).

Отцы акта 1900 г. дали федер. парламенту вышеописанное выдающагося значенія право активнаго участія въ созданіи новыхъ штатовъ, съ нѣкоторою спеціальною цѣлью; благодаря этому праву парламентъ можетъ требовать установленія ограничительныхъ условій для пріема въ федерацію новаго штата; такимъ способомъ полагали заставить Квинслендъ и Зап. Австралію скорѣе присоединиться къ прочимъ штатамъ; эти два штата, какъ извѣстно [1]), долго колебались и федералисты хотѣли ихъ испугать возможными въ будущемъ болѣе невыгодными условіями вступленія въ федерацію.

Гарантіи неприкосновенности территоріи штатовъ подтверждены и въ ст. 128; онѣ не могутъ быть измѣняемы или отмѣняемы въ порядкѣ измѣненія федеральной конституціи, которому посвящена ст. 128; для измѣненія этихъ гарантій порядкомъ 128 ст. требуется вдобавокъ референдумъ.

Порядокъ, установленный главой VI акта 1900 г., отмѣнилъ многочисленные прежніе законы, регулировавшіе измѣненія территорій штатовъ и колоній [2]).

Остается упомянуть о *территоріяхъ*. Мы уже видѣли какимъ порядкомъ федерація можетъ пріобрѣтать территоріи; воспользовавшись статьей 122, фед. парламентъ издалъ въ 1905 г. актъ (Papua act), которымъ организовалъ Новую Гвинею въ качествѣ подобной территоріи [3]); этимъ же порядкомъ предполагалось организовать островъ Норфолькъ (Norfolk Island), но до сего времени (1912) дѣло это окончательно еще не рѣшено. Ст. 122 совер-

---

[3]) Такъ уже не разъ возникалъ вопросъ о раздѣленіи Квинсленда на два штата; одно время также поговаривали о выдѣленіи новаго штата изъ Н. Ю. Валлиса и Викторіи (т. наз. Riverina Colony).

[1]) См. выше, стр. также Conven. Debat., 1891.

[2]) Принципъ этотъ однако оспаривается нѣкоторыми юристами; ср. Moore, o. c., p. 594 et seq. Законъ 1890 г. (Colonial Boundaries Ac) непосредственно отмѣненъ конституціей 1900 г. Другіе законы, касающіеся этого вопроса были: 5—6 Vict., c. 76, s. 51; 13—14 Vict., c. 59, s. 30, 34; 18—19 Vict., c. 54, s. 5; 24—25 Vict., c. 44, s. 2, 5, 6 (относительно этого закона возбуждались въ Австраліи сомнѣнія, отмѣненъ ли онъ актомъ 1900 г.; сомнѣнія эти до сего времени не получили еще авторитетнаго разъясненія); Western Australian Constitution Act, 1890, s. 6 и нѣк. др.

[3]) Этимъ осуществлялось одно изъ завѣтныхъ мечтаній австралійцевъ. давно уже стремившихся присоединить къ своей территоріи Н. Гвинею, См. выше; актъ 1905 г. излагаетъ исторію всего ново-гвинейскаго вопроса.

шенно очевидно касается лишь острововъ и архипелаговъ, такъ какъ пріобрѣтеніе территорій на самомъ континентѣ, который весь распредѣленъ между существующими штатами, будетъ происходить порядкомъ статьи III; именно этимъ послѣднимъ порядкомъ была организована въ 1909 г. сѣверная территорія (Northern Territory), выдѣленная по соглашенію федер. парламента съ Южной Австраліей [1]).

Но самымъ щекотливымъ и до сего времени злободневнымъ вопросомъ является споръ о будущей федеральной столицѣ и ея территоріи. Въ 1904 г. былъ принятъ парламентомъ проектъ акта (Seat of Governmennt act), которымъ столица опредѣлялась около Dalgety; Н. Ю. Валлисъ однако не соглашался на эту комбинацію и четыре года спустя вопросъ былъ вновь поставленъ на министерскую програму (Seat of Government act, 1908), съ замѣной Dalgety мѣстечкомъ Yass-Canberra; послѣ нѣкоторыхъ колебаній и правительство и парламентъ Н. Ю. Валлиса согласились принять новый проектъ, который и былъ вновь внесенъ въ федер. парламентъ въ 1909 году; повидимому, есть надежды, что столица федераціи будетъ, наконецъ основана въ названномъ мѣстѣ; территорія для нея, по крайней мѣрѣ, уже окончательно уступлена федераціи Н. Ю. Валлисомъ (Seat of Government Surrender act, 1909).

VIII. Измѣненіе конституціи. Этому важному вопросу посвящена весьма длинная статья 128. Инициатива измѣненіи конституціи можетъ исходить только отъ федер. парламента, при чемъ вопросъ можетъ быть поднятъ въ любой палатѣ; затѣмъ проектъ измѣненія долженъ быть принятъ абсолютнымъ большинствомъ обѣихъ палатъ и препровожденъ штатамъ; тамъ, не ранѣе двухъ и не позднѣе 6 мѣсяцевъ, онъ подвергается голосованію, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ граждане, имѣющіе федер. активное избирательвое право. Если бы вторая федер. палата отказалась принять проектъ или внесла бы въ него непріемлемыя первой палатѣ поправки, а первая палата черезъ три мѣсяца (въ ту же или слѣдующую сессію) опять приняла бы проектъ абсолютнымъ большинствомъ и вторая палата вновь его отклонила бы

---

[1]) № 23, 1909; см. R. R. Garran, Commonwealth Parl Papers 1909, № 20, p. 36.

или измѣнила, тогда генералъ-губернаторъ можетъ предложить проектъ, въ томъ видѣ, въ коемъ онъ вторично прошелъ палату, которой принадлежала его инициатива, съ приложеніемъ поправокъ или возраженій второй палаты, на народное голосованіе гражданъ, пользующихся фед. акт. изб. правомъ. Какъ видитъ читатель, послѣднее рѣшающее слово принадлежитъ такимъ образомъ самому народу; по идеѣ отцовъ народъ являлся источникомъ конституціи 1900 г., ему же, слѣдовательно, должно принадлежать и право ея измѣненія [1]). Необходимо также отмѣтить то равенство, которое установлено въ этомъ дѣлѣ по отношенію къ обѣимъ палатамъ федер. парламента [2]).

Установленія порядка и подробностей референдума принадлежитъ федер. парламенту [3]). Проектъ, затѣмъ, можетъ поступать на санкцію короля лишь въ томъ случаѣ, если за него выскажутся при названномъ референдумѣ большинство гражданъ всей федераціи и одновременно въ большинствѣ штатовъ; этимъ устанавливается два большинства, національное и федеральное, всего населенія и отдѣльныхъ штатовъ; нельзя не назвать этой конструкціи равновѣсія центробѣжныхъ и центростремительныхъ силъ весьма удачной и обезпечивающей дѣйствительное выраженіе воли народа и общественнаго мнѣнія всей федераціи [4]).

Австр. литература [5]) правильно отмѣтила то различіе, которое существуетъ въ порядкѣ санкціи поправокъ и измѣненій конституціи между актомъ 1900 г. и ранними колоніальными конституціями; тогда какъ по отношенію къ послѣднимъ прежде всегда примѣнялся принципъ резерваціи, о чемъ неукоснительно упоминались и въ

---

[1]) Касательно опредѣленія термина „измѣненіе“ (alteration) см. Quick and Garran, o. c., p. 986 et seq.

[2]) Ср. с. ст. 57, гдѣ имѣется въ виду нѣчто подобное, но палаты находятся не въ равномъ положеніи, такъ какъ починъ закона принадлежитъ одной палатѣ представителей.

[3]) Парламентъ нынѣ издалъ особый законъ, касательно этого вопроса: Referendum Act, 1906 (№ 11); въ 1909 г. были внесены нѣкоторыя измѣненія въ этотъ законъ.

[4]) Въ ст. 128 имѣется, кромѣ того, нѣкоторое опредѣленіе участія гражданъ въ референдумѣ, въ виду того, что отдѣльные штаты имѣли различные законы касательно избир. права; нынѣ, за изданіемъ федер. закона, регулирующаго федер. избир. право, это постановленіе ст. 128 потеряло свою силу.

[5]) См. напр., Moore, o. c., p. 601.

губернаторскихъ инструкціяхъ, въ отношеніи измѣненій австралійской конституціи 1900 г. установленъ общій порядокъ санкціи безъ непремѣнной обязанности ихъ резервировать; такимъ образомъ, напр., ген.-губернаторъ, если не найдетъ затронутыми имперскіе интересы, можетъ непосредственно санкціонировать поправку или измѣненіе конституціи, чего колоніальные губернаторы не могли дѣлать, такъ какъ были обязаны передавать подобные акты на разсмотрѣніе и утвержденіе метрополіи. Новый австралійскій порядокъ представляется значительнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ развитія колоніальной автономіи; по воззрѣніямъ законодателя 1900 года конституціонныя колоніальныя нормы должны быть опредѣляемы самими колоніями, и въ данномъ случаѣ—самимъ австралійскимъ народомъ; австр. конституція существуетъ вѣдь для него и его волѣ вслѣдствіе этого должна быть удѣлена первенствующая и рѣшающая роль въ созданіи конституціонныхъ нормъ; теорія эта въ XIX вѣкѣ представлялась бы опасною ересью даже для самыхъ передовыхъ либераловъ Великобританіи; въ прежнее время воля колоній или колоніальныхъ народовъ не играла никакой юридической роли, фактически же имѣла весьма малое значеніе; колоніальныя конституціи зависѣли исключительно отъ великодушія Сентъ-Джемскаго правительства или Вестминстерскаго парламента; теперь же австралійцы настаивали на признаніи за ними даже конститутивныхъ правъ. Вотъ сколь многое измѣнилось къ концу прошлаго столѣтія въ области англійской колоніальной политики.

Наконецъ, послѣдняя часть ст. 128 гласитъ, что измѣненія касательно пропорціональнаго участія штата въ федеральномъ парламентѣ, числа его представителей въ послѣднемъ и его территоріальныхъ границъ, могутъ быть осуществляемы не иначе, какъ съ согласія большинства гражданъ даннаго заинтересованнаго штата.

Австралійцы не могутъ отрицать, впрочемъ, что какъ канадская конституція, такъ и актъ 1900 г. были юридически актами метрополіи; оба они являются „имперскими актами“ (Imperial acts). Но изъ этого однако никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что парламентъ метрополіи свободенъ въ любое время измѣнять или отмѣнять эти акты; совершенно наоборотъ; мы видѣли, что иниціатива

измѣненій принадлежитъ исключительно федеральному австралійскому парламенту, а не метрополіи; въ этомъ отношеніи не можетъ существовать никакихъ сомнѣній, такъ какъ порядокъ измѣненія акта 1900 г. установленъ въ точности имъ самимъ. Что же касается отмѣны конституціи Австраліи, то таковая безъ согласія и иниціативы австр. народа явилась бы простымъ coup d'Etat, т.-е. актомъ, выходящимъ за предѣлы права, да и врядъ ли возможнымъ въ современномъ культурномъ и правовомъ государствѣ; въ Австраліи это вызвало бы немедленное и безусловное отложеніе отъ метрополіи, которое послѣдняя не имѣла бы никакихъ средствъ предотвратить; другими словами, мы считаемъ, что издавъ конституцію 1900 г. и тѣмъ признавъ и санкціонировавъ волю австралійскаго народа, метрополія себя разъ на всегда связала по отношенію къ Австраліи.

То, что въ отношеніи Канады еще представлялось спорнымъ и неяснымъ [1]), въ австралійской конституціи и австралійскомъ правѣ нашло себѣ уже гораздо болѣе выпуклое и отчетливое опредѣленіе; одной изъ причинъ сему является, конечно, отсутствіе опредѣленія въ канадской конституціи 1867 г. порядка ея измѣненія, тогда какъ ст. 128 австр. конституціи его регулируетъ въ подробностяхъ; но другую гораздо болѣе важную причину различія составляетъ, несомнѣнно, та перемѣна во взглядахъ, которая имѣла мѣсто какъ въ колоніяхъ, такъ и въ самой метрополіи въ теченіе второй половины XIX столѣтія; что казалось страннымъ и невозможнымъ въ срединѣ вѣка, къ концу его уже разсматривалось какъ естественное слѣдствіе развитія колоніальной автономіи. Въ результатѣ же оказалось, что парламентъ метрополіи самъ себѣ связалъ руки и обязалъ себя своими же собственными правовыми нормами; и если въ наши дни все еще встрѣчаются въ Англіи лица, даже видные государственники (напр. Дайси), утверждающіе, что парламентъ Вестминстера попрежнему неограниченно и абсолютно всемогущъ, то утвержденіе сіе есть историческій пережитокъ, болѣе не соотвѣтствующій дѣйствительности и являющійся лишь отголоскомъ прошлаго, а не опредѣленіемъ нынѣшняго положенія вещей.

---

[1]) Ср. съ моей брошюрой „Гос. строй Канады", въ особ. стр. 55—57.

Интересы метрополіи вполнѣ успѣшно защищаются порядкомъ санкціи австралійскихъ законовъ, примѣняемымъ, какъ мы видѣли, и къ измѣненіямъ конституціи 1900 г. Въ метрополіи нынѣ могли убѣдиться, что иныхъ, экстраординарныхъ гарантій болѣе не требуется.

3.

Три власти.

I. Законодательная власть австралійской федераціи по мысли отцовъ конституціи должна была быть точно опредѣленной и ограниченной; подобный принципъ являлся, какъ мы видѣли, прямымъ слѣдствіемъ столь сильно развитыхъ въ Австраліи центробѣжныхъ силъ; законодателю приходилось весьма осторожно относиться къ автономіи штатовъ и обезпечить ей всѣ возможныя гарантіи. Такимъ образомъ, въ силу необходимости создалась конструкція, благодаря которой федеральная власть получила лишь тѣ функціи и полномочія, которыя спеціально ей удѣлялись конституціей.

Далѣе, законодатель постарался разграничить три такъ называемыя „власти“ государства, законодательную, ввѣренную парламенту (ст. 1), административную (ген.-губернаторъ; ст. 61) и судебную (ст. 71). Предѣлы и объемъ законод. власти опредѣляются статьями 51 и 52 [1]); все, что выходитъ за эти рамки, принадлежитъ компетенціи штатовъ; въ ихъ же пользу, слѣдовательно, должны толковаться случаи сомнѣнія. Основныя мысли всей этой конструкціи заимствованы изъ Соед. Штатовъ Сѣверн. Америки.

Компетенція законод. органовъ австр. федераціи можетъ быть опредѣляема внѣшнимъ и внутреннимъ образомъ; внѣшнимъ образомъ она опредѣляется такъ [2]): *a*) тѣмъ инструментомъ, который создалъ данные органы; въ данномъ случаѣ таковымъ будетъ, конечно, конституція 1900 г.; измѣненія послѣдней происходятъ ею же самой установленнымъ порядкомъ. Законодательная власть

---

[1]) „Parliament shall... have power to make laws... with respect to the *matters enumerated*“.

[2]) Это примѣнимо grosso modo къ большинству англійскихъ колон. законод. органовъ.

австр. федераціи не является какой-либо делегаціей власти имперскаго парламента, а властью вполнѣ самостоятельною; этотъ принципъ можно считать установленнымъ communis opinio doctorum и подтвержденнымъ многочисленными судебными рѣшеніями, какъ колоніальными, такъ и тайнаго совѣта метрополіи [1]). *б*) Австр. законод. власть не можетъ ни отмѣнять, ни измѣнять „имперскихъ" актовъ, изданныхъ парламентомъ метрополіи; здѣсь мы имѣемъ дѣло съ пережиткомъ прежнихъ временъ, не имѣющимъ болѣе актуальнаго значенія для Австраліи, въ чемъ читатель убѣдится изъ послѣдующаго; принципъ этотъ обоснованъ закономъ 1865 г. [2]), но не находитъ себѣ почти никакого примѣненія, такъ какъ на австр. федерацію общимъ порядкомъ не распространяются болѣе имперскіе акты; новыхъ болѣе не издается, а изъ старыхъ имперскихъ законовъ подавляющее большинство прекратило свое дѣйствіе въ Австраліи и только исключеніемъ можно найти единичные акты еще продолжающіе тамъ дѣйствовать [3]). *в*) Близко съ этимъ соприкасается другой ограничительный принципъ: австр. законод. власть ограничена территоріально—предѣлами федераціи; и это является общимъ принципомъ великобританскаго права; законы, издаваемые колон. легислатурами, не распространяются за предѣлы территоріи данной колоніи [4]); однако за послѣднее время въ Австраліи и названный принципъ началъ подвергаться оспариванію; съ одной стороны, австр. законы распространяются на нѣкоторые острова Тихаго океана, напр., на протекторатъ федераціи Папуа, организованный въ 1905 году, съ другой же,—австралійцы претендуютъ и на дальнѣйшее распространеніе дѣйствія австр. законовъ, напр., на австр. суда, гдѣ бы они ни плавали [5]); но, конечно, Австралія

---

[1]) См., напр., Keith, o. c., p. 81 et seq.; W. H. Moore, o. c., p. 243 et seq.; тамъ же цит. многочисл. суд. рѣшенія.

[2]) Colonial Laws Validity act, 1865; 28—29 Vist., c. 63, такъ же рѣшеніе тайнаго совѣта въ дѣлѣ Webb v. Outtrim, 1907, a. c. 81.

[3]) Ср. мою статью, общеимперское законодательство Великобританіи, Право 1912 г., № 5 и 6.

[4]) Ср. съ многочис. судеб. рѣшеніями, приводимыми у W. H. Moore, o. c., p. 259.

[5]) См. мою статью „Общеимперское законодательство Великобританіи, Право 1912, № 5 и 6. Объ этомъ же говоритъ ст. V Commonwealth Constituion act: дѣйствіе австр. законовъ распространяется на суда, регистрированные и отправленные въ австр. портъ (port of destination), гдѣ бы они ни находились; ср. также Exparte Oesselman, 1902, 2 S. R. (N. S. W) 438.

не можетъ законодательствовать для другихъ колоній. Благодаря этому, до сего дня, область вопросовъ, касающихся одновременно нѣсколькихъ колоній, и регулировалась не колоніальными, а имперскими актами; такова, напр., суть законовъ о выдачѣ преступниковъ или о двоеженствѣ [1]); число этихъ вопросовъ однако уже сильно сократилось; австралійская практика, къ тому же, сознательно не желаетъ съ ними считаться. За послѣднее время тайный совѣтъ метрополіи [2]) уже открыто призналъ за автономными колоніями въ нѣкоторыхъ случаяхъ и право экстратерриторіальнаго законодательства. Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что два послѣднихъ ограниченія находятся въ процессѣ вымиранія и уже недалеко то время, когда они вовсе исчезнутъ изъ австр. федеральнаго права [3]). Таковы внѣшнія рамки компетенціи австр. законод. органовъ.

Обратимся теперь къ внутреннимъ ограниченіямъ или опредѣленію законод. власти по предметамъ компетенціи. При этомъ нельзя забывать, что законодатель принялъ систему перечисленія, не допускающую, стало быть, въ принципѣ распространительнаго толкованія [4]). Перечисленіе функцій парламента въ статьяхъ 51 и 52 отличается тѣмъ, что во второй упомянуты функціи, исключительно принадлежащія федерал. парламенту (exclusive powers).

Перечисленіе 51 статьи имѣетъ 39 пунктовъ и обнимаетъ собой главнѣйшимъ образомъ торговлю [5]), податное обложеніе [6]), таможенное и почтовое дѣло, внѣшнюю оборону, монетное и рыболовное дѣло, банковое и страховое дѣло и т. д. [7]). Перечисленіе же ст. 52 содержитъ

---

[1]) Fuditive offenders act, 1881: Colonial Prisoners Removia act 1869, 1884. Bankrupcy act. 1883; Merchant Shipping ct, 1894: Colonial marriages act, 1865.

[2]) Attorney-general for Ca ada v. Cain and Gilh la, 1906, a. c., 542; 22, T. L. R. 757; M'Kelvey v. eagher, 4 C. L. R. 265.

[3]) Cp Parl. Papers, cd. p. 3023, p. 61; Parl. Papers, cd. 4355.

[4]) In can claim n powers which are not granted to t by the constitution. Тотъ же принципъ опредѣляетъ компетенцію конгресса Соед. Штатовъ; ср. Marshall C. J., Mar in v. Hunt rs Lessee, Wheaton, 304, 343.

[5]) Федерація уже часто пользовалась этимъ правомъ для регулированія торговли и въ особенности для контроля трестовъ и большихъ капиталовъ; ср. Americ. Polit. Science Re iew, August (№ 3) 1911, 427 et seq.

[6]) Въ этомъ вопросѣ наиболѣе ярко отражается параллелизмъ власти федераціи и штатовъ, такъ какъ и та и другіе пользуются въ равной мѣрѣ своимъ правомъ обложенія населенія налогами.

[7]) Въ перечисленіи отсутствуетъ какая-либо система или классификація что несомнѣнно является нѣкоторымъ недостаткомъ акта 1900 г. Ср. J. Clark, Australian Constitutional Law, 2 ed., p. 73.

всего три пункта: вопросы, касающіеся столицы федераціи, вопросы, касающіеся федеральныхъ властей (departments of public service) и прочія дѣла, переданныя исключительному вѣдѣнію федер. парламента, какъ, наприм., вопросы, касательно федеральныхъ территорій, ихъ управленія, пріобрѣтенія, уступки и т. д. [1]). Среди принадлежащихъ парламенту функцій можно найти много вопросовъ, законодательство, по коимъ въ прежнія времена требовало непремѣнно санкціи метрополіи; отсутствіе необходимости резервацiи этихъ дѣлъ въ Австаліи свидѣтельствуетъ намъ лишній разъ, насколько идея колоніальной автономіи прогрессировала въ великобританской имперіи; такъ, въ отношеніи многихъ другихъ колоній и по сіе время требуется резервація законовъ, касающихся публичныхъ земель (public lands; ср. съ ранними австр. конституціями), развода, чеканки монеты (кромѣ Англіи, монета чеканится въ Индіи, Канадѣ и въ трехъ городахъ Австраліи), дифференціальныхъ таможенныхъ тарифовъ, торговаго мореплаванія [2]), военной и морской обороны, иммиграціи [3]), натурализаціи и нѣк. др. [4]); всѣ подобные законы могутъ быть санкціонированы австр. ген.-губернаторомъ безъ необходимой резервацiи.

Судебная практика Австраліи признаетъ за федерал. парламентомъ въ предѣлахъ, установленныхъ конституціей, безусловную полноту власти [5]). Въ 1910 г. внесенъ былъ въ парламентъ билль, измѣнявшій редакцію пп. 1, 11 и 25 въ томъ смыслѣ, что федераціи предоставлялась бы полнѣйшая свобода регулированія какъ внутренней, такъ и внѣшней торговли, за счетъ современныхъ функцій отдѣльныхъ штатовъ; австр. федер. правительство считало, что торговля должна по преимуществу, если и не исключительно, регулироваться федеральными

---

[1]) Итоги федер. законодательства за минувшее десятилѣтіе приведены у Hewry G. Turner, First Decade of Australian Commonwealth, Melbourne, 1911.

[2]) См. мою статью „Общеимперское законодательство Великобританіи", Право 1912 г., №№ 5 и 6.

[3]) Австралія уже нѣсколько разъ пользовалась своимъ правомъ законодательствовать въ этой области; 1901, 1905. Также суд. рѣшенія: Potter v. Minahan, 1908, 7. C. L. R., 277; Ah Yin v. Christie, 1907, 4 C. L. R., 1428; Chia gee v. Martin, 1905, 3 C. L. R., 649 и др.

[4]) Ср. Keith, o. c., p. 184—221. Tarring, o. c., p. 129 et. seq.

[5]) Примѣры судебнаго толкованія функцій федеральн. парламента приведены у A. B. Keith, Legal Interpretation of the Commonwealth, Journal of the Society of Comparative Legislation, New Series XXIV, March 1911, p. 234 et seq. (general Powers of Parliament).

законами[1]). Такихъ примѣровъ расширенія федеральной власти за счетъ власти штатовъ, впрочемъ, до сего времени (1912 г.) было еще очень немного; центростремительныя силы не торжествуютъ еще столь полной побѣды, какъ въ Соед. Штатахъ Сѣв. Америки.

Что же касается порядка санкціонированія австр. законовъ, то мы о немъ уже говорили; ген.-губернаторъ либо санкціонируетъ законы, именемъ, короля, либо отказываетъ въ санкціи, либо, наконецъ, резервируетъ ихъ для санкціи короля; въ первыхъ двухъ случаяхъ онъ дѣйствуетъ совершенно тождественно конституціонному монарху, въ третьемъ же, является представителемъ метрополіи; само собой понятно, что резервація можетъ имѣть мѣсто въ одномъ лишь случаѣ, когда интересы метрополіи дѣйствительно затронуты даннымъ законопроектомъ; ген.-губернаторъ получаетъ указанія объ этомъ либо отъ собственнаго министерства, либо отъ лондонскаго правительства; король можетъ воспользоваться своимъ правомъ санкціи резервированнаго закона въ теченіе двухъ лѣтъ; если санкціи не послѣдуетъ, то законъ не вступаетъ въ силу; кромѣ того король можетъ отмѣнить въ теченіе одного года послѣ принятія его федер. парламентомъ всякій законъ, уже санкціонированный ген.-губернаторомъ; подобный законъ перестаетъ дѣйствовать со дня отмѣны его (disallowance) королемъ.

Этотъ порядокъ санкціонированія и резервированія законовъ является почти единственною современною связью метрополіи съ колоніей и во всякомъ случаѣ самымъ главнымъ элементомъ единенія имперіи; къ тому же это надежнѣшее и единственно-дѣйствительное средство охраны обще-имперскихъ интересовъ, какъ и интересовъ метрополіи. Десятилѣтняя практика однако показываетъ, что метрополія примѣняетъ его весьма рѣдко; почти каждый случай отказа въ санкціи вызывалъ въ Австраліи негодованіе общественнаго мнѣнія; австралійцы очень щепетильны въ вопросахъ, касающихся ихъ автономіи, и не особенно склонны допускать вмѣшательство метрополіи въ какой бы то ни было формѣ; практичнѣе вслѣдствіе этого для метрополіи стараться предупреждать необходимость резерваціи закона путемъ предваритель-

---

[1]) Ср. Amer. P. I. Science Review, aug. (№ 3) 1911, p. 427 et seq.

ныхъ переговоровъ и соглашеній съ австр. федер. министерствомъ, когда законопроектъ находится еще въ стадіи подготовительной.

Полномочія короля въ вопросѣ о санкціи законовъ, сами по себѣ взятыя, не могутъ служить аргументомъ отрицанія государственности Австраліи; но они также не могутъ быть взяты въ основаніе конструкціи великобританской имперіи, какъ единаго государства.

Для рѣшенія вопроса о государственности Австраліи необходимо присмотрѣться ближе и къ дѣятельности двухъ прочихъ „властей".

II. Административная власть австр. федераціи, находящаяся въ рукахъ ген.-губернатора и парламентарно-отвѣтственнаго министерства, получила въ конституціи 1900 г. весьма полное опредѣленіе. Правильно замѣчаетъ проф. Муръ [1]), что потребность въ органѣ, который воплощалъ бы въ себѣ волю австр. народа, выступалъ бы и дѣйствовалъ отъ его имени и для его блага, сыграла выдающуюся роль въ процессѣ созданія федераціи. Въ наши дни уже нельзя болѣе говорить объ исполнительной власти, такъ какъ администрація не только исполняетъ законъ, а управляетъ, дѣйствуя активно въ огромной и широкой области. Если мы присмотримся ближе къ полю дѣятельности австр. федер. администр. власти, то увидимъ, что оно обнимаетъ собой то, что обыкновенно составляетъ ея функціи въ любомъ государствѣ.

Админ. власть, или вѣрнѣе, ея глава, ген.-губернаторъ „въ совѣтѣ", является представителемъ федераціи, какъ единой юридической личности [2]); она выступаетъ и дѣйствуетъ во всѣхъ случаяхъ, когда должна опредѣляться воля этого юрид. лица; такъ, ею заключаются контракты и сдѣлки правительства, она распоряжается казной, въ предѣлахъ, допускаемыхъ конституціей и парламентомъ, она же является посредницей между федераціей и метрополіей; черезъ ея руки проходятъ сношенія какъ съ Англіей, такъ и съ иностранными государствами; она исполняетъ международные договоры и соглашенія и т. д.

---

[1]) O. c., p. 292.

[2]) Таковъ же взглядъ колоніальнаго министерства въ Лондонѣ на положеніе админ. власти въ Австраліи; ср. Keith, o. c., p. 170—171; Такъ же W. H. Moore, o. c., p. 295—299.

Директивы дѣятельности адм. власть получаетъ троякимъ путемъ; наиболѣе обширнымъ образомъ и чаще всего — законодательствомъ австр. парламента; во-вторыхъ, рамки ея дѣятельности общимъ порядкомъ установлены конституціей 1900 г. [1]); и, наконецъ, гораздо рѣже и, такъ сказать, въ исключительныхъ случаяхъ указаніями метрополіи, когда замѣшаны имперскіе интересы.

Въ главу функціи адм. власти слѣдуетъ постановить дѣло военной обороны. Конституція возлагаетъ на фед. власти заботу о военной оборонѣ федераціи и штатовъ и распоряженіе въ военныхъ цѣляхъ желѣзными дорогами (п п. 6 и 32; ст. 51) [2]. Мы уже видѣли, что ген.-губернаторъ является ex officio главнокомандующимъ австр. военными силами; метрополія не содержитъ болѣе сухопутныхъ силъ въ Австраліи, предоставивъ это дѣло полностью самой федераціи, а за послѣднее время строится уже и австралійскій флотъ, предназначенный замѣнить флотъ метрополіи въ австр. водахъ. На Колон. конференціяхъ XIX столѣтія австр. штаты участвовали въ дѣлѣ общеимперской военной обороны денежною помощью; на конференціяхъ же XX вѣка Австралія отказалась давать денежныя субсидіи, предпочитая организовать на эти суммы собственныя войска и флотъ [3]) [4]).

---

[1]) Патентныя письма и инструкціи ген.-губернатора составляютъ только дополненіе и поясненіе конституціи, опредѣляющей его функціи. Ср. въ этомъ отношеніи Keith, o. c., p. 29 et seq. (см. выше); Moore, o. c., p. 300 et seq.; Edward E. Morris. Memoirs of George Higinbotham; суд. рѣшеніе Toy v. Musgrove, 1888, 14 V. L. R., 349.

[2]) Ср. съ Канадой, гдѣ происходила долгая историческая эволюція по вопросу о военной оборонѣ колоній; Гос. строй Канады, стр. 62.

[3]) Ср. съ моей статьей Колоніальныя конференціи; Юрид. записки, издав. въ Яросл. Демид. Лицеѣ, вып. IV (X), 1911 г. (Ярославль).

[4]) Непосредственно съ этимъ связанъ вопросъ объ участіи Австраліи въ войнѣ съ метрополіей; въ прежнія времена онъ не вызывалъ никакихъ сомнѣній; иначе въ наши дни; существуетъ въ Австраліи, какъ и въ другихъ автономныхъ колоніяхъ, очень сильное теченіе за признаніе за авст. колоніями свободы дѣйствія, разъ война имп самими не вызвана и не угрожаетъ ихъ территоріи и интересамъ (возьмемъ хотя бы примѣръ войны въ средней Азіи); австралійцы отрицаютъ юридич. обязанность участія во всякой войнѣ метрополіи и послѣдней врядъ ли удастся въ будущемъ принудить Австралію или Канаду къ участію въ войнѣ противъ ихъ воли. Другими словами, согласно этому новѣйшему колоніальному взгляду, австр. федерація, хотя не имѣетъ права ни объявлять войны, ни заключать мира, располагаетъ правомъ и свободной возможностью опредѣлять мѣру своего участія или полнаго отказа отъ участія въ войнахъ метрополіи; ср. мою брош. Гос. строй Канады, стр. 63. Въ послѣднее время колонисты стали себя сравнивать съ некомбатантами, въ подобныхъ случаяхъ, такъ какъ теорія Канад. или Австр. нейтралитета во время войны метрополіи, конечно, не примѣнима.

Далѣе фед. адм. власть вѣдаетъ почтово-телеграфное дѣло, маячное и карантинное [1]) дѣло и фед. таможни; она-же вѣдаетъ и чеканку монеты, вопросы мѣръ и вѣсовъ, астрономическія и метеорологическія станціи, народную перепись и статистическое дѣло, равно и рабочій арбитражъ; въ послѣдней области въ Австраліи достигнуто весьма многое, значительно большее, чѣмъ въ любой другой странѣ міра [2]); вспомнимъ хотя бы о федер. судѣ, установленномъ спеціально для дѣлъ арбитража.

Близко съ этими вопросами соприкасаются другія функціи фед. адм. власти: старческія и инвалидыя пенсіи, охрана патентовъ, фабр. марокъ и авторскаго права [3]). Но несоизмѣримо болѣе важное принципіальное значеніе имѣютъ функціи фед. адм. власти, касающіяся внѣшнихъ сношеній (external affairs, п. 29, ст. 51); энергичныя настоянія австр. министерствъ достигли въ этой области наиболѣе важныхъ уступокъ со стороны метрополіи, блестяще завершенныхъ лѣтомъ 1911 г. торжественнымъ обѣщаніемъ Сера Эдуарда Грея колоніальнымъ премьерамъ не заключать международныхъ договоровъ и не обязывать ничѣмъ автономныя колоніи въ области международныхъ отношеній помимо ихъ воли и безъ ихъ согласія; въ области же коммерческихъ трактатовъ и торговыхъ сношеній за автон. колоніями признана полнѣйшая самостоятельность, идущая вплоть до признанія возможности даже непосредственныхъ сношеній колоніи съ иностранной державой, помимо правительства метрополіи [4]). Какъ далеко ушло подобное положеніе вещей отъ идеаловъ XIX вѣка, согласно которымъ международныя сношенія представлялись наиболѣе священной и неотъемлемой

---

[1]) Quarantine act, 1908 г., предусматриваетъ кооперацію федеральныхъ властей въ этомъ дѣлѣ съ властями отдѣльныхъ штатовъ.

[2]) Ср. Commonwealth Conciliation and Arbitration act, 1904 и вызванную имъ суд. практику. Напр. W. H. Moore, o. c., p. 450 et seq. Sidney Low, Anti-strike legislation in Australia, Fortnightly Review, april 1912; B. S. Clark, Labor movement in Australusia, London, 1907. Наиболѣе спорнымъ въ этой области является вопросъ, насколько фед. власть ограничиваетъ власть штатовъ и какова подсудность споровъ рабочихъ съ предпринимателями.

[3]) Долгое время метрополія не желала уступать авст. колоніямъ охрану авт. права, считая данное дѣло „имперской привилегіей"; конференція 1910, спеціально обсуждавшая это дѣло, однако измѣнила принципіальную постановку вопроса; ср. мою статью „Колон. канференціи"; перемѣна во взглядахъ метрополіи произошла по иниціативѣ и вслѣдствіе энергичныхъ настояній именно Австраліи; федерація издала въ этой области цѣлый рядъ законовъ: Copyright act, 1905; Patents act, 1903 и 1906; Trade marks act, 1905 и др.

[4]) См. мою брош. Гос. строй Канады, стр. 67 и слѣд.

прерогативой Англіи! Взгляды XIX столѣтія настолько уже устарѣли, что въ 1899 и 1900 гг., когда вырабатывалась Австр. конституція, законодатель безъ колебаній и опасеній внесъ въ актъ 1900 г. статью, которою передавалъ фед. адм. власти вѣдѣніе нѣкоторыхъ „внѣшнихъ дѣлъ“ (п. 29 ст. 51); сюда относятся, во-первыхъ, изданія законовъ и админ. актовъ во исполненіе междунар. обязательствъ, во-вторыхъ, вопросы, касательно выдачи преступниковъ, въ-третьихъ, рыбная ловля за предѣлами территоріальныхъ водъ. Австр. литература, кромѣ того, причисляетъ сюда же отношенія федер. власти къ туземнымъ племенамъ Тихаго океана (п. 26, ст. 51) [1]). Смежнымъ вопросомъ, наконецъ, является натурализація; въ настоящее время нѣтъ уже болѣе сомнѣній [2]), что натурализація регулируется совершенно автономно колоніальнымъ законодательствомъ [3]); въ тождественномъ положеніи находятся вопросы касательно иммиграціи и эмиграціи [4]).

Третью важную группу функцій фед. адм. власти составляютъ тѣ, которыя касаются торговыхъ и коммерческихъ интересовъ. Такъ, фед. власти регулируютъ банковое и страховое дѣло, контролируютъ дѣятельность иностр. обществъ и т. п., а главное вѣдаютъ финансовое управленіе, торговое дѣло и податное обложеніе федераціи [5]). Наибольшія затрудненія въ этой области возникали въ двухъ направленіяхъ; съ одной стороны, оказалось очень нелегкимъ разграничить компетенцію фед. власти отъ власти отдѣльныхъ штатовъ, съ другой же, требовалось проводить въ жизнь все бо̀льшія ограниченія компетенціи метрополіи; на помощь федераціи въ первомъ случаѣ являлась судебная практика; австр. суды, какъ федеральный, такъ и суды штатовъ,

---

[1]) Мы присоединяемъ сюда же отношенія Австраліи вообще къ островамъ и архипелагамъ Тих. океана; напр., Папуанскій протекторатъ, отношенія къ остр. Фиджи и т. п.

[2]) Это призналъ ст.-секретарь внутр. дѣлъ (Home office) Черчилль на колон. конференціи 1911 г. См. мою ст. „Колон. конференціи“, юридич. записки, изд. Демид. Лицеемъ, вып. IV (X), 1911 г.

[3]) Ср. съ многоч. австр федер. законами: Naturalization act 1903; Immigration Restriction act, 1901; Amendment act 1905; Pacific Islands Laborers acts, 1901, 1906; и др.

[4]) О понятіи австр. подданства см. напр. J. Hatschek, Staats-und-Verwaltungsrecht von Australien (Bibliotek des cefl. Rechis, Scholz-Storck, Bd. 19), S. 25 ff.

[5]) Подробнѣе см. W. H. Moore, o. c., part IX, p. 504—586 (Finance and Trade).

установили болѣе или менѣе ясныя демаркаціонныя линіи; во второмъ же случаѣ слѣдуетъ отмѣтить постепенное сознательное умаленіе въ этой области полномочій метрополіи; въ послѣднемъ отношеніи возникало не мало конфликтовъ, большую часть коихъ приходилось разрѣшать конференціямъ колоніальныхъ премьеровъ; благодаря разумной уступчивости метрополіи, можно однако предвидѣть окончательное устраненіе уже въ ближайшемъ будущемъ послѣднихъ поводовъ и причинъ для такихъ конфликтовъ [1]).

Изложенное свидѣтельствуетъ намъ, что компетенція австр. фед. адм. власти обнимаетъ собой всѣ тѣ функціи, кои обычно составляютъ во всякомъ государствѣ существо административной власти. Въ одномъ отношеніи Австралія, впрочемъ, выгодно отличается отъ ея сестры — Канады; принципы ея Госуд. строя болѣе опредѣленны, болѣе выпуклы и это какъ разъ (особенно замѣтно въ только что разсмотрѣнной области адм. функцій. Объясняется сіе весьма легко историческимъ развитіемъ автономіи англійскихъ колоній; Канадѣ приходилось въ теченіе полустолѣтія бороться съ метрополіей, отвоевывая себѣ шагъ за шагомъ отдѣльныя адм. функціи; послѣднія переходили одна за другой изъ вѣдѣнія метрополіи въ компетенцію Канадскихъ властей, но лишь путемъ долгихъ и иногда болѣзненныхъ конфликтовъ. Австралійская же федерація появилась на свѣтъ Божій уже въ тотъ моментъ, когда въ Канадѣ указанный процессъ завершился полнымъ торжествомъ колоніи; австралійцамъ нечего было бороться за принципы, уже завоеванные ихъ коллегами въ Канадѣ; метрополія въ 1900 г. съ легкостью и безъ возраженій уступала то, за что канадцамъ приходилось такъ упорно бороться. Благодаря этому же изъ австр. конституціи могли быть устранены тѣ неопредѣленности, неточности и недоговоренности, которыя еще можно найти въ столь большомъ числѣ въ актѣ 1867 г.

---

[1]) Тогда какъ въ Канадѣ наибольшее число недоразумѣній и столкновеній возникало на почвѣ установленія преференц. тарифовъ (ср. Госуд. строй Канады, стр. 64 и сл.), въ Австраліи сіе случалось чаще всего касательно вопроса торгов. мореплаванія (ср. съ в. ц. ст. Общеимп. законодательство Великобританіи; также A. B. Keith, Merchant Shipping Legislation in the Colonies, Journal of the Society of Comp. Legislation, New Series, XX, april 1909).

III. Судебная власть федераціи, пока, какъ мы видѣли, осуществляется всего лишь двумя федер. судами, изъ коихъ одинъ является судомъ спеціальнымъ для извѣстной категоріи дѣлъ (рабоч. арбитража); такимъ образомъ для общей подсудности существуетъ собственно всего одинъ только верховный судъ (High Court [1]); въ очень многихъ дѣлахъ, въ качествѣ низшей инстанціи, выступаютъ суды отдѣльныхъ штатовъ, что значительно облегчаетъ работу верх. суда. Въ общемъ австралійцы довольны этой системой и пока не замѣчается сколько-нибудь энергичнаго движенія въ пользу установленія низшихъ федер. судовъ.

Одною изъ существеннѣйшихъ функцій федеральнаго суда является установленіе факта, вышли ли данные законод. органы за предѣлы ихъ компетенціи, другими словами, дѣйствуетъ ли для даннаго вопроса законъ федеральный или законъ штата, или можетъ ли данный законъ штата распространяться на такія-то области, или таковыя должны быть ареной дѣйствія одного лишь федер. законодательства [2]). Эту важную функцію федер. суда нельзя, впрочемъ, обосновать на какой-либо отдѣльной статьѣ конституціи; она вытекаетъ косвенно изъ обязанности фед. суда разбирать конфликты и столкновенія между законами федераціи и штатовъ; первымъ вопросомъ при этомъ представляется суду установленіе предѣловъ компетенціи органовъ федераціи и штатовъ; если же компетенціи обоихъ совпадаютъ, то вторая должна уступить первой. Но таковую функцію нельзя смѣшивать съ сѣв.-американскою суд. функціею толкованія конституціи и опредѣленія конституціонности всякаго закона. Таковая функція также имѣется у федер. суда [3]) и обосновывается на его обязанности разрѣшать столкновенія и конфликты федер. закона съ федер. конституціей [4]); правда, фед. судъ не можетъ возбудить вопросъ о кон-

---

[1]) Судъ, провѣряющій выборы въ парламентъ, Court of Disduted Returns является лишь отдѣленіемъ Верховнаго Суда (см. выше).

[2]) Австр. литература правильно считаетъ эту функцію общею и обязательно-существущею для всѣхъ федерацій и федеральныхъ судовъ; она essentiale федеральнаго строя вообще.

[3]) Она конструируется аналогично сѣв.-америк. праву (Supreme Court); относительно же принциповъ, согласно коимъ можетъ происходить толкованіе законовъ и конституціи, см. H. Moore, o. c., ch. IIprinciples of inter. pretation, p. 369—382.

[4]) Совершенно тождественная функція осуществляется верхними судами штатовъ по отношенію къ законамъ штатовъ.

ституціонности закона безъ разсмотрѣнія какого-нибудь судебнаго спора; послѣдній долженъ существовать, какъ бы незначительны ни были замѣшанные въ немъ интересы гражданъ, поднявшихъ данный споръ [1]). Близко къ этому стоитъ функція фед. суда, заключающаяся не столько въ опредѣленіи конституціонности даннаго закона, сколько просто въ его толкованіи [2]); при существованіи, напр., какихъ-нибудь сомнѣній, заинтересованныя стороны возбуждаютъ судебный споръ для выясненія тѣхъ или иныхъ подробностей толкованія даннаго закона [3]). Принимая во вниманіе, что въ послѣднемъ случаѣ, какъ и въ предыдущемъ (при опредѣленіи конституціонности закона) правительство можетъ быть заинтересовано, федер. судъ, какъ и тайный совѣтъ метрополіи всегда допускали участіе въ процессѣ представителя правительства, разъ послѣднее заявляло о томъ желаніе [4]). Съ другой стороны, однако, необходимо имѣть въ виду, что въ Австраліи фед. правительство не можетъ, какъ то имѣетъ мѣсто въ Канадѣ, просто проситъ судъ толковать данный законъ [5]); въ Канадѣ въ этой области возникла обширнѣйшая суд. практика какъ фед. суда, такъ и т. совѣта метрополіи; въ Австраліи же правительство, безъ наличія суд. спора, не можетъ обращаться въ судъ за толкованіемъ закона [6]).

Въ-четвертыхъ, фед. судъ простираетъ свой судебный контроль, какъ и въ Англіи, на всѣ акты администраціи; суды штатовъ однако не могутъ провѣрять акты федеральныхъ органовъ; дѣятельность послѣднихъ контроли-

---

[1]) Такъ возможны test cases, гдѣ стороны возбуждаютъ какое-нибудь незначительное судебное дѣло въ федер. судѣ лишь съ цѣлью получить принципіальное рѣшеніе по вопросу о конституціонности какого либо закона.

[2]) Такая функція признается и за англійскими судами; ср. авторитетное мнѣніе б. лорда Канцлера лорда Хальсбери; Powell v. Kempton Park Racecourse C°, 1899, A. C., 143.

[3]) Подобные суд. споры могутъ быть вполнѣ мирными (friendly suits); стороны не враждуютъ между собой, а прибѣгаютъ къ суду лишь съ цѣлью получить судебное толкованіе какого-нибудь закона.

[4]) Ср. съ многочисл. дѣлами: State Railway Servants Case, 1906, 4 C. L. R., 488; King v. Barger. 6 C. L. R., 41; Baxter v. Commissioner, Flint v. Webb, 1907, 4 C. L. R., 1087; Woodworkers Case, 1909, 8 C. L. R., 15 A. L. R.; Webb v. Outtrim, 1907, A. C., 81; послѣднее дѣло является примѣромъ допущенія т. совѣтомъ участія представителя федер. правительства.

[5]) Подобная канадской судебная функція существуетъ въ метрополіи; такъ, напр., Local Government act 1888 г. (ст. 29) допускаетъ такія, внѣ судебнаго спора возбужденныя толкованія закона судами.

[6]) Это такъ наз. advice on questions of political nature; ср. I. Quick and L. E.Groom, thejudicial Power of the Commonwealth (Melbourne 1904), p. 7.

руется однимъ фед. судомъ [1]); но таковой можетъ [2]) поручать осуществленіе своихъ контрольныхъ функцій судамъ штатовъ (см. выше; кромѣ mandamus, который непередаваемъ [3]). Особый законъ (Service and Execution of Process act, 1901) установилъ порядокъ исполненія суд. приговоровъ судовъ штатовъ и признанія ихъ федер. судомъ, равно и порядокъ оказанія судебной помощи судамъ штатовъ со стороны федер. суда.

Въ-пятыхъ, федер. суд. является апелляціонной инстанціей; это составляетъ, конечно, самое обширное поле его дѣятельности. Ст. 73 акта 1900 г. перечисляетъ слѣдующія инстанціи, изъ коихъ апелляція восходитъ къ фед. суду: 1. фед. судьи, разбирающіе дѣла въ первой инстанціи, 2. всякіе другіе фед. суды (таковыхъ въ настоящее время создано всего одинъ) [4]), 3. высшіе суды штатовъ (Supreme Courts) [5]), 4. всякій другой судъ штата, отъ коего можно было ко дню промульгаціи фед. конституціи апеллировать къ тайному совѣту метрополіи и 5.между-штатная комиссія, но лишь по вопросамъ права (questions of Law only) [6]). Статьи же 75 и 76 перечисляютъ тѣ случаи, когда фед. судъ рѣшаетъ дѣла въ качествѣ суда первой инстанціи; сюда включены: 1. дѣла, возникающія изъ международныхъ договоровъ [7]), 2. дѣла, касающіяся консуловъ и другихъ представителей иностр. державъ, 3. дѣла, въ коихъ федерація выступаетъ стороной [8]), 4. дѣла между отдѣльными штатами или гражданами разныхъ штатовъ или гражданами одного штата

---

1) Ср. W. H. Moore, o. c., ch. IV, p. 398—405.

2) Согласно закону judiciary act, 1903 г.

3) Законъ State Laws and Records Recognition act, 1901, устанавливаетъ формальные условія признанія дѣйствительными законовъ и админ. актовъ штатовъ.

4) На рѣшенія Court of Disputed Returns апелляціи не допускается.

5) Нѣкоторыя затрудненія возникли при этомъ изъ вопроса о составѣ этихъ судовъ штатовъ (можетъ ли считаться „Supreme Court Judgement" рѣшеніе одного судьи подобнаго суда); ср. Keith Legal Interpretation of the Constitution, of the Commonwealth, Journal of the Society of Compar. Legislation (New Series, № XXIV), mar h 1911.

6) Итакъ, фед. судъ, собственно говоря, выступаетъ либо въ качествѣ верховнаго федеральнаго суда, либо какъ апелляціонный судъ всей Австраліи. Австралійцы по этому поводу правильно сравниваютъ его въ первомъ случаѣ съ верх. судомъ сѣв.-америк. республики, а во второмъ—съ высшимъ федеральнымъ судомъ Канады. Ср. W. H. Moore, o. c., p.222 et seq.

7) Ср. W. H. Moore, o. c., p. 489 et seq.; также, W. H. Moore, Act of State in English Law, p. 84; его же статья въ Law Quarterly Review, vol. XXII, p. 14; Judiciary Act, 1903, s. 38.

8) Органы федераціи могутъ, кромѣ того, вчинять иски и въ судахъ штатовъ. Claims against the Government Act, 1902, и Judiciary Act, 1903.

и другимъ штатомъ [1]), 5. иски противъ должн. лицъ федераціи, 6. дѣла, въ коихъ приходится толковать фед. конституцію, 7.—или возникающія въ предѣлахъ дѣйствія фед. закона (arising under any laws made by Parliament), и 8. дѣла, касающіяся морской и адмиралтейской юрисдикціи. Кромѣ того, фед. парламентъ можетъ издавать законы, регулирующіе компетенцію фед. судовъ [2]), создавать новые фед. суды и передавать фед. юрисдикцію вѣдѣнію судовъ штатовъ (ст. 77) [3]).

Такова довольно обширная компетенція фед. суда, впрочемъ, мало отличающаяся принципіально отъ компетенціи верховнаго суда сѣв.-американской республики, Есть, однако, одинъ вопросъ, который составляетъ кардинальный признакъ отличія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, является вторымъ, хотя и гораздо болѣе слабымъ соединительнымъ звеномъ между колоніей и метрополіей. Мы имѣемъ въ виду:

Апелляцію къ тайному совѣту короля въ Лондонѣ. Ст. 74, съ которой мы теперь будемъ имѣть дѣло, была именно та, на коей почти не оборвалось все дѣло австралійскихъ федералистовъ; не уступи они въ послѣднюю минуту требованіямъ Чемберлена, не было бы, можетъ быть, и теперь еще австр. федераціи [4]). Вопросъ объ апелляціи къ метрополіи давно уже составляетъ предметъ недовольства колоній; не разъ протестовали онѣ противъ существующаго порядка, прося о его отмѣнѣ [5]); въ этихъ протестахъ и конфликтахъ австралійскія колоніи не разъ выступали на первомъ планѣ [6]); для нихъ апелляція къ т. совѣту была всегда особенно обременительной и дорогой въ виду того огромнаго разстоянія, которое отдѣляло ихъ отъ Лондона; разрѣшеніе дѣла иногда затяги-

---

[1]) Подробнѣе см. H. Moore, o. c., p. 492 et seq. Тамъ же можно найти суд. практику и сравненіе съ правомъ сѣв.-амер. соед. штатовъ и ихъ спеціальной литературой.

[2]) Апелляц. юрисдикція федер. суда однако не можетъ быть расширена; ср. Hannah v. Dalgarno, 1 C. L. R., p. 10 (per Griflith C. J.). Также, Judiciary Act, 1903, s. 35.

[3]) Ср. A. B. Keith, Judicial Appeals in the Commonwealth, Journal of the Society for Comparative L-gislatin, april 1909 (new Series, № XX).

[4]) Подробнѣе см. A. k. Butterworth, Australian Federation and the Privy Council; London 1900.

[5]) См. мою брош. Гос. строй Канады, стр. 39 и слѣд.

[6]) Напр., въ семидесятыхъ годахъ; ср. также Todd, Parl. Government in Brit. Col., 2 ed., p. 306 et seq.

валось на цѣлые года и стоило очень большихъ денегъ [1]), уже не говоря о томъ нравственномъ принципѣ, подчинявшемъ австр. суды контролю т. совѣта, который этимъ подрывалъ ихъ авторитетъ и самостоятельность.

И дѣйствительно. Т. совѣтъ или, вѣрнѣе, „судебный Комитетъ" (Judicial Committee), учрежденный въ 1833 г. [2]) не въ состояніи болѣе удовлетворять современныхъ автономныхъ колоній [3]). Составъ комитета нынѣ [4]) опредѣляется слѣдующимъ образомъ: ex officio: предсѣдатель т. совѣта, лордъ канцлеръ, лордъ держатель Большой Печати, лордъ верховный Судья, предсѣдатель судовъ Exchequer, и Common Pleas, Master of the Rolls, архіепископъ Кентерберрійскій [5]), судья адмиралтейства, предсѣдатель суда in Bankrupcy, 4 апелляціонныхъ лорда и всѣ члены т. совѣта, занимавшіе прежде судебныя должности; къ нимъ присоединяются два индійскихъ судьи и не болѣе пяти судей отъ автон. колоній; на практикѣ почти всѣ дѣла разрѣшаются лордомъ канцлеромъ, апелляціонными лордами и колон. судьями [6]). Рядомъ и съ параллельной юрисдикціей стоитъ палата лордовъ, засѣдающая въ качествѣ суда; по теоріи всякій членъ палаты лордовъ имѣетъ право входить въ составъ этого суда, но на практикѣ дѣла разрѣшаются палатой въ составѣ лишь лорда канцлера, апелляціонныхъ лордовъ и лордовъ, занимавшихъ прежде суд. должности [7]); quorum палаты лордовъ—3 члена, но она засѣдаетъ почти всегда въ составѣ 4 судей. Хотя юрисдикція этихъ двухъ судовъ взаимно покрываетъ другъ друга, на практикѣ можно провести границу такимъ образомъ, что палата вѣдаетъ преимущественно англійскія дѣла, комитетъ же—дѣла колоніальныя.

---

[1]) Подробнѣе см. Butterworth, o. c., p. 31; авторъ, ссылаясь на прежнюю практику австр. судовъ, старается опровергнуть жалобы австралійцевъ на волокиту и дороговизну апелляцій къ т. совѣту.

[2]) 3 and 4 Will. IV, c. 41, Act for the better Administration of Justice in H. M. S Privy Council.

[3]) Подробнѣе объ исторіи Т. совѣта см. труды Лоуелля, Дайси, Хатчека и др.; также введеніе у J. J. Beauchamp., The Jurisprudence of the Privy Council, Montreal 1891 г.

[4]) 34—35 Vict., c. 91 Judicial Committee Act, 1871.

[5]) По закону 3—4 Vict., c. 86 архіепископы и епископы - члены т. совѣта засѣдаютъ лишь при рѣшеніи экклезіастическихъ дѣлъ.

[6]) Ср. съ позднѣйшими законами: Supreme Cour of Judicature Act, 1873 и Appellate Jurisdiction Act, 1876; 36—37 Vict., c. 66, 39—40 Vict., c. 59, 50—51 Vict., c. 70 (1887) и 58—59 Vict., c. 44 (1895).

[7]) Въ настоящее время такихъ лордовъ, принимающихъ участіе въ судебныхъ засѣданіяхъ палаты, всего одинъ или два.

Изъ послѣдняго обстоятельства вытекаетъ одно весьма важное слѣдствіе: комитету приходится имѣть дѣло не только съ англійскимъ правомъ, но и съ правомъ французскимъ, романо-голландскимъ, мусульманскимъ, индійскимъ и т. д. и т. д. Членамъ комитета приходится, слѣдовательно, примѣнять юридич. принципы самаго разнообразнаго характера, а поле ихъ юридич. познаній должно быть чрезвычайно обширно. На это именно обстоятельство колоніи и указываютъ, жалуясь, что суд. комитетъ не справляется со своей задачей и силой необходимости не можетъ объять всего разнообразія колоніальнаго права; при этомъ не происходитъ не только объединенія Великобританскаго права [1]), но и принципіальной разработки права отдѣльныхъ колоній, разъ въ составъ комитета случайно не включается спеціалиста по праву такой-то колоніи [2]). Правительство, правда, старается пополнять комитетъ возможно разносторонне, но все же это дѣло случая.

Имѣя въ виду всѣ эти обстоятельства и желая утвердить за австр. судами абсолютную самостоятельность, австралійцы, при выработкѣ федеральной конституціи рѣшили настаивать на полной отмѣнѣ института апелляціи къ т. совѣту метрополіи. Такое рѣшеніе было принято на конференціи въ Аделаидѣ [3]) и соотвѣтственно въ проектѣ конституціи была вовсе исключена апелляція къ т. совѣту [4]) (проектъ стр. 74); идеаломъ австралійцевъ являлось учрежденіе Верховнаго суда для всей Австраліи, на рѣшеніе коего нельзя было бы болѣе апеллировать. Но мысль эта встрѣтила весьма упорное сопротивленіе со стороны имперіалистическаго правительства метрополіи, въ которомъ Чемберленъ игралъ тогда первую скрипку. Англичане указывали австралійцамъ на невозможность поднимать этотъ вопросъ именно въ данную минуту, когда метрополія серьезно взялась за реформу положенія суд.

---

[1]) На этотъ недостатокъ объединенія Великобр. права указываетъ, напр., H. Speyer, La Constitution juridique de l'Empire Colonial Britannique, Paris 1906 г.

[2]) Такъ, на колон. конференціи 1911 г. ст.-секретарь Хальденъ указывалъ на тѣ затрудненія, которыя возникли въ комитетѣ при разборѣ одного дѣла, вслѣдствіе незнакомства членовъ суда съ правомъ Maori Н. Зеландіи. См. Proceedings, Cp. 5741, p. 48.

[3]) Adel. Sess., Debates, p. 968 et seq., 1202 et seq.

[4]) Ср. с. Paliam. Papers и Extracts, may 1900 г., въ которыхъ изложена критика проекта конституціи юристами метрополіи.

комитета, который предполагалось слить съ судомъ палаты лордовъ въ одинъ верховный судъ для всей имперіи [1]); кромѣ того, указывалось на ту пользу (?), которую т. совѣтъ принесъ въ дѣлѣ разработки колон. права, въ частности же права канадскаго [2]); при этомъ, конечно, не обошлось и безъ упоминанія о „единствѣ“ имперіи, для сохраненія коего дѣятельность т. совѣта будто бы являлась выдающимся факторомъ; этотъ послѣдній сентиментальный аргументъ врядъ ли можетъ быть въ наши дни серьезно обоснованъ. Мало убѣдительнымъ для австралійцевъ былъ и другой доводъ метрополіи, выставлявшій суд. комитетъ въ качествѣ „болѣе безпристрастнаго, безпартійнаго и авторитетнаго“ суда, чѣмъ любой судъ колоніальный; они же считали, что высшій австр. судъ, обладая тѣми же качествами безпартійности и авторитетности, будетъ судомъ и болѣе освѣдомленнымъ въ деталяхъ мѣстнаго австралійскаго права [3]).

Сопротивленіе Чемберлена, какъ мы знаемъ, было столь упорно, что сломило австралійцевъ, главнымъ образомъ, угрозой паденія всего дѣла федералистовъ. Скрѣпя сердце, они должны были согласиться на сохраненіе принципа апелляціи къ метрополіи. Споръ 1900 года имѣетъ для историка одну выгодную сторону: онъ блестяще и подробно выяснилъ обѣ противоположныя точки зрѣнія, англійскую и колоніальную, а съ тѣмъ вмѣстѣ, подчеркнулъ тѣ недостатки, которые отличаютъ современный т. совѣтъ метрополіи; вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отмѣ-

---

[1]) Изъ этихъ плановъ, впрочемъ, ровно ничего не вышло и по 1911 г. никакой реформы проведено не было; только со времени имперской конференціи (1911) взялось правительство вновь за реформу Суд. Комитета.

[2]) Именно это и отрицается авст. колоніями.

[3]) Butterworth, o. c., p. 25 et seq. и Todd (Parl. Governmnient the British Colonies, 2 ed., p. 307 et seq) резюмируютъ слѣд. образомъ аргументы за сохраненіе юрисдикціи суд. комитета: 1 звено, соединяющее колоніи съ метрополіей, 2. единство права и суд. практики имперіи, 3. авторитетъ суд. комитета и прекрасныя юридич. познанія его членовъ, 4. отсутствіе мѣстныхъ связей и партійности, (свобода отъдавленія общественнаго мнѣнія, 5. безпристрастный надзоръ надъ мѣстными судами. Ср. H. G. Parsons, The New Australian Commonwealth and the Privy Council, Blackwoods Magazine, november 1899. Аргументы 3—5 имѣютъ, конечно, второстепенное, а не принципіальное значеніе; второй не оправдывается дѣйствительной практикой Комитета, первый же потерялъ свое прежнее значеніе и замѣняется вполнѣ успѣшно другими факторами единенія имперіи. Сюда-же слѣдуетъ прибавить, выставляемый нѣкоторыми Канадскими юристами, довольно слабый аргументъ, будто-бы колоніальные суды всегда будутъ осторожнѣе въ своихъ рѣшеніяхъ, когда надъ ними стоитъ апеляція къ т. совѣту.

тить, что, настаивая на ненужности и даже вредѣ апелляціи къ метрополіи, австралійцы все время утверждали и подчеркивали, что никоимъ образомъ не хотятъ отдѣляться отъ Англіи или нарушать единства имперіи; въ представленныхъ ими С.-Джемскому правительству возраженіяхъ можно найти не одно свидѣтельство искренней лойяльности [1]); другими словами, они подчеркивали ту мысль, оправдавшуюся въ наши дни, что единство имперіи можетъ существовать, а связь метрополіи съ колоніями даже укрѣпляться, помимо и безъ помощи института апелляціи къ т. совѣту [2]).

Ст. 74 ограничила право гражданъ апеллировать отъ федер. суда къ коронѣ (as of right),[3]) но сохранила (по настоянію Чемберлена) право милости (as of grace) — апелляцію съ разрѣшенія короны (черезъ посредство суд. комитета т. совѣта); юридич. конструкція института апелляціи отъ австр. суда сводится, слѣдовательно, къ отрицанію древняго англійскаго права всякаго подданнаго короля просить у него судебнаго пересмотра его дѣла,[4]) но въ мѣстѣ съ тѣмъ и къ утвержденію прежней прерогативы короны даровать такой пересмотръ (a prerogative right). Кромѣ того, та же статья запрещаетъ апелляцію по вопросамъ, касающимся компетенціи органовъ федераціи и штатовъ, ея разграниченія inter se,[5]) за исключеніемъ случаевъ, когда федер. судъ самъ за-

---

[1]) Ср. напр., Quick and Garran, Annotatel Constitution, p. 228 et seq.

[2]) Замѣтимъ, что при разсмотрѣніи въ Вестминстерскомъ парламентѣ билля 1900 г. либеральная оппозиція была на сторонѣ австралійцевъ и лидеръ ея, Кампбелль-Баннерманъ, выразилъ сожалѣніе, что правительство не нашло возможности принять проектъ конституціи въ цѣлости. Ср. также рѣчи: Haldane, Sir Ch. Dilke, Gibbs и др. Засѣданіе, 14—21 мая 1900. Изданіе Wyman and Sons (Commonwlelth of Australia Constitution Bill, 1900), также Hans vol. 83.

[3]) Суб. пуб. право гражданъ ограничивается еще и тѣмъ, что фед. парламентъ можетъ издавать законы, устанавливающіе границы возможной апелляціи къ коронѣ; ст. 74 (см. выше). Эта статья является всего лишь третьимъ примѣромъ подобнаго ограниченія; первымъ былъ запретъ апелляцій по уголовнымъ дѣламъ изъ канадскихъ судовъ (см. мою брош. Гос. строй Канады, стр. 42), вторымъ—запретъ аппеляцій по дѣламъ парламент. выборовъ, согласно принципу, принятому какъ канадскимъ фед. судомъ, такъ и судомъ австр. федераціи (см. Keith, Responsible government in the Dominions, p. 268); дѣла по жалобамъ касательно парлам. выборовъ рѣшаются фед. судомъ окончательно.

[4]) Ср. Гос. строй Канады, стр. 42. Врядъ ли можно утверждать по отношенію къ Австраліи, что тамъ еще существуетъ подобное суб. пуб. право гражданъ аппелировать къ коронѣ. Ср. рѣчь Symon, Conv. Deb., Melb., p. 2295 et seq.

[5]) Здѣсь подразумѣваются, стало быть, нормы какъ федеральной конституціи, такъ и конституціи отдѣльныхъ штатовъ.

свидѣтельствуетъ, что данный вопросъ долженъ быть разрѣшенъ „королемъ въ совѣтѣ;“ другими словами, фед. судъ опредѣляетъ, когда, по исключительности дѣла, возможно допустить аппеляцію къ коронѣ [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя забывать, что, несмотря на кажущуюся безграничность указанной прерогативы короны, практика суд. комитета установила для нея вполнѣ точныя и опредѣленныя границы [2]). Съ другой же стороны, статья 74 оставила въ прежнемъ видѣ апелляцію отъ высшихъ судовъ штатовъ къ т. совѣту [3]); благодаря этому получилось два невыгодныхъ послѣдствія; во первыхъ, можетъ быть обойдено вышеуказанное ограниченіе апелляціи (съ разрѣшенія фед. суда) вчиненіемъ дѣла не въ фед. судѣ, а въ высшемъ судѣ штата; а во вторыхъ, отъ высшихъ судовъ штатовъ (Supreme Courts) получилась двойная и параллельная аппеляція: либо прямо къ т. совѣту, либо къ фед. суду; по правильному замѣчанію австралійцевъ [4]), вытекающія отсюда вредныя недоразумѣнія могутъ быть устранены однимъ лишь путемъ—практикой самого суд. комитета [5]).

Весьма спорнымъ остается вопросъ разрѣшенія возможныхъ конфликтовъ рѣшеній суд. комитета и фед. суда; подобные случаи уже встрѣчались [6]); каждый изъ

---

[1]) О порядкѣ внесенія въ т. совѣтъ аппел. жалобъ и судопроизводствѣ суд. комитета см. подробнѣе напр. J. J. Beauchamp, Introduction; Tarring, Chapters on the Law relating to colonies, p. 197 et seq. и др.

[2]) Хотя бы, напр., по уголовнымъ дѣламъ. Ср. A. B. Keith, Responsible government in the Dominions, p. 263 et seq. Wheeler Confed. Law, p. 440—482; Wheeler, Privy Council Law, part II; Tarring, o. c., p. 190 et. seq.; Beauchamp, o. c., Комментаріи подъ словомъ appeal; A. B. Keith, Judicial appeals in the commonwealth, Journal of the Society of Comparative Legislation april 1909.

[3]) Интересно отмѣтить, что за сохраненіе этого вида апелляціи высказались высшіе судьи (chief—justices) высшихъ судовъ штатовъ. См. также Keith, Legal Interpretation of the constitution of the commonwealth, Journal of Compar. Legislation (new series, № XXIV), march 1911.

[4]) См., напр., quick and Garran, o. c., p. 754—755. Также рѣчь Sir R. Stout, Parl. Papers, Cd. 3524, p. 195; A. R. Butterworth, Australian Federation and the Privy Council, London 1900.

[5]) Нѣкоторое начало этому уже положено въ опредѣленіяхъ т. совѣта касательно допустимости аппеляціи и примѣненія имъ къ Австраліи принциповъ, уже установленныхъ для апелляцій, восходившихъ на его разсмотрѣніе изъ Канады; ср. Webb v. Outtrim, 1907, A. C. 81; Daily Telegraph Newspaper C-o v. Mc. Laughlin, 1904, A. C. 776; Prince v. Gagnon, 8 A. C., 103; Victorian Railway Commissioners v. Brown, 1906, A. C. 381. Ср. Tarring, o. c., p. 194.

[6]) Ср. H. Moore, o. c., p. 232—242. Также Keith, o. c., Journal of the society of Compor. Legislation, april 1909, p. 274 et seq. Законъ 1907 г. (№ 8, 1907) имѣетъ цѣлью исправить нѣкоторые недостатки въ этомъ отношеніи закона 1903 г. (judiciary act).

этихъ судовъ, толкуя по своему конституцію 1900 г. и притомъ различно, утверждалъ различные принципы; австралійцы указываютъ на эти примѣры въ подтвержденіе ихъ взгляда на вредъ существованія апелляціи къ метрополіи[1]).

Таково положеніе института апелляцій изъ Австраліи къ метрополіи. Съ одной стороны, нельзя не признать, что австралійцамъ, благодаря ихъ настойчивости, удалось достигнуть значительно большихъ уступокъ отъ С.-Джемскаго правительства, съ другой же,—слѣдуетъ отмѣтить общую неудовлетворенность современнымъ положеніемъ, занимаемымъ даннымъ институтомъ; недовольны имъ, какъ колонисты, такъ и сами представители метрополіи, засвидѣтельствовавшіе еще недавно [2]) во всеуслышаніе тѣ недостатки дѣятельности суд. комитета, на кои давно уже указываютъ юристы автономныхъ колоній. Хотя институтъ этотъ все еще является нѣкоторымъ ебиняющимъ имперію звеномъ, легко можно замѣтить въ наши дни, что онъ теряетъ свое прежнее практическое значеніе; роль его сыграна и постепенно, но неудержимо отходитъ въ прошлое. Великобританскую имперію единяютъ теперь иные факторы.

4.

Заключеніе.

Подведемъ теперь итоги сказанному.

Австралійская конституція, хотя и много заимствовала изъ сѣв.-американскаго госуд. права, тѣмъ не менѣе ясно отличается отъ конституцій какъ Соед. Штатовъ, такъ и канадской [3]). Отъ первой ее отличаютъ: во 1-хъ, большая централизація; штатамъ оставлена

---

[1]) Общая англ. суд. практика разсматриваетъ австралійскіе и вообще колоніальные суд. приговоры наравнѣ съ приговорами иностр. судовъ и придаетъ имъ равную силу. Ср. Tarring, o. c., p. 174 et seq.

[2]) Ср. съ заявленіями представителей метрополіи на имперской конференціи, 1911 года и со внесеннымъ ими въ Вестмистерскій парламентъ лѣтомъ того же года проектомъ реформы суд. комитета; см. мою статью колоніальныя конференціи, Юридич. записки, издав. Демид. юрид. лицеемъ, вып. IV (X) 1911 г., стр. 656 и слѣд.

[3]) Ср., напр., J. Bryce, The Aust alian Commonwealth, Studies in History and jurisprudence, vol. I (Oxford, 1901), p. 527 et seq.

меньшая область дѣятельности, федер. парламентъ можетъ законодательствовать для штата по его просьбѣ, что не мыслимо въ Америк. штатахъ; во 2-хъ, организація суд. власти федераціи, хотя очень не полная, все же развивается въ центростремительномъ направленіи, такъ какъ фед. судъ является верхней инстанціей надъ судами штатовъ, чего, конечно, нельзя сказать про верховный американскій судъ; въ 3-хъ, австр. конституція не знаетъ отвлеченныхъ декларацій, въ родѣ биллей о правахъ; къ концу XIX ст. уже ясно стало, что гражданскія права охраняются не подобными декларацiями, а иными институтами; въ 4-хъ, въ противоположность конституціи Соед. Штатовъ, акт. 1900 г. устанавливаетъ прочную связь между властью законодательной и исполнительной, санкціонировавъ систему парламентаризма; въ 5-хъ, гораздо большими достоинствами отличается способъ избранія австр. федер. сенаторовъ; въ 6-хъ, облегченъ порядокъ пересмотра и измѣненія фед. конституціи; и въ 7-хъ, главную отличительную черту составляетъ, конечно, сохраненная связь съ метрополіей.

Съ другой стороны, канадской отъ конституціи австралійская отличается еще въ большей мѣрѣ; такъ, во 1-хъ, за штатами сохранена куда большая самостоятельность, чѣмъ за кан. провинціями; во 2-хъ, сохранены прямыя сношенія штатовъ съ метрополіей; [1]) въ 3-хъ, большею независимостью отличаются и губернаторы штатовъ; въ 4-хъ, гораздо лучше составленъ федер. сенатъ, имѣющій вслѣдствіе этого большее политическое значеніе и болѣе прочный авторитетъ, чѣмъ назначаемый правительствомъ канадскій сенатъ; и въ 5-хъ, актъ 1900 г. предусматриваетъ опредѣленный и удовлетворительный порядокъ пересмотра и измѣненія конституціи, чего актъ 1867 г. вовсе не дѣлаетъ.

Съ точки зрѣнія технической, австр. конституція отличается несравненно большими достоинствами, чѣмъ обѣ американскія конституціи, на коихъ уже опредѣленно сказывается тяжесть руки хроноса; во многомъ онѣ устарѣли, тогда какъ австр. актъ вполнѣ современенъ, удовлетворяя строгимъ требованіямъ демократизма

---

[1]) Въ Канадѣ провинціи не имѣютъ прямыхъ сношеній съ метрополіей, а лишь съ ген.-губернаторомъ.

нашего вѣка; принципъ федерализма модернизированъ и реформированъ, даже въ сравненіи со Швейцарской конституціей; отцы акта 1900 г. считались съ требованіями эпохи, упоммянувъ даже метеорологію (см. ст. 51), не говоря уже о телефонахъ, телеграфахъ и проч. Просматривая австр. госуд. право, читатель найдетъ и женское равноправіе и всеобщее избират. право, и болѣе обширное поле дѣятельности государственныхъ властей вообще; соціальное и рабочее законодательство, напр., за десять лѣтъ существованія федераціи могуче развернулось. [1]) Политика австр. федераціи дала міру первый примѣръ рабочей партіи у власти и рабочаго премьеръ-министра во главѣ рабочаго же кабинета министровъ.

Въ указанномъ способѣ заимствованій и приспособленій институтовъ сѣв.-американскаго права какъ къ мѣстнымъ условіямъ, такъ и къ требованіямъ времени, мы видимъ главнѣйшую и безсмертную заслугу отцовъ австр. фед. конституціи 1900 г.

Но намъ приходится сугубо подчеркнуть болѣе близко насъ касающійся вопросъ, тотъ способъ, которымъ австралійцы сумѣли обезпечить себѣ государственную автономію, сохранить прочную связь съ Англіей и имперіей. Мы уже отмѣтили выше, что таковая задача нѣсколько облегчалась имъ тѣмъ, что дорога уже была проторена Канадой, что многое въ этомъ отношеніи уже было завоевано колоніями вообще. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не упомянуть, что австр. конституція рождалась мирно, не только безъ сопротивленія извнѣ, но съ прямымъ содѣйствіемъ метрополіи; это отличаетъ ея историческое происхожденіе какъ отъ открыто революціонной борьбы Соед. Штатовъ, такъ и отъ скрыто-упорной борьбы Канады; благодаря этому, конституція 1900 г. носитъ одинъ прекрасный отпечатокъ—полнаго довѣрія законодателя къ народу и откровеннаго покровительства принципу самоуправленія во всѣхъ возможныхъ видахъ и формахъ; этимъ такъ и дышитъ инструментъ 1900 г.; конституція создана для народа и народу самому въ полной мѣрѣ предоставлено распоряжаться своимъ го-

---

[1]) Ср. съ достигнутыми въ этой области результатами: Amer. Polit. Sc. Review, Aug. (№ 3) 1911; такъ же H. G. Turner, First Decade of Austr. Commonwealth; W. P. Reeves, State Experiments in Australia and New Zealand.

сударственнымъ устройствомъ, измѣняя конституцію и приспособляя ее къ новымъ требованіямъ жизни.

Опытъ XIX вѣка не прошелъ даромъ для англійскихъ государственныхъ дѣятелей; то, что въ исторіи развитія канадской конституціи лишь нащупывалось и достигалось окольными и безсознательными путями, было закрѣплено для Австраліи въ ясныхъ и недвусмысленныхъ текстахъ конституціи 1900 г. Такой результатъ составляетъ одно изъ главныхъ различій между актами 1867 (канадскимъ) и 1900 (австралійскимъ). Какъ же конструируется современная „имперская“ связь автономныхъ колоній съ метрополіей и государственность австралійской федераціи?

Названную связь мы видимъ въ одномъ основномъ институтѣ и трехъ, имѣющихъ второстепенное, какъ бы добавочное значеніе; первый заключается въ порядкѣ санкціи австр. законовъ или, вѣрнѣе, въ резервацiи и veto метрополіи, которые мы считаемъ въ наше время самымъ существеннымъ и живучимъ элементомъ единенія имперіи; имъ именно защищаются интересы метрополіи и защищаются, надо признать, вполнѣ удовлетворительно. Добавочными институтами являются: а) порученія правительства метрополіи (чрезвычайно рѣдкія) генералъ-губернатору защиты какого-либо особаго интереса метрополіи (напр., посредствомъ спеціальной инструкціи), когда выдвигается ярче обыкновеннаго представительство ген.-губернаторомъ метрополіи; нельзя при этомъ забывать, что современныя инструкціи не могутъ выходить за рамки австр. конституціи; б) тѣ остатки „общеимперскаго“ законодательства, которые еще существуютъ въ наши дни; мы указывали выше, что исключеніями еще дѣйствуютъ въ Австраліи нѣкоторые имперскіе акты (напр., въ вопросѣ торговаго мореплаванія), хотя австр. власти старательно ихъ уничтожаютъ и обходятъ; и, наконецъ, в) апелляція къ тайному совѣту метрополіи. Во всѣхъ трехъ случаяхъ очень нетрудно замѣтить, что функціи, еще сохраняющіяся въ компетенціи органовъ метрополіи, находятся на пути вымиранія и что весьма недалекъ тотъ день, когда онѣ и вовсе исчезнутъ изъ австралійскаго государственнаго права; но и этого мало; онѣ не только вымираютъ сами собой, но аннулируются сознательною политикою австра-

лійцевъ, считающихъ, что онѣ стоятъ въ принципіальномъ противорѣчіи съ существующимъ государственнымъ строемъ Австраліи и современнымъ австралійскимъ правосознаніемъ. Ко всему этому можно прибавить, что и практическое ихъ значеніе минимально и что метрополія сама перестаетъ прибѣгать къ нимъ, убѣдясь, что каждый разъ, когда она ими пользовалась возникали конфликты, разрѣшавшіеся не въ пользу Англіи; понемногу колоніальная политика метрополіи перестала смотрѣть на эти функціи какъ на элементъ государственнаго единенія имперіи. Само собою понятно, что и наука права не можетъ болѣе принимать ихъ въ расчетъ при оцѣнкѣ государственности Австраліи; къ тому же слѣдуетъ замѣтить, что два послѣдніе изъ указанныхъ признаковъ, „общеимперское законодательство“ и апелляція къ тайному совѣту, являются институтами, знакомыми многимъ другимъ федераціямъ, составныя части коихъ наука уже давно согласилась признавать государственными единицами; инструкціи же ген.-губернатора, поставленныя въ рамки австралійской конституціи, не могутъ сами по себѣ взятыя, противорѣчить государственности Австраліи.

Для опредѣленія какъ имперской связи, такъ и государственности Австраліи остается, стало быть, лишь одинъ институтъ резерваціи и veto австр. федер. законовъ. Въ немъ именно мы и усматриваемъ современную дѣйствительную связь автономныхъ колоній съ метрополіей; это положеніе не отрицается даже самыми энергичными противниками государственности Австраліи [1]). Но является ли это положеніе достаточнымъ для отрицанія государственности австр. федераціи? Такова теоретическая проблема современнаго Великобританскаго государственнаго права.

Рядомъ съ ней стоитъ и проблема политическая, стремящаяся разрѣшить смежный вопросъ, достаточна ли подобная связь, прочна ли она или же требуетъ новой конституціи, пересмотра, подкрѣпленія или даже реформированія? Уніонисты и консерваторы метрополіи отвѣчаютъ на этотъ послѣдній вопросъ отрицательно; по

---

[1]) Напр. J. Hatschek, Staats—und. Verwaltungsrecht von Australienu. Neu—Seeland (Bibliotek des Oeff. Rechts, Scholz—Storck, Bd. 19); Къ этому же повидимому склонялся и къ концу жизни Еллинекъ; изъ англичанъ можно назвать представителя старой школы Дайси.

ихъ мнѣнію, связь эта недостаточна и настоятельно требуетъ себѣ реорганизаціи въ предотвращеніе распаденія имперіи; ихъ идеалъ въ этой области сводится къ созданію новыхъ органовъ, „общеимперскихъ", стоящихъ надъ современными органами отдѣльныхъ частей имперіи, изъ каковой организаціи впослѣдствіи выросло бы новое государство — единая Великобританская имперія [1]).

Полную противоположность этой идеологіи составляетъ правовоззрѣніе колонистовъ, австралійцевъ и канадцевъ; порядкомъ резерваціи и veto законовъ они вполнѣ довольны, но сознательно и послѣдовательно стремятся окончательно уничтожить вышеназванные остатки прежней власти метрополіи; дѣятельность ихъ въ данномъ случаѣ очень успѣшна; возможныя же столкновенія интересовъ колоній и метрополіи и объединеніе политики отдѣльныхъ частей имперіи, по ихъ мнѣнію, можетъ въ совершенно достаточной мѣрѣ обезпечиваться колоніальными или „имперскими" конференціями и параллельнымъ законодательствомъ; второе будетъ какъ бы запечатлѣвать тѣ принципы политики, которые будутъ устанавливаться первыми, генеральные же агенты колоній въ метрополіи и генералъ-губернаторы въ колоніяхъ будутъ являться вспомогательными органами для укрѣпленія какъ общей политики, такъ и общей связи между отдѣльными частями имперіи.

Посрединѣ между этими двумя крайними лагерями стоятъ либералы и радикалы метрополіи. Повидимому они склонны вообще принимать программу колонистовъ, такъ какъ однимъ изъ основныхъ пунктовъ ихъ собственной программы является безусловное признаніе автономіи колоній и стало-быть предоставленіе послѣднимъ полной свободы дѣйствій [2]); но съ другой стороны, они

---

[1]) Подробнѣе см. мои статьи: Колоніальныя Конференціи (Юридич. Записки, издав. Демид. Юрид. Лицеемъ, вып. IV (X) 1911 г.) и „Общеимперское законодательство Великобританіи", Право 1912 г., № 5 и 6.

[2]) Слѣдствіемъ этого, напр., была политика Асквита, развернувшаяся на имперской конференціи 1911 г.; колоніи впервые были допущеныя въ arcana Imperii, международную политику метрополіи; метрополія обѣщала имъ впредь даже активное участіе въ политикѣ по ихъ касающимся вопросамъ, а кромѣ того, въ нѣкоторыхъ существенныхъ вопросахъ, (напр. подданства и натурализаціи она признала и подчеркнула полную самостоятельность колон. законодательства. Ср. мою статью „Колон. Конференціи".

не прочь отмѣчать и подчеркивать временный переходный характеръ современнаго положенія вещей; старые институты, вродѣ апелляціи къ тайному совѣту или инструированія ген.-губернатора и законодательства посредствомъ „имперскихъ“ актовъ, отживаютъ свой вѣкъ, новые, напр. колон. конференціи, колон. агенты и др., только еще зарождаются и оформляются; исторія колон. конференцій въ частности свидѣтельствуетъ о какомъ-то исканіи новыхъ „имперскихъ“ формъ [1]); въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; но сомнѣнія не можетъ быть и въ томъ, что будущее единеніе не будетъ построено на принципахъ единаго государства, о чемъ мечтаютъ уніонисты и консерваторы, а скорѣе на обновленныхъ принципахъ широкаго федерализма. Какую окончательную форму примутъ эти исканія въ области имперской организаціи пока еще сказать трудно. Одно, однако, уже совершенно ясно: прежняя единая имперія - государство исчезла, такъ какъ и Канада и Австралія выросли сами въ государства. Таковъ результатъ исторіи Великобританіи послѣднихъ десятилѣтій, съ которымъ наукѣ государственнаго права приходится сугубо считаться.

Итакъ, юридическую связь современной Великобританской имперіи мы видимъ лишь въ конструкціи понятія „*Великобританской Короны*“, являющейся сложнымъ комплексомъ; само собою понятно, что связь эта не въ состояніи создать единаго государства; какъ Канада такъ и Австралія выросли въ несуверенныя государства. Связь же ихъ съ метрополіей поддерживается нынѣ, а въ будущемъ, думается, будетъ только крѣпнуть, благодаря не столько правовымъ институтамъ, сколько факторами экономическими, соціальными и политическими, на почвѣ коихъ въ будущемъ могутъ вырости и новыя юридическія, въ частности государственно-правовыя понятія.

Бар. С. А. Корфъ.

---

[1]) Таковы, напр., проекты англ. правительства реформы судебнаго комитета, колон. министерства, учрежденія имперскаго совѣта (advisory council), апелляціоннаго имперскаго суда, комитета обороны и т. д.

Судебная провѣрка конституціонности закона.

Въ настоящее время въ большей части цивилизованныхъ государствъ можно различать двѣ категоріи законовъ: законы обыкновенные и законы конституціонные.

Изданіе послѣднихъ, ихъ пересмотръ и отмѣна возможны не иначе, какъ съ соблюденіемъ особыхъ условій и формъ; спеціально опредѣленныхъ, по большей части, въ самихъ же конституціонныхъ законахъ.

Обыкновенные законы не могутъ такимъ образомъ ни измѣнять, ни отмѣнять конституціонныхъ. Обратное явленіе встрѣчается въ нѣкоторыхъ странахъ, гдѣ основныя правила политической организаціи носятъ названіе „конституціонныхъ" независимо отъ формы ихъ изданія. Въ этихъ странахъ невозможно провести формальное различіе между конституціонными и обыкновенными законами: это—государства съ „гибкими" конституціями.

Государства же, въ которыхъ существуетъ различіе двухъ категорій законовъ, обладаютъ конституціями „неподвижными" или „неподатливыми". Только въ этомъ послѣднемъ случаѣ можетъ встрѣтиться неконституціонность закона stricto sensu,—такъ какъ въ странахъ гибкихъ конституцій неизбѣжно господство правила: lex posterior derogat priori.

Обыкновенный законъ можетъ быть неконституціоннымъ по формѣ, если порядокъ его изданія не соотвѣтствуетъ установленному конституціей. Это—неконституціонность внѣшняя.

Передъ нами будетъ неконституціонность внутренняя, если содержаніе обыкновеннаго закона противорѣчитъ конституціоннымъ нормамъ.

Возьмемъ два примѣра: французскій законъ 22 февраля 1908 г. (о дополнительныхъ кредитахъ) не былъ вотированъ сенатомъ и являлся, очевидно, неконститу-

ціоннымъ, такъ какъ согласно конституціи законодательная власть осуществляется *сенатомъ* и палатой депутатовъ. Законъ этотъ былъ опубликованъ—повидимому, по ошибкѣ — въ Journal officiel 25-го февраля и черезъ день, 27-го, объявленъ въ томъ же изданіи недѣйствительнымъ и не состоявшимся (nulle et non avenue): налицо была несомнѣнная внѣшняя неконституціонность.

Другой примѣръ: предположимъ, что обыкновенный законъ, вполнѣ правильно изданный, провозгласитъ кого-либо королемъ Франціи. Въ этомъ случаѣ мы будемъ имѣть дѣло съ внутренней неконституціонностью, такъ какъ ст. 8 конституціоннаго закона 25 февраля 1875 г., дополненная 14 авг. 1884 г., стремится предотвратить даже попытки къ измѣненію республиканской формы правленія.

Случаи неконституціонности обыкновенныхъ законовъ не представляются невозможными. Однако, одно изъ двухъ—какъ говорилъ еще въ 1803 г. американскій „великій судья“ Маршелль—или конституція есть верховный суверенный законъ, и ее невозможно мѣнять въ обыкновенномъ порядкѣ, или она находится въ одной плоскости съ законодательными актами въ собственномъ смыслѣ и, какъ эти акты, можетъ быть измѣнена законодателемъ, когда ему заблагоразсудится [1]). Въ послѣднемъ случаѣ, какъ спрашивалъ тотъ же Маршелль,—не является ли безцѣльнымъ трудъ, затрачиваемый на созданіе особыхъ писанныхъ конституцій? Англійская практика отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно и, не проводя юридически различія между обыкновенными и конституціонными законами, до сихъ поръ писанной конституціи не создаетъ. Но разъ дана первая половина вышеприведенной альтернативы, разъ конституція признана закономъ, измѣняемымъ лишь въ особомъ порядкѣ, закономъ верховнымъ, „lois des lois“, какъ любятъ выражаться французскіе авторы, то логически становится нужной, говоря словами тѣхъ же авторовъ, „узда для законодательной власти“.

---

[1]) См. J. Bradley Thayer, Cases on constitutional Law, I, 107, сл. дѣло Marbury versus Madison. Ср. F. Larnaude, Etude sur les garanties judiciaires qui existent dans certains pays au profit des particuliers contre les actes du pouvois législatif, Bulletin de la Société de législ. comparée, 1902 (vol. XXXI), стр. 207—208.

Какія же средства существуютъ для охраненія конституціи? Нравы страны, общественное мнѣніе или, какъ, быть можетъ, предпочтутъ выразиться нѣкоторые русскіе юристы, интуитивное право даннаго общества—вотъ наиболѣе сильная, но недостаточно опредѣленная гарантія конституціонныхъ нормъ (Дайси, Дюги, Эсменъ, Гамбаровъ).

Другой гарантіей болѣе опредѣленнаго характера является раздѣленіе властей, которое теперь часто предпочитаютъ называть раздѣленіемъ судебной, административной и законодательной функцій власти.

Однимъ изъ слѣдствій идеи раздѣленія властей, выраженной Монтескье въ извѣстной формулѣ: il faut que le pouvoir arrête le pouvoir, является право veto верховнаго органа исполнительной власти.

Но при постоянномъ сотрудничествѣ и взаимодѣйствіи органовъ законодательной власти и особенно при зависимомъ положеніи этой послѣдней при парламентарномъ режимѣ,—право veto едва ли можетъ служить прочной гарантіей конституціи. Гарантія эта неизбѣжно получила бы въ своемъ примѣненіи оттѣнокъ политической цѣлесообразности. Ближайшее изученіе права veto не входитъ здѣсь въ нашу задачу. Обратимся къ теоретическому разсмотрѣнію другого слѣдствія системы раздѣленія властей, а именно провѣрки судами конституціонности законовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не является ли логическимъ и необходимымъ выводомъ изъ этой системы право и обязанность судовъ любой инстанціи—въ случаѣ, представившемся при разборѣ дѣла, — отказать въ примѣненіи обыкновеннаго закона, который они считаютъ неконституціоннымъ?

Трудно дать отрицательный отвѣтъ.

Суды не вмѣшиваются тѣмъ самымъ въ функцію законодательной власти, но—„рѣшать, что является закономъ входитъ по существу въ компетенцію и представляется прямой обязанностью судебнаго органа (judicial department). Люди, прилагающіе общее правило къ частнымъ случаямъ, должны по необходимости излагать и толковать это правило. И если два закона сталкиваются, суды должны рѣшить, каково значеніе каждаго изъ нихъ“ [1]).

---

[1]) Marshael въ цитированномъ выше рѣшеніи.

Дѣйствительно, въ какомъ положеніи оказывается судья, когда во время разбора дѣла онъ видитъ, что одна изъ тяжущихся сторонъ ссылается на обыкновенный законъ, а другая—на противорѣчащій первому законъ конституціонный?

Передъ нимъ конфликтъ двухъ законодательныхъ нормъ: конституціонной и обыкновенной. Что̀ онъ долженъ дѣлать, судья обязанный примѣнять законы ко всѣмъ случаямъ, восходящимъ на его разсмотрѣніе, и—въ нѣкоторыхъ странахъ дающій присягу въ вѣрности конституціи? Отвѣтъ ясенъ: ему слѣдуетъ устранить болѣе слабую норму.

Профессоръ Лабандъ готовъ видѣть революціонера въ судьѣ, провѣряющемъ конституціонность закона и отказывающемся его примѣнить. На самомъ дѣлѣ судья, дѣйствуя такимъ образомъ, не выходитъ изъ своихъ обязанностей и можетъ даже не покидать привычнаго, проторенного пути мышленія, хотя это и кажется парадоксальнымъ.

Съ точки зрѣнія логики онъ дѣлаетъ то же самое въ своей повседневной практикѣ, слѣдуя правиламъ: lex posterior derogat priori, lex specialis derogat generali. Онъ устраняетъ болѣе слабый законъ; въ случаѣ столкновенія обыкновеннаго и конституціоннаго законовъ онъ также устраняетъ законъ болѣе слабый—обыкновенный. Онъ отнюдь не аннулируетъ закона,—онъ оставляетъ его въ сторонѣ.

Такимъ образомъ цѣль по существу политическая—охраненіе конституціи—достигается путемъ по существу своему юридическимъ [1]).

Эта гарантія конституціи, очевидно, можетъ существовать лишь въ странахъ „неподвижныхъ“ конституцій.

Въ Англіи, въ Италіи, обладающихъ гибкими конституціями, судьѣ невозможно предпочесть одинъ законъ другому, особенно въ Англіи, не имѣющей даже писанной конституціи.

По отношенію къ Италіи еще допустимы колебанія, хотя—думается намъ—итальянскому судьѣ врядъ ли удалось бы найти твердую формальную точку опоры, кото-

---

[1]) На юридическомъ характерѣ этой гарантіи особенно настаиваетъ Larnaude, op. cit., стр. 190—191. Ср. также цитируемую имъ гл. VI-ую „Американской демократіи“ Токвиля.

рую даетъ, напр., американцу его неподвижная конституція [1]).

Въ качествѣ гарантіи гибкихъ конституцій остается общественное мнѣніе. Въ Англіи и Италіи мнѣніе это почти создало уже обычай производить новые парламентскіе выборы передъ пересмотромъ конституціи [2]). Но анализъ этой гарантіи не является здѣсь нашей цѣлью. Возвратимся къ конституціямъ неподвижнымъ и посмотримъ, въ какомъ положеніи находится въ разныхъ странахъ право судовъ устранять неконституціонные законы при разборѣ дѣла.

Начнемъ съ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, классической страны этого права. Корни этого права судовъ въ Америкѣ усматриваются въ ограниченіи законодательной власти колоній ихъ Хартіями еще при монархическомъ режимѣ.

Послѣ того, какъ „народъ Соединенныхъ Штатовъ" заступилъ въ сѣверо-американскихъ колоніяхъ мѣсто короля Великобританіи и Ирландіи, право это отнюдь не сразу получило общее признаніе, хотя въ его пользу высказывался „Федералистъ"; развилось и укоренилось оно преимущественно благодаря дѣятельности верховнаго федеральнаго суда въ Вашингтонѣ (знаменито вышецитированное рѣшеніе Маршелля въ 1803 г.).

Не входя въ детали исторіи вопроса, которыя можно найти въ спеціальной литературѣ [3]), мы ограничимся здѣсь указаніемъ на современную доктрину, резюмированную Дюги слѣдующимъ образомъ.

„Предъ всякимъ судомъ, при ссылкѣ на законъ, тотъ, противъ кого этотъ законъ приводится, можетъ ему противопоставить эксцепцію неконституціонности; судъ можетъ тогда войти въ обсужденіе конституціонности закона и, найдя его неконституціоннымъ, отказать въ его примѣненіи. Это право принадлежитъ всякому суду, федеральному и отдѣльнаго штата, а не одному только верховному федеральному суду, въ противоположность тому, что иногда говорятъ. Съ другой стороны, судъ,

---

[1]) По этому поводу докладъ сенатора Arcoleo, Revue dur. public., 1910, стр. 525 слл. и 1911, 602 (разборъ).

[2]) Штейнбергъ, Конституц. жизнь и юридическій методъ, Ж. М. Ю., 1912, № 3.

[3]) Angieys, Les garanties contre l'arbitraire du pouvoir législatif par l'intervention de l'Autorité judiciaite, 1910, стр. 112 слл., осонебно 127—132.

даже верховный федеральный, считающій законъ неконституціоннымъ, отнюдь его не аннулируетъ,—онъ не имѣетъ на это полномочій; онъ ограничивается отказомъ примѣнять этотъ законъ къ разсматриваемому дѣлу“ [1]).

Такимъ образомъ суды Соединенныхъ Штатовъ примѣняютъ свое право отказа въ приложеніи закона по поводу отдѣльныхъ процессовъ и по настоянію заинтересованныхъ лицъ; уваженіе къ законодательной власти—по указанію Ларнода — побуждаетъ строго соблюдать юридическія максимы: „nemo judex sine actore“ „judex ne eat extra petita partium“ и „in dubio—pro reo“, т.-е. въ пользу закона, конституціонность котораго оспаривается.

Если прибавить, что этотъ отказъ въ примѣненіи разсматривается—въ случаѣ правильности требованія заинтересованной стороны—скорѣе какъ обязанность, чѣмъ какъ право суда [2]), и что въ американской конституціи нѣтъ никакого прямого постановленія по этому предмету, то мы увидимъ, что доктрина и судебная практика Соединенныхъ Штатовъ всецѣло приняли слѣдствіе системы раздѣленія властей и раздѣленія законовъ на обыкновенные и конституціонные, слѣдствіе, которое мы назвали логическимъ и неизбѣжнымъ.

Мы находимъ это слѣдствіе также принятымъ въ англійскихъ колоніяхъ, обладающихъ неподвижными конституціями—въ Канадѣ, въ южно-африканской и австралійской федераціяхъ [3]).

Мы находимъ его также въ Южной Америкѣ. Нѣкоторыя республики этого материка предпочли подтвердить въ текстѣ своихъ конституцій право и обязанность судовъ устранять неконституціонные законы; такъ Аргентина (конст., ст. 101), Бразилія (ст. 59, § 1, ст. 60), Мексика (ст. 101).

Относительно Мексики слѣдуетъ замѣтить (мы въ этомъ случаѣ полагаемся на свидѣтельство профессора де-Лапраделля), что тамошній способъ устранять неконституціонные законы носитъ превентивный характеръ, отличный отъ сѣверо-американскаго.

---

[1]) Duguit, Traité de droit constitutionnel, 157,—1911 г. Аналогично Брайсъ въ Американской республикѣ (франц. изданіе 1911 г. стр. 364—370, т. I).

[2]) Bryce, République américaine, 1911, I, 370.

[3]) Dicey, Introduction á l'étude du Droit constitutionnel, 147 сл.

Не дожидаясь отдѣльнаго частнаго процесса, можно привести въ дѣйствіе верховный федеральный судъ мексиканскихъ штатовъ,—скорѣе политическое, чѣмъ юридическое судилище, результаты дѣятельности котораго, какъ кажется, недостаточно удовлетворительны.

Оставимъ теперь эти экзотическія страны и перенесемся на континентъ старой Европы, живущій большею частью подъ режимомъ неподвижныхъ конституцій. Эти европейскія конституціи могутъ быть раздѣлены на три категоріи, если мы примемъ за principium divisionis постановленія конституцій по поводу права и обязанности судовъ устранять неконституціонные законы.

Въ первую категорію войдутъ конституціи, опредѣленно подтверждающія это право и эту обязанность.

Во вторую—конституціи, не содержащія по этому поводу никакихъ постановленій. Это—самая многочисленная категорія.

Въ третью—конституціи, спеціально ограничивающія упомянутыя право и обязанность судовъ.

Можно сравнить эти три разряда конституцій съ „лѣвой„, „центромъ“ и „правой“ въ парламентѣ.

Обращая теперь вниманіе на судебную практику разныхъ странъ, мы замѣтимъ, что нашъ центръ слѣдуетъ подраздѣлить на двѣ фракціи—радикальную, которая идетъ по стопамъ Сѣверной Америки, и умѣренную, которая колеблется.

Если бы мы захотѣли иллюстрировать нашу мысль конкретными примѣрами, то намъ пришлось бы различить среди государствъ Европы четыре разновидности.

Первая изъ нихъ—Португалія, въ которой конституція 21 марта 1911 г. (ст. 63)[1]) подтверждаетъ право судовъ отказываться отъ примѣненія законовъ, противныхъ конституціи.

Молодая республика подражаетъ въ этомъ случаѣ своей старой колоніи—Бразиліи.

Вторая разновидность заключаетъ въ себѣ страны, слѣдующія примѣру Сѣверной Америки,—какъ Греція, Норвегія, Румынія[2]), не имѣя въ конституціяхъ ника-

---

[1]) H. Berthélemy, нота Sirey, 1912, IV, стр. 9 сл.

[2]) Ср. рѣшенія первой палаты Ареопага, 1904, n⁰ 145 и аѳинскаго суда, 1904, n 1470, верховнаго норвежскаго суда 3 іюня 1890 г. и городского суда Христіаніи 2 февр. 1893 г. и кассаціоннаго румынскаго суда въ 1902 г.,

кихъ постановленій по поводу неконституціонности обыкновенныхъ законовъ.

Третью—образуютъ такія страны, какъ Франція и Германія, гдѣ мы находимъ также молчаніе конституцій по интересующему насъ вопросу, но гдѣ на практикѣ вопросъ этотъ остается подъ сомнѣніемъ.

И, наконецъ, четвертую разновидность составятъ государства, конституціи которыхъ формально ограничиваютъ право судовъ провѣрять конституціонность законовъ,—каковы Бельгія, Швейцарія, Австрія и Россія.

Двѣ первыя разновидности могутъ быть оставлены безъ особаго разсмотрѣнія, такъ какъ выше была уже изложена американская доктрина, которая господствуетъ въ этихъ государствахъ. Чтобы послѣднее утвержденіе не показалось голословнымъ, мы позволимъ себѣ привести нѣсколько фразъ изъ рѣшенія 1-ой палаты Ареопага въ 1904 г. „Если суды и не уполномочены путемъ рѣшенія, имѣющаго общій характеръ, объявлять законъ ничтожнымъ въ силу неконституціонности... однако, призванные рѣшить тяжбу, входящую въ ихъ компетенцію, они имѣютъ право не считаться съ противными конституціи законами. Въ этомъ случаѣ они не вмѣшиваются въ дѣйствія законодательной власти, но рѣшаютъ въ качествѣ независимаго авторитета частный споръ, на почвѣ конституціи, которая выше обыкновеннаго закона“ (Revue du Droit public, 1905, стр. 481).—Обратимся къ двумъ послѣднимъ разновидностямъ, гдѣ мы находимъ—это интересно отмѣтить—четыре великія державы континента: Францію, Германію, Австрію и Россію.

Сохраняя логическій порядокъ разсмотрѣнія, мы обращаемся къ Франціи въ первую очередь.

Франція обладаетъ неподвижной конституціей; это классическая страна раздѣленія властей; „Духъ законовъ“, гдѣ была сформирована теорія этого раздѣленія,—французская книга и—тѣмъ не менѣе мы находимъ въ этой странѣ отрицаніе (впрочемъ, не единодушное) права судовъ оцѣнивать внутреннюю конституціонность законовъ, хотя конституція моопле у поводу хранитъ молчаніе.

№ 227, цитированныя профессорами Бертелеми, Жезомъ и Ларнодомъ въ Mémoire sur le caractére inconstitutionnel de la loi roumaine du 18 décembre 1911 (1912), стр. 38—40, примѣч. 2-ое и стр. 53. Новѣйшее рѣшеніе ильфовскаго суда (Бухарестъ) отъ 2 февр. 1912 г. въ Sirey, съ цит. нотой; греческія также въ Revue du Droit publ., 1905, стр. 481 и 1906, 795—96.

„Мы полагаемъ, что при современномъ состояніи нашего законодательства французскіе суды отнюдь не могутъ оцѣнивать неконституціонность законовъ“ (Duguit, loc. cit., 159).

На чемъ основывается это мнѣніе?

Въ подкрѣпленіе его обычно ссылаются на совпадающіе по существу тексты закона 15 авг. 1790 г., тит. II, стт. 11 и 12, и конституціи 3 сент. 1791 г., тит. III, гл. V, ст. 3. Послѣдняя гласитъ:

„Суды не могутъ вмѣшиваться въ осуществленіе законодательной власти или пріостанавливать исполненіе законовъ“.

Можно возразить на это, что, во-первыхъ, въ той же конституціи есть титулъ I, ст. 3 — „законодательная власть не можетъ издать ни одного закона, который нанесъ бы ущербъ или поставилъ препятствіе естественнымъ и гражданскимъ правамъ, перечисленнымъ въ настоящемъ титулѣ и гарантированнымъ конституціей“..., что, во-вторыхъ, суды, устраняя неконституціонные законы, не вмѣшиваются въ дѣйствія законодательной власти и не пріостанавливаютъ исполненія законовъ; напротивъ, они исполняютъ законы и именно законы конституціонные; они даютъ перевѣсъ болѣе сильнымъ нормамъ надъ болѣе слабыми, дѣлаютъ то, что они и должны дѣлать; наконецъ, въ-третьихъ, что мотивы, побудившіе дѣятелей революціи создать цитированные тексты, ограничивающіе судебную власть,—были мотивами политическаго-преходящаго свойства. Въ ту эпоху боялись реакціонныхъ судей [1]).

Съ измѣненіемъ обстоятельствъ измѣнились идеи, и французское законодательство произвело экспериментъ противоположнаго свойства.

При первой и второй имперіяхъ, въ эпохи, когда Франція жила подъ режимомъ неподвижныхъ конституцій [2]), мы видимъ спеціальный органъ (autorité), обязанный ex oficio контролировать конституціонность законовъ. Рѣчь идетъ о сенатѣ,—„Senat—conservateur“ (конст. VIII года, ст. 21; конст. 1852, стт. 25—27).

---

[1]) Въ Бельгіи ссылаются и въ настоящее время на этотъ мотивъ. См. P. Errera, Traité de droit public belge, 1909, 259.

[2]) При Реставраціи и Іюльской монархіи Франція, подобно современной Италіи, обладала гибкой конституціей. См. статью Жозефа Бартелеми (Bartlemy) въ Revue du Droit public, 1909, особенно стр. 12, 17, 45—46.

Экспериментъ далъ плохіе результаты, и эта функція французскаго сената болѣе не существуетъ.

Почему же, однако, въ настоящее время во Франціи обыкновенные суды не осуществляютъ своего права и своей обязанности, съ логической неизбѣжностью вытекающихъ изъ системы раздѣленія властей? По существу, это слѣдовало бы сдѣлать, но это почти невозможно по отношенію къ внутренней неконституціонности—отвѣчаютъ нѣкоторые французскіе юристы.

Вопросъ о ней не можетъ предстать передъ судами, такъ какъ во фрагментарной конституціи 1875 г. нѣтъ („къ несчастью, на нашъ взглядъ"—говоритъ проф. Бертелеми) никакой декларацiи правъ, никакихъ „конституціонныхъ гарантій".

Этотъ пунктъ, однако, оспаривается.

Нѣкоторые юристы (Duguit, Jalabert, de Lapradelle) считаютъ „Декларацію правъ человѣка и гражданина" 1789 г. сохраняющей силу въ качествѣ подразумѣваемой части конституціи 1875 года. Въ аргументахъ pro и contra нѣтъ недостатка; намъ сейчасъ достаточно отмѣтить эту контраверзу, отмѣтить, что вопросъ еще остается in pendenti, такъ какъ его рѣшеніе завело бы насъ за предѣлы настоящей работы. Мы полагаемъ, во всякомъ случаѣ, что послѣднее слово въ этомъ спорѣ принадлежитъ судебной практикѣ. Но до сихъ поръ она остается въ нерѣшимости, исключая—какъ то думаетъ Оріу [1])—единичной попытки государственнаго совѣта въ 1909 г.

Если мы предположимъ, что „декларація правъ" молчаливо подразумѣвается въ конституціонныхъ законахъ современной Франціи, то необходимо утверждать, что французскіе суды имѣютъ право оцѣнивать „внутреннюю" конституціонность законовъ. Проф. Дюги, какъ кажется, допускаетъ непослѣдовательность, когда пишетъ цитированный выше абзацъ послѣ слѣдующаго (въ „Конституціонномъ правѣ"): „Мы убѣждены даже, что Декларація правъ 1789 г. обязательна до сихъ поръ не только для обыкновеннаго законодателя, но и для законодателя-учредителя... Декларація правъ... есть настоящій законъ, стоя-

---

[1]) Sirey, 1909, III, 145—147, по дѣлу о почтовой забастовкѣ. Разсужденія Оріу о неконституціонности носятъ, однако, скорѣе политическій, чѣмъ юридическій характеръ и представляются намъ натянутыми.

щій выше обыкновенныхъ законовъ, выше даже конституціоннаго закона“ (486—7, русск. пер. 692).

Кажущееся противорѣчіе является результатомъ мнѣнія автора, что законъ 15 авг. 1790 г. и подтверждающая его конституція 1791 остаются въ силѣ и исключаютъ упомянутое право судовъ, — результатомъ мнѣнія, неправильнаго на нашъ взглядъ и на взглядъ нѣсколькихъ французскихъ авторовъ [1]).

Должно, однако же, замѣтить, что приведенные нами сомнѣнія и споры касаются состоянія современнаго французскаго законодательства: спорятъ о фактахъ. На фактахъ же историческаго свойства базируется подробная аргументація проф. Ларнода и слѣдующаго за нимъ Дюги [2])—противъ примѣненія американской системы во Франціи.

Французскимъ судамъ препятствуютъ играть роль американскихъ по отношенію къ неконституціоннымъ законамъ—историческій ореолъ мощной правительственной организаціи въ большихъ европейскихъ государствахъ и въ частности во Франціи, положеніе парламента въ государственнй машинѣ, наконецъ, особенно подчеркиваемая Ларнодомъ привычка французовъ со временъ революціи толковать раздѣленіе властей въ ущербъ власти судебной.

„Мозги, пріученные мыслить раздѣленіе властей à la française, никогда не поймутъ, чтобъ судья могъ выступать въ роли цензора законодателя“ (219).

Но это, повторяемъ, вопросы факта. Теоретически же ни Ларнодъ, ни Дюги, ни кто-либо другой изъ извѣстныхъ намъ французскихъ авторовъ не сомнѣвается въ принципѣ оцѣнки внутренней конституціонности законовъ судами; этотъ принципъ разсматривается какъ логическое и неизбѣжное слѣдствіе системы раздѣленія властей [3]). „Возлагать на судью обязанность примѣнять неконституціонный законъ... значитъ нарушать принципъ раздѣленія властей“—говоритъ Дюги (Traité, 158).

---

[1]) Beauregard, Monde économique, 17 nov. 1894; Jèze, Revue génér. d'administration, 1895, II, 411; Haurion, Dr. adm., éd. 1911, стр. 962.

[2]) Larnaude, loc. cit., 215—229; Duguit, Dr. const., § 94.

[3]) Послѣднее время эта идея находила себѣ выраженіе въ парламентскихъ проектахъ J. Roche (J. off., doc. parl., 1903, 99), Ch. Benoist (Chambre des députés, 1907, n⁰ 931), Engerand (ibid., 1909, n⁰ 2940). См. также A. Naquet, République radicale, гл. XI.

Мнѣнія теоретиковъ и практиковъ сходятся по отношенію къ внѣшней неконституціонности французскихъ законовъ: судьи имѣютъ и право и обязанность устранить законъ, неправильно (не обѣими палатами) опубликованный [1]). Принципіальную оппозицію праву и обязанности судовъ устранять примѣненіе неконституціонныхъ законовъ, оппозицію, которой мы не встрѣтили во Франціи, мы находимъ въ Германіи въ лицѣ профессора Лабанда.

„Не администраторъ и не судья,—императоръ обязанъ охранять конституцію и бодрствовать надъ ней. На его долю выпадаетъ миссія заставлять во всякомъ законодательномъ актѣ уважать юридическія начала, регулирующія законодательную дѣятельность имперіи. Онъ изслѣдуетъ въ интересахъ всѣхъ ея членовъ, всѣхъ имперскихъ подданныхъ, выполнены ли при изданіи закона конституціонныя условія, и даетъ результату этого изслѣдованія формально-правовое выраженіе въ видѣ промульгаціи закона“—говоритъ Лабандъ въ своемъ извѣстномъ курсѣ [2]).

Можно, однако же, спросить, почему не допустимо изслѣдованіе конституціонности законовъ судами?

Отвѣтъ проф. Лабанда на этотъ вопросъ можетъ быть сведенъ къ двумъ пунктамъ: 1) это изслѣдованіе затруднительно; 2) право оцѣнивать конституціонность законовъ, будучи одобрено въ отношеніи къ судамъ, должно быть принято равнымъ образомъ для администраціи и для всѣхъ гражданъ. Но въ послѣднемъ случаѣ можно опасаться своеволія и безпорядковъ; подобное право явится опаснымъ правомъ.

Что касается перваго пункта, то, такъ какъ Лабандъ ссылается на трудность вообще, а не на какія-либо спеціально германскія затрудненія,—можно замѣтить, что трудность не есть невозможность, и что въ нѣкоторыхъ странахъ она побѣждена.

По поводу второго надо сказать, что посылки Лабанда вѣрны, но выводъ неправиленъ. Мы вполнѣ согласны съ авторомъ, когда онъ говоритъ, что не только

---

[1]) См. рѣшеніе Cour de cassation еще въ 1833 г., Sirey, 1833, I, 357 и Jéze въ Revue du Dr. publ., 1904, 111 сл., особенно 114.

[2]) Laband, Staatsrecht des deutschen Reiches, I, 528 (3-е изданіе). Мнѣніе автора остается неизмѣннымъ въ сокращенномъ Deutsch. Reichsstastarecht, 1907, 118.

судьи, но и администрація и простые смертные, повинуясь закону, должны оцѣнивать дѣйствительность тѣхъ нормъ, которыя они будутъ въ данномъ случаѣ исполнять. Это вполнѣ правильно.

Но зачѣмъ же бояться — какъ результата такой оцѣнки—безпорядковъ и отбрасывать при этомъ средство ихъ избѣгнуть?

Слѣдуетъ дать каждому возможность провѣрить свои сомнѣнія и различныя заключенія о конституціонности законовъ. Орудіе для такой провѣрки—независимые суды и ихъ безпристрастное мнѣніе.

Владѣя такимъ орудіемъ, къ чему превращать монарха въ родъ юридическаго папы, не могущаго ошибиться?

Это можетъ быть догматомъ вѣры, но врядъ ли годится для юридической догматики. Отнюдь не удивительно поэтому, что конструкція Лабанда, по его собственному признанію, была отклонена „подавляющимъ большинствомъ“ германскихъ авторовъ, которые согласны съ тѣмъ, что суды имѣютъ право изслѣдовать конституціонность актовъ, озаглавленныхъ „законъ“ и отказывать въ примѣненіи „закона“, который изданъ неправильно или который нарушаетъ конституцію (см. резюмированную сводку мнѣній у Laband, loc. cit., I, 526 и прим.).

Но слѣдуетъ сказать, что германская судебная практика гораздо менѣе радикальна, чѣмъ доктрина. Поэтому-то мы и сказали выше, что интересующій насъ вопросъ еще не рѣшенъ въ Германіи. Это относится какъ къ отдѣльнымъ государствамъ, такъ и къ имперіи въ цѣломъ.

§ 14 имперской конституціи, требующій (при извѣстныхъ условіяхъ) квалифицированнаго большинства Bundesrath'а превратился почти въ мертвую букву. Благодаря этому нѣкоторые новые законы могли бы быть разсматриваемы stricto sensu, какъ изданные неконституціоннымъ образомъ [1]); однако имъ не противополагаютъ эксцепціи неконституціонности.

Послѣдуетъ ли германская судебная практика, если ей представится случай высказаться, авторитету Лабанда или communis opinio doctorum? Интересы логики и теоріи

---

[1]) Штейнбергъ, Ж. М. Ю., 1912, № 3 и авторы имъ цитированные.

государственнаго права выиграли бы во второмъ случаѣ, но Англей, напр., сильно сомнѣвается въ его возможности [1]).

Переходимъ къ четвертой разновидности нашей классификаціи.

Здѣсь, прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію основныхъ законовъ Австріи и Россіи, мы взглянемъ на конституціи: бельгійскую и швейцарскую, которыя ограничиваютъ—какъ и въ только что названныхъ государствахъ—право судовъ провѣрять конституціонность законовъ. Вотъ соотвѣтствующіе тексты: конституція Бельгіи, ст. 107: „судебныя мѣста и учрежденія руководятся распоряженіями и регламентами общими провинціальными и мѣстными лишь поскольку они соотвѣтствуютъ законамъ". Швейцарская конституція, ст. 113 (въ концѣ): „Федеральный судъ примѣняетъ законы вотированные союзнымъ законодательнымъ собраніемъ и постановленія (arrêts) этого собранія, имѣющіе общее значеніе. Равнымъ образомъ, онъ сообразуется съ договорами, которые будутъ ратификованы союзнымъ собраніемъ".

Argumentum a contrario даетъ намъ слѣдующія заключенія: относительно Швейцаріи, что федеральный судъ можетъ оцѣнивать конституціонность только кантональныхъ законовъ; для Бельгіи,—что суды некомпетентны для оцѣнки конституціонности законовъ.

Въ обѣихъ случаяхъ дѣло идетъ, конечно, о внутренней конституціонности. Что касается внѣшнихъ условій дѣйствительности закона, то право бельгійскихъ и швейцарскихъ судовъ аналогично такому же судовъ французскихъ и представляется неоспоримымъ [2]).

Въ австрійской конституціи мы находимъ короткую и ясную формулу:

„Суды не могутъ входить въ разсмотрѣніе дѣйствительности законовъ, правильно опубликованныхъ. Наоборотъ, они могутъ оцѣнивать дѣйствительность указовъ по поводу и въ теченіе процесса, законнымъ образомъ

---

[1]) Angleys, ibidem, 95.

[2]) Angleys, loc. cit., 101, находитъ въ Сербіи положеніе аналогичное бельгійскому, къ чему мы не видимъ достаточныхъ основаній. См. еще къ изложенному Errera, op. cit., стр. 258—9, Dubs, Das öffentliche Recht der Schweizerischen Eidgenossenschaft, 2 изд., II, 90 сл. и старыя брошюры бельгійца Faider'a, цит. Ларнодомъ, „Etudes sur l'application des lois inconstitutionnelles", Bruxelles, 1849 и 1851.

поступившаго на ихъ разсмотрѣніе“ (основной государственный законъ о судебной власти 21 дек. 1867 г., ст. 7)[1]) и наоборотъ, прибавимъ мы, они могутъ отказать въ примѣненіи неправильно опубликованныхъ законовъ.

„Во всякомъ случаѣ судья долженъ провѣрить (prüfen), въ надлежащей ли формѣ законъ приведенъ во всеобщую извѣстность, такъ какъ только правильно обнародованный законъ можетъ обязывать судью и гражданъ. Реквизитомъ же правильнаго обнародованія является напечатаніе закона въ имперскомъ или мѣстномъ собраніи узаконеній (Gesetzblatt). Но должно быть ясно изъ напечатанія законодательнаго акта, что законъ изданъ съ согласія подлежащихъ представительныхъ учрежденій, санкціонированъ императоромъ и контрасигнированъ министромъ (ст. X осн. гос. закона о власти управленія и исполненія“ [2]).

Такимъ образомъ, провѣряя правильность публикаціи законовъ, австрійскіе суды провѣряютъ тѣмъ самымъ ихъ внѣшнюю конституціонность [3]).

По поводу чрезвычайныхъ указовъ (Nothverordnungen, „Nothgesetze“) проф. Ульбрихъ говоритъ, что суды могутъ провѣрять равнымъ образомъ только формальные ихъ реквизиты, — какъ-то: санкцію императора, скрѣпу кабинета и ссылку на § 14 конституціи (Staats-Grundgesetz 21. Dec. 1867, № 144).

Но, во-первыхъ, Nothverordnung не есть законъ въ строгомъ смыслѣ, а во-вторыхъ, упомянутый § 14 устанавливаетъ границы для содержанія чрезвычайныхъ указовъ. Поэтому мы полагаемъ, что австрійскіе суды могутъ въ извѣстныхъ предѣлахъ провѣрять внутреннюю конституціонность „законодательства по § 14-му“.

Мы видимъ, что во всѣхъ трехъ странахъ, конституціонные законы которыхъ только что изложены по интересующему насъ поводу, существуютъ формальныя постановленія, чтобы ограничить право судовъ провѣрять конституціонность законовъ, сводя его къ провѣркѣ внѣшней конституціонности.

---

[1]) Это правило примѣняется, по господствующему въ Австріи мнѣнію, и къ верховному имперскому суду. См. Ulbrich, Oesterr. Staatsrecht, 1903, 366—7 и цитир. имъ.

[2]) Ulbrich, Oesterreichisches Staatsrecht, 366.

[3]) Angleys (91—92) не различаетъ достаточно ясно конституціонность внутреннюю и внѣшнюю.

Въ Россіи, какъ мы сейчасъ увидимъ, ограниченіе идетъ далѣе, и положеніе вопроса представляетъ свои особенности. Россійская Имперія имѣетъ теперь Основные Законы, отличающіеся отъ обыкновенныхъ. Эти Основные Законы неоднократно разсматривались въ русской доктринѣ государственнаго права, какъ конституція [1]), аналогичная западнымъ (курсы Лазаревскаго, Грибовскаго). Спеціально опредѣленный признакъ отличаетъ Основные Законы отъ обыкновенныхъ; именно, „починъ пересмотра (ихъ) принадлежитъ единственно Государю Имератору“ (ст. 107 Осн. Зак. въ концѣ). Такимъ образомъ Основные Законы должны быть отнесены къ разряду неподвижныхъ конституцій; ими принята система раздѣленія властей (ст. 7—законодательная, ст. 10—исполнительная, ст. 22—судебная власть). Но русскіе обыкновенные суды не имѣютъ права оцѣнивать конституціонность законовъ, хотя бы внѣшнюю.

Это право, логически вытекающее изъ системы раздѣленія властей и различія законовъ обыкновенныхъ и основныхъ, устранено самими же Основными Законами.

Россійская Имперія, — читаемъ мы въ нихъ, — управляется на незыблемомъ основаніи законовъ, обнародованныхъ въ установленномъ порядкѣ. Общее храненіе законовъ полагается въ Правительствующемъ Сенатѣ, въ который должны представляться всѣ законы въ подлинникахъ или въ завѣренныхъ спискахъ. Законы обнародываются Правительствующимъ Сенатомъ во всеобщее свѣдѣніе въ установленномъ порядкѣ и до обнародованія не подлежатъ исполненію. Законодательныя постановленія не подлежатъ обнародованію, если порядокъ изданія ихъ не соотвѣтствуетъ требованіямъ настоящихъ Основныхъ Законовъ (стт. 84, 90, 91, 92).

Единственно возможнымъ выводомъ изъ приведенныхъ положеній представляется, что русскіе суды не имѣютъ никакого права провѣрять конституціонность законовъ [2]).

Только Правительствующему Сенату принадлежитъ (ex officio) контроль конституціонности русскихъ обыкновенныхъ законовъ—и притомъ конституціонности внѣш-

---

[1]) Этотъ терминъ не встрѣчается въ оффиціальныхъ актахъ, но въ литературѣ и разговорномъ языкѣ онъ получилъ широкое распространеніе.

[2]) Относительно административныхъ инструкцій и распоряженій положеніе аналогично Бельгійскому. Осн. Зак., ст. 122.

ней. Сенатъ [1]) долженъ слѣдить только за соблюденіемъ формъ, предписанныхъ Основными Законами (одобреніе Государственныхъ Совѣта и Думы, утвержденіе Государя Императора—стт. 7, 9, 86). Практически, впрочемъ, наибольшее значеніе придается санкціи Государя Императора; дѣйствующій избирательный законъ 1907 г. не былъ разсматриваемъ ни Думой ни Совѣтомъ [2]).

Можно замѣтить аналогію между Правительствующимъ Сенатомъ, „Сенатомъ-охранителемъ" первой французской имперіи, Сенатомъ второй имперіи и даже—старинными французскими „парламентами" съ ихъ „droit d'enregistrement" по отношенію къ королевскимъ указамъ.

Какъ спеціальная обязанность всѣхъ трехъ упомянутыхъ выше сенатовъ разсматривается контроль конституціонности представляемыхъ имъ законовъ,—хотя надо замѣтить, что компетенція русскаго Сената является гораздо болѣе узкой, чѣмъ компетенція, напр., сената второй имперіи, касавшаяся и внутренней сущности законовъ.

Полномочія Правительствующаго Сената представляются намъ болѣе широкими по отношенію къ чрезвычайнымъ указамъ. 87-ая статья Основныхъ Законовъ, воспроизводящая, въ сущности, знаменитый австрійскій § 14, ограничиваетъ, подобно послѣднему, содержаніе этихъ указовъ. „Мѣра", принятая въ порядкѣ ст. 87-ой, не можетъ вносить измѣненій ни въ Основные Государственные Законы, ни въ Учрежденія Государственнаго Совѣта или Государственной Думы, ни въ избирательные законы въ Думу или Совѣтъ.

Такимъ образомъ, чрезвычайный указъ, который, какъ мы уже разъ сказали, не является закономъ stricto sensu, ограниченъ высшимъ закономъ, и Правительствующій Сенатъ, „хранитель законности", долженъ слѣдить за цѣлостью этихъ границъ.

Онъ не можетъ (въ юридическомъ смыслѣ) опубликовать чрезвычайный указъ, который, „на основаніи 87-ой статьи Основныхъ Государственныхъ Законовъ", измѣнялъ бы, положимъ, Учрежденіе Государственнаго Со-

---

[1]) Именно I департаментъ, на который возложена обязанность публикованія узаконеній.

[2]) О трудности практическаго различія закона и указа въ Россіи. см. В. Ивановскій, Законъ и Указъ въ Ж. М. Ю., 1912, № 6.

вѣта. Въ этомъ случаѣ Сенатъ провѣряетъ внутреннюю конституціонность; но, согласно духу нашихъ Основныхъ Законовъ и Учрежденія самого Правительствующаго Сената, именно ему, какъ хранителю законовъ, какъ верховному мѣсту Имперіи обнародывающему узаконенія и распоряженія правительства, принадлежитъ это право контроля чрезвычайныхъ указовъ, — но не обыкновеннымъ судамъ.

Въ пользу права судовъ провѣрять конституціонность законовъ рѣшительно высказывается съ общей точки зрѣнія проф. Лазаревскій въ своихъ „Лекціяхъ по русскому государственному праву".

Авторъ справедливо различаетъ провѣрку конституціонности законовъ спеціальнымъ органомъ ex officio отъ провѣрки обыкновенными судами по ходу конкретнаго процесса. Въ первомъ случаѣ, по его мнѣнію, конституція превращается въ инструкцію для дѣятельности высшихъ государственныхъ учрежденій, въ такое правило, исполненіе котораго зависитъ въ значительной степени отъ доброй воли этихъ учрежденій.

Спеціальный органъ долженъ протестовать противъ неконституціоннаго закона, но если онъ не протестуетъ, законъ этотъ долженъ быть исполненъ.

Во второмъ случаѣ индивидуальныя права, даваемыя конституціей частнымъ лицамъ, всегда могутъ быть защищены передъ судебною властью путемъ возбужденія обыкновеннаго процесса, въ движеніи котораго явится возможность указать на неконституціонность закона (ср. I, 435—436).

Надо, однакоже, замѣтить, что если бы право провѣрки конституціонности законовъ не было резервировано нашими Основными Законами за Сенатомъ и разсматривалось бы логически какъ принадлежащее всѣмъ вообще судамъ,—все же вопросъ о внутренней конституціонности могъ бы предстать передъ судами лишь въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ. Теоретическимъ условіемъ возможности возбужденія такого вопроса,—какъ подчеркнулъ еще по поводу французскаго процесса баптистовъ 1833 г. Prévost-Paradol [1]), является опредѣленность конституціонныхъ формулъ, конкретность гарантіи, даваемой тѣмъ или инымъ правамъ.

---

[1]) Essais de politique et de litterature, I, 73 сл. См. дѣло также въ Sirey, 1833, I, 337 [illegible].

Всѣ же почти статьи главы X Основныхъ Законовъ (за исключеніемъ ст. 77-ой о правѣ собственности) упираютъ на слово законъ во всѣхъ падежахъ: „въ предѣлахъ закона“, „опредѣленныхъ закономъ“ и т. п. Такимъ образомъ, по буквѣ Основныхъ Законовъ содержаніе „правъ россійскихъ подданныхъ“ можетъ быть варьируемо въ любую сторону, а, слѣдовательно, и ограничиваемо обыкновенными законами безъ того, чтобы могъ быть поставленъ вопросъ о неконституціонности.

Нашъ нѣсколько затянувшійся обзоръ различныхъ неподвижныхъ конституцій законченъ, и мы можемъ попытаться обобщить его результаты.

Они не противорѣчатъ нашему первоначальному разсужденію.

Право и обязанность судовъ провѣрять конституціонность законовъ и отказывать въ примѣненіи законовъ неконституціонныхъ разсматривается повсюду доктриной и во многихъ странахъ практикой, какъ логическая и нормальная функція судебной власти, какъ общій принципъ права.

Чтобы устранить этотъ принципъ и свести его къ оцѣнкѣ внѣшней неконституціонности—необходимы формальныя законодательныя постановленія. Но quae constitutio tacet—consentire videtur.

В. Дурденевскій.

Естественное право въ памятникахъ древне-еврейской литературы и законодательства.

„Я приготовился къ спору о правѣ; я знаю, что буду правъ.
Кто въ состояніи мнѣ указать право. Ибо тогда я бы умолкъ“.

Іовъ, XIII, 18, 19.

„Естественное право подступаетъ ко всѣмъ человѣческимъ институтамъ съ требованіемъ оправдать себя передъ нимъ“. [1])

Г. Еллинекъ.

Древнюю Іудею одни считаютъ страною слѣпого подчиненія передъ закономъ, другіе—государствомъ съ „глубокимъ политическимъ демократизмомъ“, законы котораго проникнуты „признаніемъ субъективныхъ правъ“. [2]) Исходя изъ перваго сужденія, слѣдовало бы сказать, что евреямъ чуждо всякое представленіе о естественномъ правѣ, изъ второго же слѣдуетъ, что и евреи могли критически и обличательно относиться къ существующему офиціальному праву, а стало-быть, и у нихъ дана предпосылка для естественно-правовой идеи. Чтобы получить вѣрную картину древне-еврейскаго правосознанія, мы должны разсмотрѣть Іудею sub specie historiae.

Израильтяне впервые появляются на сценѣ исторіи въ силу великаго переселенія семитическихъ народовъ. Будучи по происхожденію номадами, израильтяне, въ силу географическаго положенія, очутились на перекресткѣ важнѣйшихъ торговыхъ путей. Палестина лежала такъ, что она господствовала надъ сообщеніемъ между Египтомъ, съ одной стороны, Сиріи и Мессопотаміи, съ

---

[1]) „Адамъ въ ученіи о государствѣ“, стр. 16. Изд. Н. Клочкова.
[2]) Г. Еллинекъ. „Общее обученіе о государствѣ“. Изд. 1908. Стр. 213.

другой, а также надъ путемъ отъ Финикіи къ Аравіи. До переселенія въ Ханаанъ израильтяне представляли собою кочевыхъ скотоводовъ, легко переходившихъ къ кочевому купеческому состоянію: уже Іосифъ проданъ былъ купеческому каравану. Сама же Іудея, по воцареніи евреевъ, стала страной, жившей, главнымъ образомъ, скотоводствомъ и земледѣліемъ, если существовала торговля, то транзитная по преимуществу. Эта транзитная торговля рядомъ съ отсутствіемъ ремеслъ и промышленнаго искусства сказалась какъ на правѣ, такъ и на религіи евреевъ.

Еврейское положительное право, не будучи вынуждено регулировать внутреннюю торговлю страны, оставило въ сторонѣ и не выработало подробно соотвѣтствующихъ частей гражданскаго и торговаго права. Оно направилось — какъ и въ древнемъ Римѣ — сильнѣе въ сторону земельнаго права, въ сторону юридическихъ отношеній между производительнымъ земледѣліемъ и государственно-церковнымъ обложеніемъ. Еврейское право осталось строго-національнымъ и до поры до времени не вырабатывало общей правовой платформы съ иностранцами, своего jus gentium. Отношенія и сношенія съ иностранцами регулировались сначала скорѣе нѣсколькими нравственными, чѣмъ правовыми императивами относительно гуманнаго обращенія съ чужеземцами. Вплоть до упадка и экономическаго разложенія Іудеи, предшествовавшимъ вавилонскому плѣненію, трудно отыскать какіе-либо болѣе или менѣе замѣтные зачатки естественно-правового мышленія. Офиціальное право, какъ нигдѣ спаянное съ религіей, наложило тяжкія оковы на развитіе интуитивнаго правосознанія. Произошло сліяніе правовыхъ велѣній съ нравственными въ высшемъ единствѣ религіозной вѣры.

Съ этихъ поръ минулъ безвозвратно золотой вѣкъ. Соціальное неравенство сильно расщепило нѣкогда однородное еврейское государство. И вотъ начинается протестъ противъ такого хода вещей Представители обнизшихъ слоевъ соединились съ патріотами, видѣвшими въ нищаніи и порабощеніи крестьянина, — „соли земли“, гибель Іудеи. Съ точки зрѣнія соціально-правовой политики долженъ былъ быть провозглашенъ принципъ борьбы съ ростомъ богатствъ и соціальнымъ разложеніемъ, связан-

нымъ съ правовымъ угнетеніемъ широкихъ слоевъ народа. Съ этой поры выдвигается цѣлая плеяда блестящихъ пророковъ-трибуновъ, объявившихъ себя истинными глашатаями божеской справедливости.

Если и не всѣ пророки, подобно Амосу, были по происхожденію крестьянами, то всѣ почти пророки становились на сторону угнетаемаго народа. Первый пророкъ, выступившій противъ идолопоклонства, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первымъ поборникомъ правъ народа, онъ былъ тѣмъ истиннымъ пророкомъ, который не останавливается передъ авторитетомъ царя Ахава, чтобы отстоять защищаемые имъ взгляды. „Ахавъ не только замѣнилъ служеніе Яве [1]) иноземнымъ идолослуженіемъ, но также управлялъ произвольно, угнеталъ бѣдныхъ, насильственно захватывалъ чужое имущество... При такихъ обстоятельствахъ религіозные и нравственные мотивы заставили пророка (Илію) выступить противъ царя и свидѣтельствовать о Яве, *какъ единственно-истиннымъ Богѣ права и справедливости*“. [2]) Уже въ этой мощной фигурѣ обрисовались основныя черты послѣдующихъ пророковъ: борьба во имя божественнаго права противъ офиціально - правовыхъ установленій (царя и законодательства) за истинное право и высшую справедливость.

Этотъ лозунгъ сталъ славной традиціей послѣдующихъ пророковъ. Но прежде всего надо было бороться противъ конкретныхъ недостатковъ соціальнаго строя. „Горе вамъ“, восклицаетъ Ісаія, „пріумножающимъ домъ къ къ дому и поле къ полю, пока нѣтъ мѣста и вы одни владѣете землей“ (Ісаія V, 8). О томъ же корыстолюбіи говоритъ и Амосъ 8, 4; богатыхъ онъ называетъ „алчущими поглотить бѣдныхъ и погубить страдальцевъ земли“. Все это, разумѣется, сопровождалось угрозами возмездія, принимавшими форму пророчествъ. Не удивительно поэтому, что Спиноза считаетъ еврейскихъ пророковъ зачинщиками великихъ гражданскихъ войнъ Іудеи. [3]) Вмѣстѣ съ тѣмъ начинается борьба противъ офиціально - позитивной религіи. Въ то время, какъ первые пророки (Моисей, Іисусъ Навинъ, отчасти Самуилъ) были не

---

[1]) Т.-е. Іеговы.

[2]) О. Пфлейдереръ. „Отъ іудейства къ христіанству“. Перев. и изд. Г. Львовича. Курсивъ нашъ.

[3]) „Теологико-политическій трактатъ“. Нѣмецк. перев. въ изд. Reclam S. 349.

только союзниками, но и устроителями еврейской религіи и ея законовъ, эти пророки подымаютъ свой голосъ противъ религіозныхъ внѣшностей и многочисленныхъ обрядовъ и законовъ безъ духа религіи (Исаія LVIII, 3—6 Амосъ IV, 5, 6). Начиная съ Исаіи, всѣ пророки возмущаются омертвѣніемъ религіи. [1])

Но затрогивать еврейскую религію, не затрогивая офиціальнаго положительнаго права, нельзя было тѣмъ болѣе, что это право творилось согласно интересамъ и вожделѣніямъ господствующихъ. „Горе законникамъ, издающимъ несправедливые законы и пишущимъ несправедливые приговоры, чтобы отклонить бѣднаго отъ суда и чтобы похитить право у бѣднаго Моего народа“ (Исаія X, 1, 2). Амосъ (V, 12) говоритъ отъ имени Бога: „Я знаю, какъ многочисленны преступленія ваши и какъ тяжки грѣхи ваши: вы притѣсняете правдиваго, берете взятки и бѣдныхъ отталкиваете отъ судилища“. О тѣхъ же свѣдущихъ въ законѣ говорится: „вы превратили право въ ядъ и плодъ справедливости въ отраву“ (Амосъ VI, 12). Болѣе рѣшительно клеймятся тѣ, кто толкованіемъ закона творитъ неправду: „горе тѣмъ, кто называетъ злое добрымъ и доброе злымъ, кто изъ тьмы дѣлаетъ свѣтъ, изъ свѣта тьму, кто кислое выдаетъ за сладкое и сладкое за кислое“, горе и тѣмъ, „кто оправдываетъ беззаконнаго ради подарковъ и отнимаетъ у праваго законное“ (Исаія V, 20, 23).

Но если въ этихъ обличеніяхъ пока только видна первая стадія пробуждающагося интуитивнаго правосознанія,—критика существующаго права и суда, то уже въ дальнѣйшемъ, въ построеніи положительнаго идеала, въ государствѣ будущаго, въ свѣтлыхъ картинахъ ветхозавѣтнаго утописта Исаіи и пастуха-пастыря Амоса выступаетъ новое истинное божественное право, которое не прикрывается болѣе ханжески именемъ Бога, а исходитъ изъ источника справедливости. „Пусть разольется, какъ вода, правосудіе и правда — какъ неизсякающій потокъ“ (Амосъ V, 24) — таковъ идеалъ ихъ правовой политики. „Наступитъ пора, когда будетъ править царь,

---

[1]) Что іудейская церковь въ свою очередь стала врагомъ пророковъ, видно хотя бы изъ того характернаго факта, что священникъ Амація составляетъ доносъ на Амоса за его мятежническія дѣйствія. Сравни также о пророкѣ Ананіи (2-я кн. Хроникъ, гл. 16).

чтобы творить справедливость и князья господствовать, чтобы любить право". „Стремящимся къ справедливости" пророкъ говоритъ: „внимай мнѣ, народъ мой, и слушайте меня, люди мои, ибо изъ меня изойдетъ законъ и мое право я хочу поставить свѣтильникомъ для народовъ" (Исаія LI, 4). „Право будетъ жить въ пустынѣ и справедливость обитать на плодоносной равнинѣ; и миръ будетъ произведеніемъ справедливости и покой и безопасность вовѣки будутъ пріобрѣтеніемъ правды" (Исаія XXXII, 16, 17). Если сюда присоединить то, что проповѣдь Исаіи, напримѣръ, направлялась не только къ іудеямъ и что въ осуществленіи его утопій должны участвовать всѣ народы земли, то станетъ ясно, что пророческое интуитивное право болѣе чѣмъ глубоко разошлось съ офиціально - позитивнымъ правомъ Іудеи. Насколько это право было дѣйствительно интуитивно и отличалось свойственнымъ ему, какъ таковому, отвращеніемъ къ технической казуистикѣ офиціальнаго права, можно судить по преданію аморая Симлаи, сохранившемуся въ Талмудѣ. Оно гласитъ, что 613 законовъ дано было Моисею, но царь Давидъ свелъ ихъ къ 11, Исаія къ шести, Второисаія къ двумъ, а Амосъ къ одному: „обратитесь ко мнѣ и вы будете живы".

Впрочемъ и пророки стремились къ „позитиваціи", старались превратить свои правовые взгляды въ писанный законъ, чтобы тѣмъ сильнѣе дѣйствовать въ воспитательномъ отношеніи; они стремились „религію, жившую до сихъ поръ лишь въ сердцахъ лучшихъ людей, сдѣлать общенароднымъ дѣломъ и прочнымъ установленіемъ". [1]) Это было сдѣлано въ 621 г. до Р. Х. изданіемъ Второзаконія. „Здѣсь, пишетъ Пфлейдереръ, поклоненіе Яве какъ единому Богу и сердечная любовь къ нему установлены въ качествѣ высшаго основного принципа, на которомъ затѣмъ обосновывается ученіе о гражданскихъ и общечеловѣческихъ обязанностяхъ, здоровая и гуманная мораль, соотвѣтствующая духу пророческой религіи". [2])

Только научное открытіе библейской критики относительно поздняго написанія Второзаконія [3]) можетъ

---

[1]) „Отъ іуд. къ христіанству". О. Пфлейдереръ, стр. 16.

[2]) Ibid, стр. 15.

[3]) О болѣе позднемъ происхожденіи Второзаконія говоритъ, кромѣ Пфлейдерера и Генкель въ „Еврейской Энциклопедіи", статья „Библейская критика", dI, IV.

намъ объяснить существованіе въ ней естественно-правовой мысли. Если бы мы безъ всякой критики приписали и книгу Второзаконія времени Моисея, т.-е. періоду бедуинской, неразслоенной почти первобытной жизни израильтянъ, то совершенно непонятной казалась бы ссылка на то, что вводимые этой книгой законы соотвѣтствуютъ природѣ, сердцу, а значитъ совѣсти [1]) человѣка. Во всѣхъ остальныхъ узаконеніяхъ Моисея такой ссылки нигдѣ нѣтъ; одна уже божественность придавала достаточную авторитетность закону. А между тѣмъ во Второзаконіи (глава XXX, 11, 12, 13, 14) говорится: „Заповѣдь сія, которую я заповѣдую тебѣ сегодня, не недоступна для тебя и не далека. Она не на небѣ, чтобы можно было говорить: кто взошелъ бы для насъ на небо и принесъ бы ее намъ, и далъ бы намъ услышать ее, и мы бы исполнили ее. И не за моремъ она, чтобы можно было говорить, кто сходилъ бы для насъ за море и принесъ бы ее намъ, и далъ бы намъ услышать ее, и мы исполнили бы ее. Но *весьма близко къ тебѣ* слово сіе; оно въ устахъ твоихъ *и въ сердцѣ твоемъ*, чтобы исполнить его“. Такая ссылка на согласіе закона съ сущностью и природой человѣка, нужна была какъ оправданіе жрецамъ іерусалимскимъ и была возможна только послѣ пророковъ съ ихъ развитымъ интуитивнымъ правомъ. Совпаденіе съ интуитивно-правовой совѣстью человѣка, есть высшая санкція дѣйствія закона, — этимъ Іудея выросла изъ пеленокъ позитивнаго правосознанія.

Въ Ветхомъ Завѣтѣ есть книга, отражающая въ себѣ развитіе интуитивнаго правосознанія, пришедшаго въ столкновеніе съ позитивнымъ и богоосвященнымъ правовымъ укладомъ; она намъ говоритъ о томъ, что не случайныя обмолвки тѣ требованія о соотвѣтствіи писаннаго закона истинному, присущему человѣку, которыя встрѣчаются при внимательномъ разсмотрѣніи Ветхаго Завѣта и въ особенности пророковъ. Подлежащее твореніе—это одно изъ приближеній къ истинной божественной справедливости, т.-е. того по существу ярко интуитивнаго „естественнаго“ права, какое только и было возможно

---

[1]) На древне-еврейскомъ языкѣ существуетъ одинъ терминъ— Leib =и для „сердца“ и для „совѣсти“. Это нужно особенно имѣть въ виду въ нижеприводимой цитатѣ, гдѣ мысль выраженная въ ней, получаетъ особую выпуклость, если на мѣсто слова „сердце“ читать „совѣсть“.

въ Іудеѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это книга отражаетъ всю трагическую глубину разрыва одинокаго „справедливаго человѣка“ съ Богомъ,—мы говоримъ о книгѣ Іова.

Эпиграфомъ этой великой книгѣ могли бы послужить слова: „Правду свою держу крѣпко и не опущу ея: не отстранится сердце мое отъ нея во всѣ дни мои“ (Іов. XXVII, 6) хотя бы въ человѣкѣ жило *сознаніе*, что „живъ Богъ, лишившій меня моихъ правъ“ (Іовъ XXVII, 2).

Сущность жалобы и протеста противъ Бога заключается въ томъ, что въ мірѣ люди несправедливые свободно пользуются всѣми благами жизни, между тѣмъ, какъ справедливые терпятъ обиды. „За что беззаконные живутъ, состарѣваются и силами крѣпки“ (Іовъ XXI, 7). Преступники не наказываются Богомъ и продолжаютъ творить неправду. „Изъ города стоны людей слышны и вопіетъ душа убиваемыхъ, а Богъ и не смотритъ на такой безпорядокъ“ (XXIV, 12). Справедливымъ считаетъ себя и Іовъ и съ гордостью, но съ горемъ указываетъ на то, что не только каждому воздавалъ онъ свое (suum cuique), но и благотворилъ, никогда онъ не презрѣлъ права слуги своего, никогда не направлялъ свой взоръ на чужое. И все же его постигло ужасное несчастье, всѣ отъ него отвернулись, всѣми онъ покинутъ, презрѣнъ и одержимъ проказой.

Если истинное право должно состоять въ правильномъ распредѣленіи, то это именно обнаруживается въ правосознаніи Іова, какъ современника еще не совсѣмъ лишившейся патріархальности Іудеи. Тутъ—согласно императивно-аттрибутивной природѣ права — право состоитъ въ воздаваніи равнымъ за равное. И особенно силенъ этотъ взглядъ въ интуитивномъ правѣ, ибо оно наиболѣе заинтересовано въ распредѣленіи благъ и золъ. Всякое право поэтому невольно сливается съ правильнымъ приговоромъ присуждающаго суда, болѣе того, въ еврейскомъ языкѣ самое слово „право“ — Mischpoth — означаетъ въ то же время и „судъ“.

Но если это такъ, то понятно, что Іовъ (въ стремленіи къ праву) вызываетъ Бога на судъ, онъ хотѣлъ стать съ нимъ въ одинаковое положеніе; разъ Богъ утверждаетъ и отождествляетъ себя съ *позитивнымъ* правопорядкомъ, то Іовъ все же хочетъ ему показать, что „внутренняя“ *интуитивная* справедливость на его сто-

ронѣ. Іовъ не отрицаетъ силу Бога, ее онъ охотно признаетъ, но сила не право; „непорочнаго и виновнаго онъ губитъ“. „Онъ при пыткѣ невинныхъ смѣется“ (IX, 24)— вотъ что возмущаетъ мятежнаго Іова. Всемогущаго Бога онъ хотѣлъ бы вызвать на человѣческій судъ, гдѣ они могли бы спорить какъ двѣ стороны въ процессѣ; онъ хотѣлъ бы, чтобы человѣкъ могъ препираться съ Богомъ, какъ человѣкъ съ ближнимъ своимъ (XVI, 22). То же страстное сознаніе своей правоты заставляетъ его сказать „но я къ Вседержителю хотѣлъ бы говорить и представить доказательства мои Богу“ (XIII, 13, 4). Пока же Богъ считаетъ себя всесильнымъ и на такой судъ не идетъ, Іовъ остается при своемъ убѣжденіи: „ибо Онъ не человѣкъ, какъ я, чтобы могъ я отвѣчать Ему и идти вмѣстѣ съ Нимъ на судъ. Нѣтъ между нами посредника, который положилъ бы руку свою на обоихъ насъ“ (IX, 33, 34). Гордое правосознаніе Іова требуетъ, чтобы Богъ сталъ съ нимъ на правахъ спорящей стороны, пока же нѣтъ между ними „посредника“—судьи и Богъ аргументируетъ только силой, Іовъ непоколебимъ.

Еще менѣе разрѣшимымъ становится это привлеченіе Бога къ судебной отвѣтственности за міровую несправедливость и „безпорядокъ“, когда Богъ противоставляетъ имъ разумность и порядокъ природы. Іовъ великолѣпно постигаетъ строгую обусловленность вселенной и говоритъ даже о „законахъ“ (chok) природы, о „законахъ дождя“ (XXVIII, 27) и о законахъ неба.

Въ діалогической формѣ его три друга стараются опровергнуть всю тяжесть взводимыхъ на Бога обвиненій, но доводы всѣ ихъ основаны на силѣ и говорятъ только о непостижимости Божьихъ путей, или, что еще хуже, о томъ,—что Іовъ своимъ протестомъ только подрываетъ страхъ къ Богу (XV, 5). Ясно, что все это нисколько не опрокидываетъ справедливыхъ и тяжкихъ нареканій Іова и поэтому естественно, что на всѣ ихъ „старые“ доводы великій протестантъ отвѣчаетъ почти кощунственными словами: „слышалъ я много такого; скучные утѣшители всѣ вы“ (XVI, 1), и въ концѣ спора онъ продолжаетъ считать себя „правымъ въ глазахъ своихъ“ (XXXII, 2).

Но если мы спросимъ себя, что же отвѣтилъ самъ Богъ Іову, то мы получимъ только прежнюю аргумента-

цію силы самоутвержденія своей мощи. Поэтому съ точки зрѣнія правно-психологической благополучный конецъ книги Іова и примиреніе его съ Богомъ кажется намъ почти придѣланнымъ, ибо всякое соглашеніе между силой и правомъ — въ указанномъ направленіи — по существу немыслимо.

Несправедливость, состоящая въ томъ, что, несмотря на самое тщательное выполненіе всѣхъ позитивно-этическихъ велѣній, человѣкъ не пользуется признаніемъ своихъ правъ—эта несправедливость міровой скорби остается незыблемой. И кажется, что крикъ Іова такъ и остался звучать въ нашихъ ушахъ, такъ и остался гласомъ вопіющаго и страстно, но тщетно вопрошающаго: „Вотъ я кричу: обида, и никто не отвѣчаетъ мнѣ, вопію—и нѣтъ суда“ (XIX, 7). Этотъ крикъ сдѣлался призывной трубой всѣхъ чуткихъ къ истинной справедливости іудеевъ.

Въ этой книгѣ болѣе ясно, чѣмъ у пророковъ, дана именно интуитивно-правовая критика. Въ ней почти ничего не говорится объ исполненіи религіозныхъ обрядовъ и о заслугахъ чистой вѣры въ Бога; содержаніе ея не проникнуто и нравственнымъ чистой воды характеромъ, что отчасти можно найти у пророковъ. Здѣсь критика несправедливости существующаго порядка и въ ней возмущеніе интуитивнаго правосознанія достигаетъ страшной напряженности, ибо она опрокидываетъ самый крупный и неприкосновенный авторитетъ — Бога — и хочетъ построить новаго Бога, идущаго на человѣческій судъ и признающаго человѣческое право. Въ сущности, въ этой книгѣ данъ утвердительный отвѣтъ на вопросъ Вилдада, друга Іова: „неужели Богъ превращаетъ право и Вседержитель превращаетъ справедливость“ (VIII, 3). Для Іова это неоспоримый фактъ,—результатъ его правовыхъ убѣжденій.

Но идеѣ монотеизма, а вмѣстѣ съ ней и этическому представленію о Божествѣ, ярко сказавшемуся у Іова, суждено было окрѣпнуть подъ вліяніемъ національнаго несчастія евреевъ—вавилонскаго плѣненія. „Подъ вліяніемъ вавилонской философіи, съ одной стороны, съ другой стороны, національнаго несчастія, наконецъ, быть можетъ, и персидской религіи, которая развивалась приблизительно въ то же время и въ томъ же направленіи, что и іудейская...—подъ воздѣйствіемъ всѣхъ этихъ влія-

ній вынесенное жречествомъ изъ Іерусалима стремленіе къ монополіи своего фетиша получило направленіе въ сторону этическаго монотеизма, въ которомъ Яве выступаетъ уже не только какъ родовой Богъ Израиля, но какъ единый Богъ вселенной, какъ воплощеніе добра, какъ представленіе *всякой нравственности*" [1]). Такимъ постепеннымъ ходомъ историческаго „богостроительства" выросъ еврейскій монотеизмъ, онъ носилъ этическій характеръ такъ же, напр., какъ и философія Платона.

Такая метаморфоза привела еврейскую религію въ цѣлую сѣть запутанныхъ, хотя и благодѣтельныхъ по результатамъ противорѣчій. Къ самымъ бьющимъ, трагическимъ изъ нихъ принадлежитъ слѣдующее. Если Іегова (Яве) сталъ этическимъ Богомъ, то онъ перестаетъ быть національнымъ, его исповѣданіе становится добрымъ дѣломъ каждаго человѣка, ибо добро и зло— понятія аполитическія (и космополитическія). А съ другой стороны, Іегова былъ почти единственной національной связью евреевъ разсѣянія и даже Іудеи послѣ вавилонскаго плѣненія. Какъ іудейская религія разрѣшила это чреватое послѣдствіями противорѣчіе, мы увидимъ ниже.

Заживъ въ 538 до Р. Х. возобновленной самостоятельной политической жизнью, Іудея не освободилась отъ тѣхъ противорѣчій, которыя въ ней обнаружились еще до плѣненія. Надо было закрѣпить новый монотеизмъ. Это и было сдѣлано; при чемъ повторилось то, что неизбѣжно всегда должно произойти при закрѣпленіи такихъ авторитарныхъ категорій, какъ религія и право. То, что теперь вновь было понято и принято какъ право, выдавалось за древнее откровеніе, явленное уже на Синаѣ. Всѣ новые законы, какъ гражданскіе и уголовные, такъ и религіозные, были объявлены исконными, тысячелѣтними, подобно тому, напр., какъ независимый отъ общества индивидъ, мыслимый только въ раціоналистическихъ отвлеченіяхъ конца XVIII вѣка, выдавался за историческій фактъ, будто бы предшествовавшій общественному строю. „Нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ", есть не только скептическая фраза Экклезіаста, но и формула, направленная на утвержденіе неподвижности авторитета всего существующаго, и, въ частности, права.

---

[1]) K. Kautsky „Der Ursprung d. Christ". S 240. Курсивъ мой.

Вмѣстѣ съ сосредоточеніемъ политической и религіозной власти въ рукахъ жреческаго сословія левитовъ, Іудея только и стала той теократіей, какой ее считали прежніе изслѣдователи чуть ли не съ самаго обоснованія въ Палестинѣ. Если раньше уже трудно было говорить о правѣ у евреевъ, не говоря о религіи, то теперь тѣмъ болѣе. Вся этика—нравственная и правовая была сосредоточена въ одномъ кодексѣ, получившемъ впослѣдствіи названіе Пятикнижія Моисея. Но ясно, что офиціальное право, а значитъ и государственные законы, хотя бы и изданные въ формѣ откровенія, тоже требуютъ тщательнаго изученія и толкованія; столь же естественно и для нашего времени понятно, что этотъ законъ вызываетъ необходимость въ цѣлой группѣ юристовъ, занимающихся догматикой этого закона. Но то, что раньше не порождало никакихъ споровъ, теперь неизбѣжно ихъ вызывало и пока іудейское государство не жило „на точномъ основаніи закона“, а удовлетворялось позитивнымъ правомъ въ формѣ обычнаго, измѣненія въ правовой психикѣ іудеевъ незамѣтно видоизмѣняли самое это обычное право, всегда приспособленное къ извѣстному времени и мѣсту. Къ тому же и самая разница въ правовой психикѣ и интуитивномъ правѣ различныхъ слоевъ Іудеи до плѣненія была несравненно меньше, чѣмъ послѣ него. Не слѣдуетъ забывать того, что изгонялись и уводились изъ Іудеи при ея завоеваніи только горожане и высшіе слои еврейскаго народа, между тѣмъ какъ крестьяне были оставлены на своей землѣ; поэтому, когда изъ Вавилоніи возвратились прежніе жители Іудеи, это были уже не прежніе евреи, а нравственные монотеисты, стоявшіе гораздо выше коренного деревенскаго населенія. Писанное же право, т.-е. жреческое законодательство Ездры, было установлено именно этими странниками туда и обратно. Оттого съ этого момента и должна была особенно сказаться разница между позитивнымъ и интуитивнымъ правомъ. Этимъ объясняется выступленіе пророка Іереміи, „самаго возвышеннаго и самаго трагическаго изъ великихъ пророковъ“. Онъ боролся противъ философіи положительнаго права, видя въ этомъ торжество ограниченнаго идеала законосообразной жизни, торжество позднѣйшаго фарисейства; кромѣ того, онъ не могъ не видѣть несовершенствъ закона, поэтому онъ

настойчиво предостерегалъ отъ упованія на точное знаніе *закона, съ которымъ жизнь стоитъ въ противорѣчіи* [1]). Онъ ищетъ иной гарантіи, нежели запечатлѣніе въ кодексѣ, онъ хочетъ, чтобы право было сознательно интуитивнымъ, исходило отъ самихъ людей. „Вотъ наступаютъ дни, говоритъ Яве, когда я заключу съ домомъ Израиля и Іуды *новый* союзъ... я вложу мой *законъ* въ души ихъ и напишу *въ сердцахъ*“ (Іеремія XXXI 30, 32) [2]).

Со времени возвращенія изъ вавилонскаго плѣненія Іудея двоякимъ путемъ двигалась къ усвоенію новыхъ правовыхъ взглядовъ. Первый—это намѣченный на предыдущихъ страницахъ путь разрастанія и дифференціаціи въ правовой психикѣ положительнаго и интуитивнаго права. Это путь внутренній, который можно объяснить въ значительной мѣрѣ увеличеніемъ соціальныхъ противорѣчій, а значитъ, и противорѣчій въ пониманіи сущаго и должнаго права. Второй путь—путь внѣшній, соприкосновенія съ новыми народами. Пока Іудея лежала въ центрѣ міровой торговли, не было необходимости евреямъ переселяться въ чужія страны; это измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ торговля покинула свое прежнее русло и когда для торговаго посредничества евреямъ приходилось—какъ и другимъ купцамъ—селиться колоніями въ чужихъ странахъ. Уже по возвращеніи евреевъ изъ Вавилоніи въ Іудею мы узнаемъ, что нѣкоторыя группы евреевъ остались на новыхъ мѣстахъ, и образовались еврейскія колоніи во всѣхъ важныхъ центрахъ того времени. Появляются еще далеко до окончательнаго паденія Іудеи крупныя и оживленныя еврейскія колоніи въ

---

[1]) О. Пфлейдереръ. „Отъ іудейства къ христіанству“. Стр. 16. Курсивъ нашъ.

[2]) Мы напоминаемъ объ этомъ выраженіи „въ сердцахъ“ и во Второзаконіи. Это именно способъ выраженія еврейскаго естественнаго права, старающагося передать всю несомнѣнность и прирожденность нѣкоторыхъ интуитивно-правовыхъ аксіомъ. Характерно, что того же выраженія тысячелѣтія спустя придерживается Локкъ въ своихъ „двухъ трактатахъ о правительствѣ“. Говоря о необходимости и „естественности“ смертной казни за убійство, Локкъ говоритъ, что это положеніе „ясно *записано въ сердцѣ человѣка*“ (Дж. Локъ. „О правительствѣ“ 2-ой трактатъ. Гл. 2 § 11). Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы нигдѣ въ еврейскихъ религіозныхъ источникахъ нельзя было бы найти нѣчто похожее на терминологію позднѣйшаго естественнаго права не-евреевъ. Чтобы остаться въ предѣлахъ Ветхаго Завѣта, мы могли бы привести хотя бы то мѣсто изъ Псалмовъ, гдѣ псалмопѣвецъ высказываетъ свое стремленіе къ тому, „чтобы правда произрастала изъ земли и справедливость смотрѣла съ небесъ“. (Пс. 85, 12). Тутъ правда и справедливость—истинное право—изъ интуитивныхъ глубинъ „сердца“ переносится на *землю* и возносится на *небеса*, словомъ, ищется въ окружающей *природѣ*. Это уже и терминологически *естественное* право.

Александріи, Римѣ и др. пунктахъ. Эти евреи хотя и не порывали съ Іерусалимомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно должны были выработать свой modus vivendi съ иностранцами. Именно къ этому времени, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ отнести заявленіе Пфлейдерера, что, „универсализмъ овладѣлъ тогда іудеями не только въ разсѣяніи, но и въ Палестинѣ... ихъ мышленіе и чувства стали принципіально международными“ [1]). Если по отношенію къ евреямъ иностранцы шли навстрѣчу, входя съ ними въ правовыя сношенія, то и они должны были, въ свою очередь, выработать свое jus gentium. Точныхъ свѣдѣній до нашего времени о такомъ правѣ не дошло, но намъ кажется, что именно этой эпохѣ мы обязаны возникновеніемъ 7, „ноевыхъ заповѣдей“, по преданію данныхъ Богомъ еще Ною, а значитъ и его тремъ сыновьямъ Симу, Хаму и Іафету, отъ которыхъ, по тогдашнимъ представленіямъ, произошли всѣ народы міра.

Эти семь заповѣдей, „законы сыновъ Ноевыхъ“, гласятъ:

1.—Человѣкъ долженъ признавать единство Бога и не поклоняться идоламъ.
2.—На Бога не слѣдуетъ кощунствовать.
3.—Не слѣдуетъ убивать.
4.—Не слѣдуетъ грабить.
5.—Не слѣдуетъ прелюбодѣйствовать.
6.—Люди должны завести совершенный правовой порядокъ, судей и исполнителей приговоровъ. Судьи должны указывать, какъ слѣдовать означеннымъ законамъ; преступниковъ они должны наказывать и вообще рѣшать всѣ спорныя дѣла.
7.—Не слѣдуетъ есть мясо живого животнаго.

„По закону и традиціи *всѣ люди* обязаны исполнять эти семь заповѣдей. Кто ихъ признаетъ, тотъ по еврейскому закону считается полноправнымъ *гражданиномъ* всего міра, а также *въ еврейской странѣ*... Еврей обязанъ братски съ ними обходиться, доставлять пищу, поддерживать и помогать, словомъ, обращаться съ ними какъ

---

[1]) О. Пфлейдереръ. „Возникновеніе христіанства“. Стр. 32.

съ евреями“ [1]). Практическое значеніе этихъ заповѣдей то же, что и jus gentium въ Римѣ: они даютъ возможность войти съ не евреемъ, ноахидомъ, въ правовое общеніе. Изложенныя здѣсь правовыя велѣнія по времени гораздо старше еврейскаго офиціальнаго права, а по пространству дѣйствія охватываютъ весь міръ. Стало быть, эти начала, подобно началамъ естественнаго права, характеризуются какъ вѣчныя и повсемѣстныя и этимъ противополагаются временной и мѣстной ограниченности офиціально-позитивнаго права. По содержанію же своему эти начала представляютъ собою общій знаменатель, правовой минимумъ всѣхъ народовъ міра, то, что по позднѣйшему представленію римлянъ, „apud omnes populos peraeque custoditur“ [2]). Передъ нами ясное представленіе о естественномъ правѣ, которое, правда, сливается съ правомъ народовъ, но это смѣшеніе jus naturale и jus gentium характерно столько же для Іудеи, сколь и для Греціи и Рима.

Теорія исключительнаго избранничества еврейства начала падать подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ, что и римское великолѣпное презрѣніе къ варварамъ. Оба пути—и внутренне-соціальный и внѣшне-международный—заставляли евреевъ смотрѣть на не-евреевъ такъ же, какъ на людей, способныхъ къ пріобщенію съ ними на правахъ равныхъ. Появляется понятіе о человѣчествѣ, раньше существовавшее только въ головахъ наиболѣе выдающихся пророковъ. Исаіи, Іереміи и т. д. Если признать, что критическое отношеніе къ положительному правовому строю, вызванное соціальными причинами, вылилось впервые въ вдохновенныхъ рѣчахъ-скорпіонахъ пророковъ и эту критику, этотъ Umformungstrieb назвать первой предпосылкой естественнаго права,—то понятіе о

---

[1]) Маймонидъ, еврейскій философъ и талмудистъ, называетъ признающихъ эти 7 заповѣдей „Chassi im“, т.-е. праведниками, справедливыми. См. Der Zukunftsglaube Michal—Hohscha перев. съ древне-еврейскаой. Riga 1909. X, XI и сл. Курсивъ нашъ. Соблюдавшій Ноевы законы считался ger-Toschab.

[2]) Сравни ниже, въ главѣ „Римъ“ опредѣленіе римскими юристами естественнаго права.

Сравни также „Законы сыновъ Ноевыхъ“ въ „Еврейской Энциклопедіи“, томъ VII, гдѣ эти законы характеризуются какъ „законы, которые, по мнѣнію талмудистовъ, *были обязательны для всего человѣчества* еще ранѣе Синайскаго откровенія и которые позже остались обязательными для всѣхъ же-евреевъ. Терминъ „Ноахиды“ указываетъ на всеобщность законовъ, такъ какъ всѣ народы міра представляются происходящими отъ трехъ сыновей Ноя, который одинъ лишь пережилъ потопъ“. Курсивъ мой.

человѣчествѣ и его общемъ справедливомъ правѣ есть второй важный этапъ на пути естественно-правовой идеи Іудеи.

Въ этомъ трудѣ мы не можемъ подробно остановиться на внутренней идейной жизни евреевъ метрополіи. Мы дальше будемъ преслѣдовать задачу выдвигать лишь то изъ многограннаго калейдоскопа этической жизни, что относится къ прогрессирующей правовой психикѣ евреевъ. Передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, прогрессивныя и плодотворныя идеи пророковъ привели къ тому періоду, когда еврейская идейная культура смогла близко подойти къ греческой и вмѣстѣ съ нею дать могучій толчокъ дальнѣйшему развитію интуитивнаго правосознанія. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ произведеніе, приписываемое Соломону и входящее въ составъ Ветхаго Завѣта, — мы говоримъ о „Притчахъ“ [1]).

Если вкратцѣ пожелать охватить идею „Притчъ“ (и отчасти Экклезіаста), то она очень напоминаетъ греческую философію стоиковъ съ ея культомъ мудреца; мудрость, — или что то же, разумъ, — должна руководить человѣкомъ во всѣхъ его поступкахъ: „здравый смыслъ будетъ охранять тебя, разумъ будетъ стражемъ твоимъ“. (Притчи 2, 11). Въ то же время разумъ есть тождество правды и справедливости и высшаго Бога; если проникнуться разумомъ, „тогда поймешь правду и правосудіе и справедливость, всякій добрый образъ дѣйствій“ (2, 9).

Но мало того, разумъ или премудрость есть въ то же время творецъ міра, онъ лежитъ въ основѣ всего сущаго, и въ природѣ, и въ человѣческомъ обществѣ, поэтому разумъ долженъ служить масштабомъ и вѣхой законовъ и правды. Лучше всего передадутъ это воззрѣніе классическія слова оригинала. „Я, премудрость, обитаю съ

---

[1]) Очень важно отмѣтить здѣсь мнѣніе современной науки относительно происхожденія этого творенія. Генкель въ „Еврейской Энциклопедіи“ т. IV, пишетъ: „Творенія, приписываемыя Соломону, въ теперешнемъ своемъ видѣ принадлежатъ къ гораздо болѣе позднему времени: Экклезіастъ цѣликомъ... а Притчи—въ большей своей части—произведенія персидско-греческаго періода“. Того же мнѣнія и берлинскій теологъ О. Пфлейдереръ (см. „Отъ іудейства къ христіанству“). Если бы у насъ не было приведенныхъ указаній науки, то естественно-правовая идея, которая сказывается въ Притчахъ, показалась бы намъ чудомъ, ибо время историческаго Соломона есть періодъ расцвѣта и господства позитивнаго права.

разумомъ и стремлюсь къ разсудительному знанію". „Отъ меня совѣтъ и благоустройство; я разумъ, отъ меня сила; *мною царствуютъ* цари и повелители *издаютъ законы правды*, мною начальствуютъ правители и вельможи и всѣ судьи земли". „Я *иду по пути правды*, по стезямъ права, чтобы любящимъ меня дать въ наслѣдство существенное благо". (Притчи 8, 12, 14, 15, 16, 20, 21). И далѣе о силѣ всеустрояющаго разума, какъ основнаго принципа міротворенія: „Господь имѣлъ меня въ началѣ пути Своего, прежде созданій Своихъ, издавна, отъ вѣка помазалъ меня, отъ начала, прежде бытія земли. Я (премудрость-разумъ) родилась, когда не существовали бездны... когда Онъ утверждалъ облака на высотѣ, когда полагалъ для моря свой законъ, чтобы воды не переступали его береговъ [1])... тогда я была при немъ строительницею". (Притчи VIII, 22, 23, 24, 28, 29, 30). Здѣсь разумъ-премудрость выступаетъ и въ смыслѣ закона и принципа природы и въ смыслѣ естественнаго права. Разумъ здѣсь занимаетъ почти то же положеніе, что lex aeterna въ средніе вѣка [2]), онъ вѣченъ, предшествуетъ всякому творенію и становится рядомъ съ Богомъ-Творцомъ какъ премудрость-строительница. Богъ проникнутъ разумомъ и самъ не что иное, какъ разумъ. А разъ такъ, то истинная правда и справедливость также совпадаютъ съ разумомъ, имъ руководится всякое право и правосудіе и поэтому всякое право можетъ быть испытано, согласовано и сведено къ разумному праву, которое существуетъ извѣчно. Если мы возстановимъ тотъ смыслъ, какой вкладывается въ эпитеты къ естественному праву: „разумное", „вѣчное", „высшее", то тѣмъ же характеромъ отличается и разумное право Притчъ. Въ другихъ мѣстахъ Притчъ указывается, что истинная—очевидно интуитивно-правовая—справедливая дѣятельность отличается незыблемостью, въ то время какъ злодѣяніе преходитъ: „праведный на вѣчномъ основаніи". (X, 25); затѣмъ: „если царь судитъ бѣдныхъ по правдѣ, то престолъ его утвержденъ навсегда" (XXIX, 14).

---

[1]) Припомнимъ объясненіе проф. Сергѣевичемъ (см. „Юрид. древности) слова „законъ" въ русскомъ языкѣ. Оно указываетъ на извѣстный „конъ" или предѣлъ котораго нельзя переступить, отсюда и легкая возможность отождествлять (и фразеологически) законы человѣческіе съ закономѣрностями природы.

[2]) Сравни ниже о Ѳомѣ Аквинскомъ. Позже, „истинные левеллеры" увѣряли что „разумъ—Богъ, который создалъ вселенную".

Эта незыблемая справедливость, сохраняющая свои аксіомы - истины и приговоры на вѣчныя времена въ связи съ всесиліемъ изначальнаго разума-творца, указывающаго стези права,—и есть тотъ довольно сильный ростокъ доктринальнаго естественнаго права, какой успѣла дать Іудея, какъ самобытный продуктъ, до своего окончательнаго растворенія въ римско-эллинистическомъ синкретизмѣ.

А между тѣмъ соціальная борьба—внутренній очагъ развитія правовой психики—разгоралась въ Іудеѣ все сильнѣе, обнаруживая свою яркость разнообразіемъ міровоззрѣній, группировавшихся вокругъ отдѣльныхъ партій, представительницъ общественныхъ слоевъ.

На вершинѣ общественной пирамиды стояла, разумѣется, жреческая знать во главѣ со своими идеологами-саддукеями. Историкъ евреевъ, Іосифъ Флавій, пишетъ въ своихъ „Древностяхъ": „богатые стояли на сторонѣ саддукеевъ, народная же масса примыкала къ фарисеямъ [1]). И дѣйствительно, клерикальная знать пользовалась наибольшимъ богатствомъ въ странѣ и громадной массой тѣхъ поборовъ натурою и золотомъ, которые стекались въ пользу іерусалимскаго храма. Эта знать являлась даже проводникомъ эллинизма въ іудейскую среду, ибо для нея не страшно было господство не только чужеземной культуры, но и самихъ чужеземцевъ. Всѣ же остальные слои народа, несмотря на всю пестроту и противорѣчивость своихъ взглядовъ, объединились вокругъ одной идеи,—идеи отстаиванія національной независимости Іудеи. Среди этихъ слоевъ можно отмѣтить фарисеевъ,—представителей среднихъ и интеллигентныхъ слоевъ страны.

Фарисеи или книжники, какъ они дошли до насъ въ евангелическомъ изображеніи, нѣсколько искажены и искажены въ силу глубокой отчужденности отъ нихъ евангелической этики, по преимуществу нравственной. Фарисеи не столько заядлые буквоѣды, сколько философы положительнаго права Іудеи. Въ качествѣ приверженцевъ народа они угадывали гибель еврейской культуры и государства отъ натиска эллинизирующихъ элементовъ. Видя, что жреческая знать относится равно-

---

[1]) Цитировано у Каутскаго „Ursprung d. Christ" S. 296.

душно къ грядущей гибели и что она начинаетъ пренебрегать своими законодательными и общественными функціями, фарисеи рѣшили взять на себя эти функціи, чтобы стать духовными владыками народа во имя цѣлости Іудеи и іудаизма. Уже къ этому времени слѣдуетъ отнести основной лозунгъ позднѣйшаго талмудизма „возвести ограды вокругъ закона", т.-е. настолько забронировать еврейское право и такъ строго юридически предусмотрѣть всю жизнь еврея, чтобы всякія внѣшнія вліянія сдѣлать безсильными [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ не отмѣтить, что фарисейскій ученый Гиллель говорилъ о необходимости любви ко всѣмъ людямъ, безъ различія національности, мало того, въ этомъ онъ видѣлъ сущность закона и права. Если же фарисеи и выступали противъ иноземцевъ, то только какъ противъ угнетателей или непрошенныхъ культуртрегеровъ. Но если мы присмотримся къ увеличивавшейся роли фарисеевъ, она станетъ намъ совершенно ясна, а вмѣстѣ съ ней выяснится намъ и та господствующая роль, которую они стали играть въ области судебной и законодательной. Уже выше мы отмѣчали мистическую авторитарность, лежащую въ самомъ характерѣ этическихъ, а значитъ и правовыхъ переживаній, но особенно сильно должна развиться эта черта тамъ, гдѣ, какъ въ Іудеѣ, не было практики законодательныхъ народныхъ собраній. Правосознаніе народа не допускаетъ возможности

---

[1]) Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что вопреки общей тенденціи Талмуда заковать жизнь въ положительный законъ, въ немъ сохранились мѣста, свидѣтельствующія объ интуитивно-правовомъ мышленіи его составителей; и это вполнѣ понятно, ибо Талмудъ есть своеобразный кодексъ, въ которомъ непосредственныя правовыя «велѣнія», „законы" и „нормы" сливаются съ законодательными мотивами въ одинъ общій сводъ. Изъ такихъ мѣстъ приводимъ Іота 67-*в*, гдѣ говорится: „мои права означаютъ предписанія, которыя, если бы ихъ даже не было въ священномъ писаніи, должны были бы быть созданы по требованію права (Din) и практическаго разума; велѣнія же основаны на санкціи". М. Лацарусъ („Этика іудаизма", Од. 1903, стр. 48), цитируя эти слова предпосылаетъ имъ слѣдующее, заслуживающее вниманія, указаніе: „Талмудъ ясно различаетъ между законами разума, т. е. такими, которые являются законами сами по себѣ, безусловно и независимо отъ всякаго законодательства, и обрядовыми формальными велѣніями, которыя становятся законами въ силу санкціи".

Вообще же относительно „Этики іудаизма" слѣдуетъ замѣтить, что въ отдѣльныхъ мѣстахъ этой вдумчиво и тщательно написанной книги мы можемъ найти разрозненныя указанія на интуитивность и универсальность іудейскаго правосознанія, насколько оно отразилось въ Ветхомъ Завѣтѣ и Талмудѣ (см. стр. 48, 66, 82, 88, 92, 132, 137, 217 и др.). Но разбираемый нами вопросъ о еврейскомъ естественномъ правѣ остается этой книгой незатронутымъ, этотъ вопросъ совершенно ускользнулъ изъ поля зрѣнія автора.

широкаго законодательства, а, стало быть, и правотворчества. Поэтому вѣрно характеризуетъ еврейское правосознаніе того времени Каутскій, когда говоритъ: ,,Всякое право считается обычнымъ исконнымъ правомъ. Правда, общественное развитіе идетъ дальше, приноситъ новыя условія и новыя проблемы, требующія новыхъ правовыхъ нормъ. Но въ народномъ сознаніи ощущеніе того, что право остается вѣчно тожественнымъ, что оно происходитъ отъ Бога, настолько укоренилось, что новое право тѣмъ охотнѣе признается, чѣмъ болѣе оно принимаетъ форму обычнаго, традиціоннаго права существующаго уже издавна и лишь кажущагося новымъ потому, что оно было предано забвенію" [1]). Чѣмъ труднѣе становилось измѣнить существующій законъ, тѣмъ болѣе новаторы вынуждались путемъ изложенія — толкованія закона—приспособить его къ новымъ правовымъ взглядамъ. А если принять то вниманіе, что іудейское (офиціально-позитивное) право было внутренне противорѣчиво, ибо опиралось на законы и (статуты) самыхъ различныхъ періодовъ, во это толкованіе находило еще больше почвы. Повторилось то, что такъ часто повторялось въ исторіи офиціально-позитивнаго права. Начиналась эпоха голаго закона, отъ котораго не должно прейти ни іоты,—эпоха, которая нашла свое печальное многократное эхо въ періодѣ римскихъ юристовъ, глоссаторовъ и юристовъ XIX вѣка. Не слишкомъ ужъ чуждымъ или непривычнымъ звучитъ для насъ исторія этого своеобразнаго изученія права. ,,Не изслѣдовать жизнь было ея задачей—читаемъ мы про раввинскую литературу—но внушить ученикамъ точное знаніе священныхъ писаній и довести ихъ находчивость и изобрѣтательность въ изложеніи ихъ до высшей мѣры" [2]). ,,Законъ, бывшій нѣкогда радостью и славой благочестивыхъ сталъ теперь тяжкимъ игомъ и мертвящей буквой... Фарисейство принизило мораль, поставивъ служеніе ближнему ниже внѣшнихъ проявленій благочестія" [3]). Таково было позитивное право въ послѣдніе вѣка существованія Іудеи, таковы были люди, занимавшіеся имъ. Къ чему же привела эта юридическая ,,сноровка"—

---

[1]) K. Kautsky „Ursprung d. Christ" S. 298.
[2]) Idid S. 300.
[3]) О. Пфлейдереръ „Возникн. христ.", стр. 36.

Handfertigkeit — которую такъ восхваляетъ противникъ естественнаго и философъ положительнаго права Бергбомъ.

На одномъ флангѣ вырастало офиціально позитивное право, грозя не только поглотить все правосознаніе и монополизировать правопониманіе, но и налагая тяготы и вериги на жизнь людей и особенно ,,народа земли" („ам—гаарецъ"), превращая всѣхъ въ грѣшниковъ и преступниковъ, ибо каждый неизбѣжно чѣмъ либо въ какой-либо моментъ преступалъ противъ права [1]). Выросши изъ психологически-естественной и соціально-необходимой унификаціонной потребности всякаго права въ толкованіи, еврейское офиціальное право облекало себя еще въ форму божественнаго, и какъ это повсюду бываетъ, объявило только себя правомъ. Но такъ какъ этимъ подрывалось уже и безъ того не очень сильное правосознаніе низшихъ слоевъ народа, не знавшихъ ничего о правотворчествѣ и законодательствѣ— какъ, напр., греческій или римскій,—то правовая психика вообще начала ослабѣвать и исчезать. Можетъ появиться вопросъ, отчего такое стремленіе офиціальнаго права къ захвату всей области этики не вызывало противовѣсомъ естественнаго интуитивнаго права. Почему не была выдвинута со стороны народныхъ массъ декларація правъ, тѣмъ болѣе что прежніе пророки были предтечами естественнаго права.

Но для отвѣта на этотъ вопросъ надо, помимо сказаннаго, обратить вниманіе на психологію низшихъ слоевъ народа, нашедшаго своихъ идеологовъ въ зелотахъ и ессеяхъ.

Кратко характеризуя зелотовъ, какъ партію, приходится о нихъ сказать, что они вербовались изъ слоевъ разорившихся торговцевъ, Lumpenproletar'іевъ, которыхъ особенно много было въ Іерусалимѣ и присоединившихся къ нимъ мелкихъ крестьянъ и пастуховъ Галилеи. Изъ этого видно, что это были люди, которымъ нечего те-

---

[1]) Можетъ быть не лишено интереса отмѣтить, что цѣлая категорія людей, въ силу однихъ только занятій своихъ, считалась Талмудомъ преступниками; таковы пастухи мелкаго скота, которые неизбѣжно должны совершать потравы. Далѣе весь народъ (Am-Haarez) въ силу своего невѣжества и связаннаго съ этимъ невѣдѣнія закона былъ не въ состояніи уберечься отъ преступленія. Конечно, пока т.-е. до паденія Іудеи—все это было больше въ потенціи, чѣмъ въ дѣйствительности.

рять; покуда страна жила въ сравнительно мирныхъ условіяхъ, сни признавали господство фарисеевъ, но лишь только Римъ началъ сильнѣе эксплуатировать Іудею и стремиться ее низвести на безправную провинцію, какъ эти элементы, доведенные до отчаянія, стали той вулканической почвой, которая вѣчно грозила вспышками мятежей. Это былъ соціальный валежникъ отмирающаго дерева Іудеи. Говорить поэтому о правовой психологіи въ этой средѣ нельзя, ибо самая эта психологія, предполагающая нѣкоторую дисциплинированность эмоціональныхъ переживаній, не имѣла больше въ сознаніи этихъ массъ никакого источника.

Не могла найти никакого отклика какая-либо правовая идея и среди ессеевъ, являвшихся первыми практическими коммунистами. И если они даже въ собственной средѣ признавали правовыя обязанности (сверхъ нравственныхъ),—то во всякомъ случаѣ они были слишкомъ оторваны отъ текущей политики, отъ злобы дня, чтобы стать защитниками истиннаго права. Корпораціи, „фаланстеры“, общія трапезы ессеевъ,—все это были попытки практическаго осуществленія лучшаго строя, но въ предѣлахъ тѣснаго круга одинако мыслящихъ людей. Очень возможно, что если бы еврейское государство просуществовало дольше, изъ ессеевъ выросли бы учители естественнаго права, ибо правовая психологія имъ, въ противоположность зелотамъ, не была чужда. Что это наше мнѣніе не голословно, подтверждается свидѣтельствомъ александрійскаго философа Филона, который говоритъ о ессеяхъ: „никто у нихъ не является рабомъ, но всѣ свободны, въ то время какъ они взаимно другъ для друга работаютъ. Они думаютъ, что рабовладѣніе не только не справедливо и составляетъ нарушеніе праведности, но оно есть и безбожіе, уничтоженіе *естественнаго* порядка, въ которомъ всѣ родились равными.. какъ братья“ [1]). Поскольку же ессеи преслѣдовали личное совершенствованіе и являлись чистыми детерминистами, преклонявшимися передъ судьбой [2]), въ ихъ психологіи было слишкомъ мало почвы для правовой политики,—явленіе, которое впослѣдствіи повторится въ тѣхъ сред-

---

[1]) См. K. Kautsky „Ursprung etc“. Seite 437. Курсивъ мой.
[2]) Сравни ibid s. 328 (указаніе Флавія).

невѣковыхъ сектахъ, которыя жили своей замкнутой жизнью, не интересуясь ходомъ общественно-правового развитія.

Относительно же низшихъ слоевъ народа мы видимъ, что правовая психика исчезла подъ вліяніемъ очень серьезныхъ причинъ. Прежде всего отсутствіе правового порядка въ странѣ, благодаря юридически-неопредѣленному и хищнически-насильственному отношенію Рима къ Іудеѣ, соціальное положеніе самого народа (деклассація), вынуждавшее его къ анти-правовой психикѣ, традиціонная невозможность проявлять свое политическое правотворчество на народныхъ собраніяхъ и офиціально-позитивное право (гражданско-религіозный кодексъ), доведенное фарисеями до столповъ и предѣловъ казуистической неподвижности; на другой сторонѣ сильное нравственное возмущеніе, выливавшееся въ неоднократныхъ возстаніяхъ и убійствахъ, сопровождаемое въ то же время своеобразнымъ стремленіемъ къ истинѣ. Мы думаемъ, что не ошибемся, если охарактеризуемъ это правосознаніе словами проф. Петражицкаго: „гипертрофія специфически нравственной психики, ея специфическихъ тенденцій, и на этой почвѣ атрофія, а во всякомъ случаѣ подавленіе специфически правовой психики“ [1]).

Но измѣнилось ли все это съ пришествіемъ Христа? Мы думаемъ, что нѣтъ. Къ счастью, современная теологія и исторія успѣли выяснить болѣе или менѣе образъ Христа, затуманенный далью временъ, пылью вѣковъ, чернилами переписчиковъ и злой волей толкователей. Предъ нами уже болѣе не экстатически-мистическая фигура, а болѣе живой образъ; это больше уже не тотъ всепрощающій и всепокорный Іисусъ, о которомъ почти съ ненавистью говорили и Гейне и Ницше. Христосъ и его послѣдователи выросли на той почвѣ Іудеи, съ правовой психологіей которой мы только что ознакомились, мы видѣли, что умирающая, но мятежная Іудея плохо мирится съ идеей всепокорности и долготерпѣнія. Этотъ мятежническій характеръ какъ во внѣшнихъ такъ и во внутреннихъ дѣлахъ государства, какъ увидимъ ниже, не могъ не сказаться на христаінствѣ, ко-

---

[1]) „Къ вопросу о возрожденіи ест. права“. Статья въ „Правѣ“ за 1902 г. № 41. Эта характеристика отнесена авторомъ къ Льву Толстому.

торое на первыхъ порахъ было ничѣмъ инымъ, какъ еврейской народной сектой. „Въ теченіе двухъ столѣтій отъ Маккавеевъ до разрушенія Іерусалима Титомъ восточное побережье Средиземнаго моря находилось въ состояніи непрерывнаго мятежа. Одно правительство падало за другимъ, одинъ народъ за другимъ терялъ свою независимость или господствующее положеніе“ [1]).

Это все вызывало въ христіанахъ не столько (и не только) дѣйственный протестъ, сколько презрѣніе къ положительнымъ государственнымъ формамъ, оно порождало своего рода правовой нигилизмъ. Мало-по-малу получался полный правовой индифферентизмъ, тѣмъ болѣе, что христіанство, какъ и родственное ему ессейство, обращало вниманіе главнымъ образомъ на нравственное совершенствованіе.

Честь установить движеніе первыхъ христіанъ, какъ движеніе національное, стоящее обѣими ногами на конкретной почвѣ Іудеи, и отмѣтить „историческую обусловленность морали Іисуса“ принадлежитъ новѣйшей теологіи, пользующейся въ лицѣ своихъ новыхъпредставителей историческимъ методомъ.

Что движеніе, концентрировавшееся вокругъ Іисуса, было чисто-пролетарскимъ и близко къ другимъ движеніямъ еврейскаго пролетаріата, въ томъ нельзя сомнѣваться. „Я не могъ бы указать ни одного явленія древняго міра какъ языческаго, такъ и іудейскаго, говоритъ проф. Пфлейдереръ, которое стояло бы... ближе къ христіанству, чѣмъ ессейство“ [2]). Если фарисеи были представителями національно-политическаго движенія съ сильно выраженными правовыми взглядами, то христіане соединили въ себѣ разрушительныя тенденціи зелотовъ съ положительными идеалами ессеевъ. Христіанство проникнуто въ сильной степени бунтарствомъ еврейскихъ пролетаріевъ. Объ этомъ сильнѣе всего свидѣтельствуетъ Лука VI, 20, гдѣ провозглашается „Beati pauperes“ — „Блаженны нищіе“ [3]). Во многихъ мѣстахъ Евангелія уцѣлѣлъ этотъ революціонный глаголъ, жгущій сердца

---

[1]) K. Kautsky „Ursprung etc“ S. 391.

[2]) „Возникновеніе христіанства“, стр. 42. Изд. Г. Львовича.

[3]) Въ нашемъ синодальномъ переводѣ это мѣсто искажено, ибо прибавляется (оппортюнистически) слово „духомъ“. Лютеровскій переводъ гласитъ ясно: „Selig seid Ihr Armen“.

людей: „Огонь пришелъ Я низвесть на землю, и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорался. Думаете ли вы, что Я пришелъ дать миръ землѣ. Нѣтъ, говорю вамъ, но раздоръ“ [1]) (Лука XII, 49, 51). „Не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю, не миръ пришелъ Я принести, но мечъ“ (Матѳ. X, 34). Царство Божіе, которое въ глазахъ позднѣйшихъ христіанъ получило какую-то особую мистическую окраску, означаетъ во времена Христа „новый соціальный строй, благопріятный для бѣдныхъ и неблагопріятный для богатыхъ“ [2]), который долженъ въ очень скоромъ времени, еще на глазахъ у современниковъ, осуществиться. Христосъ для нихъ былъ не духовнымъ или небеснымъ Мессіей, а „Мессіей бѣдныхъ, труждающихъ и обремененныхъ“ [3]), который скоро введетъ желанный строй. И это является по Пфлейдереру главной причиной радикализма морали Христа, съ одной стороны, и отсутствія всякаго права (особенно соціальнаго), съ другой. Въ самомъ дѣлѣ, для чего было говорить о правовыхъ институтахъ, о правовой жизни въ государствѣ, разъ все равно все это скоро измѣнится, вотъ чѣмъ авторитетный богословъ объясняетъ „полное игнорированіе всего, что составляетъ содержаніе соціальной этики“ у Христа. Разберемся ближе въ этикѣ Христа.

Проф. Петражицкій, говоря въ своей „Теоріи права“ объ объектахъ нравственныхъ и правовыхъ обязанностей и правъ, останавливается на психикѣ переживающаго право и приходитъ къ построенію троякаго рода обязанностей: 1) дѣйствія, 2) воздержанія (отрицательнаго дѣйствія), 3) терпѣнія. И эти вопреки господствующему дѣленію, признаваемому юриспруденціей, которая, обращая вниманіе лишь на практическое поведеніе, сливаетъ воедино воздержаніе и терпѣніе. „Съ психологической точки зрѣнія обязанности терпѣть что-либо и ихъ объекты, съ одной стороны, и обязанности воздержанія отъ сопротивленія и ихъ объекты, съ другой, суть, несомнѣнно, различныя явленія“ [4]). И дѣйствительно, съ точки зрѣнія

---

[1]) Синодальный переводъ гласитъ „разлѣленіе“, Пфлейдереръ переводитъ точнѣе „раздоръ“.
[2]) Ibid, стр. 48.
[3]) Сравн. О. Пфлейдереръ „Возникн. Христ.“, стр. 71.
[4]) „Теорія права“, стр. 419—420.

психологическихъ переживаній, рядомъ съ содержаніемъ или даже совершенно независимо отъ него можетъ сознаваться долгъ терпѣнія (напр., терпѣнія наказанія преступникомъ) и вообще „имѣются такія сознанія долга терпѣнія, въ области которыхъ обыкновенно даже не возникаетъ мысли о сопротивленіи или воздержаніи отъ него“ [1]). На основаніи этихъ положеній Петражицкій приходитъ къ тому, интересующему насъ въ данный моментъ выводу, что Христосъ могъ проповѣдывать терпѣніе и однако не воздерживаться, а бороться за свои нравственныя (и правовыя) убѣжденія: „объ исключеніи борьбы въ пользу добра и противъ зла, каковую въ величественной формѣ и вели самъ Христосъ и его ученики, не можетъ быть рѣчи“ [2]).

Намъ здѣсь особенно важно отмѣтить и чисто-историческій и психологическій выводъ, которые въ данномъ случаѣ совпадаютъ и поэтому видоизмѣняютъ образъ безконечно-кроткаго Христа.

Но все это намъ еще не объясняетъ того, почему этика Христа была почти исключительно нравственная, а не правовая. Объясненіе этому мы можемъ найти только въ обрисованныхъ выше историческихъ условіяхъ Іудеи, породившихъ сектантскую нравственность и отсутствіе правосознанія.

Однако, нравственность Христа далеко не отличалась той расплывчатостью, какую Петражицкій считаетъ характерной для нравственности вообще. Намъ кажется, что если нравственность становится единственной формой этическихъ переживаній человѣка (и общества) и повседневнымъ правиломъ поведенія, а не тѣмъ маякомъ-идеаломъ, который слабымъ огонькомъ еле мигаетъ въ сознаніи человѣка, требованія нравственности становятся не фигуральными или приблизительными и расплывчатыми, а вполнѣ точными и энергично-императивными. По мнѣнію проф. Пфлейдерера, нравственное велѣніе объ отдачѣ рубашки или раздачѣ имущества имѣетъ характеръ не приблизительной рекомендаціи поведенія, а необходимаго обязательнаго правила [3]). Чтобы сдѣлать

---

[1]) Ibid., стр. 420.

[2]) Ibid, стр. 426.

[3]) „Возникн. христ.“, стр. 62... „слова эти понимались какъ общеобязательный принципъ“. Кто не отрѣшится отъ всего, что имѣетъ,—не можетъ быть моимъ ученикомъ“ (Лука XII, 33), „эти слова обыкновенно толкуютъ въ

болѣе понятнымъ это его утвержденіе, мы позволимъ себѣ сдѣлать пространную цитату. „Если Іисусъ требуетъ, чтобы мы любили и враговъ своихъ, т.-е. не мстили, не воздавали имъ зло за зло..., то это требованіе мы должны признать высокой обязанностью, которая хотя и трудно исполнима, но все же исполнима, такъ какъ она отнюдь не противорѣчитъ основамъ человѣческаго общества. Но если Іисусъ дальше говоритъ: „Не противься злому, но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую, и кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду (Матѳ. V, 39 и Лука VI, 29), то, оставаясь искренними, мы не можемъ отрицать, что это изреченіе неосуществимо ни въ какомъ обществѣ, такъ какъ осуществленіе его упразднило бы всякій общественный порядокъ; его можно понять только, принявъ во вниманіе настроеніе того времени, когда казалось, что міръ уже погибаетъ... лишь при такихъ условіяхъ могло казаться цѣлесообразнымъ *путемъ полнаго отреченія отъ своихъ правъ*... достичь блаженства въ мірѣ“ [1]).

Именно это полное отсутствіе правосознанія, эта готовность и быстрота, съ которой человѣкъ долженъ отказаться отстаивать свои права, судиться, — черта, на которую такъ нападаетъ Ihering въ своей „Борьбѣ за право“ — все характерно для всякихъ чисто нравственныхъ, аполитическихъ сектъ. Разобравъ этическую психологію первыхъ христіанъ, мы поймемъ и аналогичныя по характеру аполитическія секты средневѣковья, не сумѣвшія, не смотря на всю свою враждебность офиціально-позитивному праву—въ силу своей правовго безсилія —выработать естественное право.

Христіанство и его этика были, такимъ образомъ, вполнѣ конкретны, ихъ нравственные императивы были созданы для исполненія, а не длл благоговѣйнаго созерцанія, также исторически конкретно было въ нихъ вы-

---

духовномъ смыслѣ... но Іисусъ думалъ объ этомъ какъ сынъ своего времени“ (ibid. 63—63), то-есть что это отрѣшеніе фактически необходимо. Проф. Петражицкій придерживается неправильнаго взгляда, отмѣченнаго уже въ текстѣ, когда онъ на стр. 172 своей Теоріи права пишетъ про евангельскія изреченія, „но такія изреченія имѣютъ не тотъ смыслъ, что ихъ такъ буквально слѣдуетъ понимать и исполнять (какъ это было бы умѣстно въ области права), а лишь смыслъ *образныхъ выраженій* для указанія *общаго направленія* поведенія“. (Курсивъ нашъ).

[1]) Ibid, стр. 61—62. Курсивъ мой.

рожденіе правосознанія, наконецъ, они и не избавились отъ противорѣчій и нѣкоторыхъ позитивно-правовыхъ путъ [1]). Меньше всего движеніе Іисуса изъ Назарета думало въ самомъ началѣ стать общеміровымъ и потому вырабатывать нравственность для всѣхъ временъ: „если бы сохранилась консервативность первыхъ учениковъ, то христіанской церкви никогда бы не возникло, а реформаціонное движеніе, начало которому положилъ Іисусъ, вѣроятно, погибло бы вмѣстѣ съ іудейскимъ государствомъ". Только впослѣдствіи христіанство, нашедши родственную почву во всемъ античномъ мірѣ, быстро разрослось, сдѣлавшись дарохранительницей международной нравственности.

Мы видѣли, что внутри еврейства подготовлялся длительный процессъ выработки позднѣйшаго синкретизма, развившагося въ точкѣ физической и духовной встрѣчи эллиновъ и іудеевъ въ Александріи и александрійской философіи. Правовая психологія у евреевъ была развита еще давно до всякаго намека на эллинизмъ, и можетъ быть признано безпорнымъ, что іудейская религія зиждется на правовой психикѣ и пропитана этою психикою вездѣ и всюду [2]). Возвышенный трагизмъ пережитыхъ Іудеей правовыхъ революцій за послѣдніе ея вѣка заставляетъ сказать, что „принципъ личной и публичной свободы ни въ одномъ государствѣ древности не проявился такъ сильно, какъ въ еврейскомъ, и духъ справедливости пропиталъ весь его организмъ и жизнь" [3]). Не въ расовой неспособности, а въ исторической судьбѣ, прервавшей жизнь Іудеи въ самый интересный, животрепещущій критическій моментъ,—въ этомъ причина недоведенія до логическаго завершенія и литературной законченности еврейскаго естественнаго права.

М. Я. Лазерсонъ.

---

[1]) Пфлейдереръ ibid., стр. 59 пишетъ: „Со всей искренностью благочестиваго іудея Іисусъ еще считалъ законъ остающимся въ силѣ и обязательнымъ, не сознавая, что своимъ принципіальнымъ пониманіемъ нравственнаго, онъ уже, въ сущности, *оставилъ точку зрѣнія закона*. Онъ говорилъ, что пришелъ не разрушить законъ, а исполнить, осуществить его истинный смыслъ". Курсивъ мой.

[2]) „Теорія права" Л. І. Петражицкій, стр. 129.

[3]) Hildenbrand „Geschichte и System d. Rachts и. Staatephilosophie" S. 8.

Торговыя формы гражданско-правовыхъ товариществъ.

Широкое примѣненіе торговыхъ формъ товарищества къ гражданскоправовымъ соединеніямъ имѣетъ за собой прежде всего историческое объясненіе. Пользуясь торговыми формами для своихъ товарищескихъ оранизацій, гражданское общество торжествовало побѣду надъ монополіей, присвоенной себѣ торговымъ классомъ за долгій періодъ замкнутости и отчужденія отъ другихъ сословій.[1]) Вмѣстѣ съ тѣмъ усвоеніе торговыхъ формъ гражданскими товариществами открывало для нихъ возможность проявленія во внѣ въ качествѣ автономнаго юридическаго лица съ особымъ имуществомъ. Это обстоятельство подымало довѣріе къ такимъ товариществамъ общества и позволяло имъ пользоваться большимъ кредитомъ у капиталистовъ и привлекать народныя сбереженія. Капиталистъ не можетъ по существу входить въ разсмотрѣніе характера дѣятельности товарищества, его цѣлей и присматривается главнымъ образомъ къ внѣшнимъ формамъ, отыскивая преимущественно въ нихъ гарантію своихъ интересовъ[2]). Такъ развертывался съ начала XIX вѣка въ примѣненіи къ гражданскимъ товариществамъ процессъ, извѣстный подъ именемъ коммерсіализаціи гражданскаго права.

Предъ законодательствомъ и судебной практикой этотъ процессъ поставилъ вопросъ о введеніи вызываемыхъ имъ явленій въ рамки законодательныхъ опредѣленій, при чемъ рѣшеніе задачи подсказывалось всѣми обстоятельствами ея постановки. Нужно было опредѣлить

---

[1]) Проф. А. И. Каминка. Очерки торговаго права. Изд. 2, стр. 262.
[2]) P. Pic. Des sociétés commerciales, t. 1, p. 181, 170.

область распространенія торговыхъ формъ въ новыхъ условіяхъ соціальнаго существованія и отраженіе этого новаго фактора на матеріальномъ содержаніи нормъ.

Наиболѣе стойкое сопротивленіе всѣмъ этимъ теченіямъ до сихъ поръ оказываетъ русское законодательство и судебная практика. Несмотря на общій свой источникъ (манифестъ Императора Александра I 1807 года о дарованіи купечеству новыхъ выгодъ, отличій и преимуществъ), статьи 2129 и 2134 X т. ч. 1 и 71 и 62 уст. тор. рѣзко отличаютъ торговыя товарищества отъ гражданскихъ по роду дѣятельности [1])—„заедино торговать“ и „заедино дѣйствовать“. Объективный характеръ этого признака различія послѣдовательно проводится и судебной практикой[2]).

Между тѣмъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что тѣ же причины, которыя повели на Западѣ къ торжеству формальныхъ принциповъ въ законодательствѣ о гражданскихъ товариществахъ, окажутъ свое вліяніе и у насъ. Проектируемое Высочайше учрежденной Комиссіей по составленію проекта гражданскаго уложенія объединеніе гражданскаго и торговаго права, сглаживая прежній дуализмъ въ области частнаго права, какъ-будто радикально устраняетъ вопросъ.

Однако, въ частности, по отношенію къ товариществамъ объяснительная записка стоитъ на старой точкѣ зрѣнія, что гражданскія или торговыя свойства товарищества не опредѣляются той или иной формой, по которой они образованы, а гражданскими и торговыми свойствами предпріятія, составляющаго его предметъ. (ссылка на ст. 64 Устава Торговаго т. IX ч. 2 изданія 1893 г.)[3]).

Однако возможность распространенія торговыхъ формъ на гражданскія товарищества, имѣющія предметомъ своей дѣятельности не торговое предпріятіе, въ глазахъ составителей проекта, можетъ быть признана безспорно установленной въ наукѣ. Составители только полагаютъ, что отъ этого они не теряетъ гражданскихъ свойствъ и даже въ томъ случаѣ, если положительное законодательство объявляетъ такое товарищество торговымъ, оно можетъ явиться имъ только въ формальномъ смыслѣ слова.

---

[1]) Проф. Цитовичъ. Очеркъ основныхъ понятій торговаго права, стр. 73.
[2]) Добровольскій. Практика суд. департамента т. I, $^{47}/_{37}$, $^{48}/_{38}$, $^{51}/_{41}$.
[3]) Проектъ гр. уложенія. Кн. V, мотивы, т. III, стр. 311.

Въ нашемъ дѣйствующемъ законодательствѣ товарищества какъ гражданскія, такъ и торговыя, принимаютъ одинаковую форму и потому квалификація товарищества по формальному признаку не можетъ обнять его сущности.

Если обратиться къ причинамъ, поставившимъ русскаго законодателя на этотъ путь, то придется констатировать, что тутъ повторяется фактъ, отмѣченный въ исторіи запада: не какія-либо теоретическія положенія о характерѣ нормъ, а главнымъ образомъ стремленіе сдѣлать институты торговаго права доступными для лицъ всѣхъ состояній. Свобода акціонернаго товарищества была возвѣщена въ первой части ст. 751 т. XI устава торговаго изданія 1857 г., отмѣненной въ изданіи 1887 года. Тамъ эта статья гласила: „товарищества по участкамъ или компаніи на акціяхъ, допуская по своему существу участниковъ изъ всѣхъ сословій, не прямо принадлежатъ къ занятіямъ купечества". Въ этомъ же смыслѣ приданія общегражданскаго характера товариществамъ акціонернымъ и другимъ съ ними сходнымъ высказалась и практика правительствующаго департамента.[1]) Такимъ образомъ акціонерныя товарищества могутъ учреждаться не только для чисто торговыхъ предпріятій, но и для такихъ цѣлей, какъ предпріятія въ области науки, искусства и художества [2]).

Аналогичныя воззрѣнія господствовали и въ Германіи: въ торговомъ уложеніи 1861 года существовали спеціальныя постановленія объ акціонерныхъ неторговыхъ товариществахъ. Однако эта двойственность была отмѣнена закономъ 11 іюля 1870 года, перешедшимъ въ ст. 280 германскаго торговаго уложенія 1861 года, ставшую ст. 210 пересмотрѣннаго торговаго уложенія 1897 года. По этой статьѣ акціонерныя товарищества признаются торговыми, хотя бы предметъ ихъ предпріятія и не относился къ торговымъ дѣйствіямъ. Такимъ образомъ гражданскимъ акціонернымъ товариществамъ придается значеніе торговаго института лишь съ формальной точки зрѣнія[3]).

---

[1]) Проектъ гр. ул. кн. V, Мотивы т. IV, стр. 23.
[2]) Рѣш. Кас. Деп. 1879 № 236.
[3]) Lehmann, Lehrbuch des Handelsrechts, 2-te Aufl., стр. 376; сравн. стр. 70 и 71.

Германскому торговому законодательству нельзя отказать въ радикализмѣ реформъ. На протяженіи времени менѣе чѣмъ въ 40 лѣтъ оно отъ чисто-объективной системы перешло въ этомъ вопросѣ на формальную точку зрѣнія. Въ основу объединенія положена легальная фикція, распространяющая принципы торговаго права на товарищества чисто гражданскаго характера. Они являются купцами въ формальномъ смыслѣ слова. Леманнъ относитъ сюда главнымъ образомъ акціонерныя товарищества, командитныя на акціяхъ и товарищества съ ограниченной отвѣтственностью.

Рядомъ съ ними стоятъ сельскохозяйственныя товарищества и товарищества взаимнаго страхованія.

Когда ст. 720 проекта, гласящая, что акціонерныя товарищества могутъ быть учреждаемы вообще для всякаго рода не воспрещенныхъ закономъ предпріятій, будетъ проведена въ жизнь, она вѣроятно, получитъ такое же истолкованіе.

Надлежитъ поэтому выяснить тѣ возможности, которыя открываетъ новый принципъ, и указать тѣ предѣлы, которые ставятся ему самой сущностью дѣла.

Какъ всякій формальный принципъ, примѣненіе фикціи распространенія на товарищество гражданскаго типа постановленій торговаго права естественно вноситъ положенія, чуждыя существу тѣхъ отношеній, на которыя распространяются. Между формальными предписаніями и тѣми нормами, которыя относятся къ существу регулируемыхъ институтовъ, по необходимости, должно возникать извѣстное противорѣчіе. Формальная точка зрѣнія имѣетъ еще всю прелесть новизны, разрѣшаетъ такую массу спорныхъ вопросовъ, что новыя поколѣнія писателей-цивилистовъ и коммерсіалистовъ[1]) не замѣчаютъ или даже оспариваютъ односторонность новаго принципа.

Между тѣмъ въ каждой системѣ нормъ, гдѣ встрѣчаются между собою предписанія и техническіе пріемы, идущіе изъ различныхъ круговъ юридическихъ представленій, между ними по необходимости должны возникнуть конфликты и коллизіи. Утвержденіе писателей, усвоив-

---

[1]) Ср., напр., M. Wolff, Ueber einige Grundbegriffe des Handelsrechts, въ Festgabe d. Berliner juristischen Fakultät für Otto Gierke, II Bd, 125 fl.

шихъ германскую точку зрѣнія о томъ, что благодаря этимъ формальнымъ критеріямъ между гражданскимъ и торговымъ правомъ устанавливается параллелизмъ и взаимодѣйствіе отмѣчаетъ только одну сторону вопроса. Между этими двумя параллельными системами остается еще незамкнутое поле, гдѣ выводы, полученные изъ различныхъ принциповъ, должны вступить между собою въ противорѣчіе. Выходомъ изъ него является только правильно установленные методы примиренія этихъ конфликтовъ и выборъ нормъ, относящихся къ той или иной группѣ въ зависимости отъ свойствъ изучаемаго отношенія. Можно пойти дальше и сказать, что въ системѣ частнаго права, тамъ, гдѣ встрѣчаются нормы гражданскія и торговаго права, есть такіе же *конфликты системы*, какіе мы встрѣчаемъ въ конфликтахъ мѣстнаго права съ общимъ (междуобластное право) или въ области столкновеній національныхъ правъ (международное частное право). Искусство юриста должно идти дальше шаблонныхъ пріемовъ раздѣленія признаковъ на объективные и формальные, съ рѣшительнымъ предпочтеніемъ того или иного признака.

Взаимодѣйствіе формальныхъ и матеріальныхъ принциповъ выражается не только въ ихъ параллелизмѣ, но и во взаимной борьбѣ. Необходимо установить извѣстныя основанія, по которымъ можно было бы опредѣлять, въ какихъ случаяхъ формальная точка зрѣнія даетъ отвѣтъ и въ какихъ случаяхъ она, достигнувъ своего предѣла, должна уступить мѣсто объективнымъ признакамъ. Совокупность выводовъ полученныхъ въ этой пограничной области права, въ свою очередь можетъ послужить матеріаломъ для построенія новаго института въ законѣ и практикѣ.

Съ этой методологической точки зрѣнія очень поучительнымъ представляется сравнить законодательство и судебную практику Франціи и Германіи. Рѣшительная ломка старыхъ положеній производится въ послѣдней странѣ, и на оборотъ во Франціи, на протяженіи почти столѣтія, совершается медленная работа приспособленія гражданскихъ товариществъ къ коммерческой формѣ.

Изданіе во Франціи въ началѣ XIX в. самостоятельнаго торговаго уложенія на ряду съ гражданскимъ повело къ тому, что торговыя акціонерныя товарищества

рѣзко противополагались неторговымъ или гражданскимъ, при чемъ въ основаніи различія полагалось первоначально различіе рода предпріятія, а не формы, которая остается единой. До изданія закона 1 авг. 1893 г. эти гражданскія товарищества съ коммерческой формой развивались путемъ судебной практики и теоретическихъ построеній. Но и послѣ изданія закона 1893 года работа практики и теоріи сохранила все свое значеніе. Пользуясь извѣстнымъ французскимъ ученіемъ объ общественномъ порядкѣ (ordre publique), французскіе юристы сумѣли сдѣлать цѣлый рядъ нормъ и положеній союзнаго права неподатливыми предъ натискомъ коммерческихъ формъ и поставили процессу коммерсіализаціи гражданскихъ товариществъ предѣлъ, согласный съ традиціями здоровой юридической техники.

I.

Установленныя въ Code civil правила возникновенія и дѣйствія гражданскихъ товариществъ въ общемъ оказались мало благопріятными для развитія ихъ кредита. Между тѣмъ стремленіе имущественныхъ и личныхъ комплектовъ пріобрѣтать самостоятельность въ гражданскомъ оборотѣ издавна усилилось во французскомъ обществѣ. Непризнаніе правъ самостоятельнаго субъекта за гражданскими товариществами возбуждало сомнѣніе въ ихъ кредитоспособности, а отсутствіе публичности дѣлало пользованіе кредитомъ еще болѣе труднымъ. Поэтому члены гражданскихъ товариществъ постоянно пытались при мало мальски широкой постановкѣ дѣла придать ему коммерческую форму.

На помощь пришла практика кассаціоннаго суда, который призналъ за гражданскими товариществами свободу пользованія установленными въ ст. 19 Code de commerce формами акціонернаго товарищества или акціонерной камандиты.

Однако вопросъ о юридическихъ послѣдствіяхъ коммерческой формы порождалъ новыя затрудненія. Господствовавшая въ французскомъ правѣ доктрина объ объективныхъ признакахъ торговыхъ сдѣлокъ разсматривала всякое товарищество, преслѣдующее гражданскія цѣли,

несмотря на усвоеніе имъ коммерческой формы, какъ гражданское и отрицало во имя общихъ интересовъ за нимъ свойство купца и сопряженныя съ нимъ послѣдствія.

Нельзя было однако не замѣтить, что усвоеніе коммерческой формы должно оказывать извѣстное вліяніе на положеніе гражданскихъ товариществъ и влечь за собой приложеніе къ этимъ товариществамъ нѣкотораго числа распоряженій права торговаго.

При рѣшеніи связанныхъ съ формою послѣдствій, французская юриспруденція попыталась воспользоваться введеніемъ тонкаго различія между нормами, относящимися къ существу, и относящимися къ формѣ торговаго товарищества. Въ общемъ, однако, она склонялась къ тому заключенію, что только правила второго рода, относящіяся къ формѣ, могутъ быть признаны приложимыми къ гражданскимъ товариществамъ, усвоившимъ себѣ коммерческую форму.

Профессоръ Тале [1]) предложилъ другой критерій — раздѣленіе предписаній закона, относящихся къ товариществамъ, на распоряженія диспозитивныя и предписанія, относящіяся къ общественному порядку (ordre public). Только первыя объявляются способными къ распространенію на товарищества съ гражданскимъ предметомъ и коммерческой формой.

Такое рѣшеніе оказывается подходящимъ только для небольшого числа вопросовъ, связанныхъ со статическими вопросами существованія гражданскихъ товариществъ,— большая же часть динамическихъ элементовъ связана съ формой, усвоенной товариществами, и отражается на характерѣ ихъ операцій.

Съ точки зрѣнія изложенныхъ принциповъ, правила касающіяся положенія купца, являются безспорно правилами, относящимися къ существу и въ тоже время основанными на соображеніяхъ общественнаго порядка, предписывающаго въ этомъ отношеніи свои нормы. Поэтому до изданія закона 1893 года французская юриспруденція согласно принимала, что гражданскія товарищества съ коммерческой формой не могутъ считаться купцами и потому не обязаны вести купеческихъ торговыхъ книгъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они не могутъ быть объ-

---

[1]) Thaller, Traité éiémentaire de droit commercial. 1910, № 747.

явлены подлежащими конкурсу или судебной ликвидаціи,—ихъ подсудность опредѣляется компетенціей гражданскихъ, а не коммерческихъ судовъ.

Значеніе коммерческихъ формъ для гражданскихъ товариществъ, какъ средства пріобщенія къ связанному съ ними положенію юридическаго лица, въ 60-хъ годахъ пало благодаря новой практикѣ кассаціоннаго суда, признавшаго за гражданскими товариществами свойства самостоятельныхъ субъектовъ права. Тѣмъ болѣе эти свойства должны быть приписаны и признаны за гражданскими товариществами, усвоившими коммерческую форму.

На этомъ основаніи существованіе товариществъ съ коммерческой формой было объявлено продолжающимся до момента ихъ ликвидаціи. Поэтому и образованіе новаго общества, хотя бы составленнаго въ большей части изъ членовъ стараго, не даетъ еще основанія считать эти два товарищества слившимися между собой. Однако для общихъ выступленій такихъ гражданскихъ товариществъ каждый отдѣльный членъ товарищества долженъ былъ давать отдѣльныя полномочія. Въ началѣ 60-хъ годовъ эта практика начинаетъ измѣняться подъ вліяніемъ заключенной Франціей съ Англіей конвенціи 1862 года, допустившей дѣйствіе англійскихъ акціонерныхъ компаній на французской территоріи. Такъ какъ эти англійскія компаніи возникали у себя на родинѣ гораздо легче, чѣмъ французскія, то онѣ оказались въ привилегированномъ положеніи передъ французскими. Французскій законодатель, чтобы устранить эту ненормальность, возникшую на почвѣ международныхъ отношеній, издалъ знаменитый законъ 24-го іюля 1867-го года объ акціонерныхъ товариществахъ. Съ одной стороны, были облегчены условія ихъ возникновенія, а съ другой стороны, подробно разработаны виды такихъ товариществъ. Этотъ законодательный актъ рѣзко отразился на практикѣ гражданскихъ товариществъ, усвоившихъ себѣ акціонерную форму; съ неслыханной прежде быстротой они растутъ въ числѣ и выступаютъ въ гражданскомъ оборотѣ, какъ облеченныя полной правоспособностью. Это увлеченіе акціонерной формой повело къ тому, что и кооперативныя товарищества той эпохи отказались отъ созданія для себя особой товарищеской формы и черезъ своихъ представителей въ парламентской комиссіи и въ самомъ

парламентѣ требовали допущенія себя къ пользованію формами акціонернаго закона. Такъ возникла третья секція закона 1867-го года, вводившая во французскій обиходъ понятіе товариществъ съ перемѣннымъ капиталомъ.

Вторымъ послѣдствіемъ указаннаго закона 1867-го года было паденіе другихъ, кромѣ акціонерныхъ, формъ для торговыхъ товариществъ и соотвѣтственно съ этимъ гражданскихъ; въ результатѣ даже суды стали отказывать товариществамъ, принимавшимъ другія формы, кромѣ акціонерныхъ, въ признаніи за ними правоспособности и способности выступать сторонами въ процессѣ. Въ 1889-мъ году и кассаціонный судъ сталъ на ту же точку зрѣнія).

Благодаря этой практикѣ установилась довольно правильная точка зрѣнія, принятая доктриной, согласно которой изъ гражданскихъ товариществъ только тѣ, которыя усвоили акціонерную форму, могутъ претендовать на свойства юридической личности; и всѣ кооперативныя общества, потребительныя и производительныя а равно формы взаимнаго кредита, развиваясь въ дальнѣйшемъ, если тяготились нѣсколько акціонерной формой, какъ сопряженной съ большими формальностями и требующей довольно значительныхъ издержекъ, тѣмъ охотнѣе пользовались ею, что она открывала широкую возможность привлеченія имуществъ и капиталовъ.

Однако въ 1889-мъ году вопреки установившейся практикѣ и принятымъ въ доктринѣ воззрѣніямъ кассаціонный парижскій судъ вновь вернулся къ старой точкѣ зрѣнія и изъ систематическихъ соображеній въ двухъ рѣшеніяхъ 1891-го года и 1892-го годовъ вновь призналъ, что *всѣ* гражданскія товарищества, подобно товариществамъ торговымъ, являются юридическими лицами.

Этими рѣшеніями кассаціонный судъ вступилъ въ рѣзкій конфликтъ съ доктриной своей страны, которая по прежнему стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что товарищества гражданскаго права не обладаютъ свойствами юридическаго лица, кромѣ облеченныхъ въ форму акціонерныхъ, изъятіе которыхъ только подтверждаетъ общее правило.

---

[1]) Lyon-Caen et Renault, Traité, T. II № 128 пр. 1-ое.

Рѣшеніе кассаціоннаго суда было подвергнуто блестящей критикѣ со стороны историка французскаго права Мейніаля, къ которому присоединилось большинство писателей цивилистовъ и коммерсіалистовъ.

Практическое значеніе названныхъ рѣшеній однако не оказалось черезъ чуръ значительнымъ, такъ какъ несмотря на признаніе свойствъ юридическаго лица за просто гражданскими товариществами, не было признано право пріобрѣтать имущество по актамъ щедрости.

Совершившаяся такимъ путемъ комерсіализація гражданскихъ формъ товарищества отняла у разсматриваемаго спора характеръ борьбы за привилегіи торговаго права и перенесла центръ тяжести вниманія на столкновеніе формальныхъ предписаній съ ихъ матеріальнымъ содержаніемъ.

Констутивныя формальности, предписанныя закономъ 1867 г. для товариществъ при формѣ акціонерной или акціонерной командиты, остались въ товариществъ силѣ и для гражданскихъ, усвоившихъ коммерческую форму. Сюда относятся правила относительно полной подписки на акціи, взноса одной четверти ихъ цѣнности для того, чтобы товарищество могло считаться формально возникшимъ. По тому же основанію на такое товарищество распространяются и правила публичности, такъ какъ они касаются главнымъ образомъ формы, а съ другой стороны ихъ нельзя не признать основанными на принципахъ общественнаго порядка, предписывающаго извѣстныя строгія формальности, въ интересахъ общественнаго кредита. Допущеніе къ кредиту гражданскихъ товариществъ съ коммерческой формой очевидно должно обязывать ихъ къ подчиненію этимъ правиламъ общественнаго порядка.

Выводомъ изъ этого положенія является необходимость для гражданскихъ товариществъ съ коммерческой формой вносить свой товарищескій договоръ въ канцелярію коммерческихъ судовъ, а не въ судъ гражданскій, несмотря на то, что подсудность остается чисто гражданской.

Распространяя на такія товарищества правила акціонерныхъ товариществъ и акціонерныхъ коммандитъ, французская практика распространила на нихъ и пра-

вила провѣрки и ревизіи состоянія кассы и взносовъ, установленныя для акціонерныхъ товариществъ. Развивая дальше эти положенія, практика признала, что даже статуты товарищества не могутъ отмѣнять положеній, предписанныхъ закономъ 1867 г., въ особенности относительно назначенія комиссаровъ-наблюдателей на первомъ общемъ собраніи.

Болѣе споровъ возбуждалъ вопросъ, какого рода отвѣтственность гражданская или уголовная должна быть распространяема на учредителей и администраторовъ гражданскаго товарищества съ коммерческой формой.

Принимая во вниманіе чрезвычайно строгій характеръ предписаній закона 1867 г., судебная практика высказала тенденцію отмѣнить примѣненія ихъ къ гражданскимъ товариществамъ съ коммерческой формой и пользоваться преимущественно предписаніями общаго права.

На этомъ же основаніи солидарность, предписываемая торговымъ закономъ, исключена для товариществъ гражданскихъ въ такой формѣ, кромѣ случаевъ противоположныхъ соглашеній. Такимъ образомъ для суда условіемъ примѣненія салидарной отвѣтственности учредителей является доказательство коммерческаго характера самаго общества или наличность принятія учредителями солидарной отвѣтственности передъ третьими лицами.

Принципъ свободы соглашенія неограниченно приложимъ къ внутреннимъ отношеніямъ такихъ товариществъ. Поэтому принятіе формы анонимнаго товарищества или акціонерной командиты уполномочиваетъ управителя или администрацію привлекать акціонеровъ или командитистовъ къ образованію товарищескаго имущества только въ предѣлахъ ихъ взносовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, акціи, выпускаемыя такими товариществами, передаваемы въ такой же мѣрѣ, какъ и бумаги торговыхъ товариществъ. Именныя акціи передаются путемъ трансферта, отмѣчаемомъ въ товарищеской книгѣ, хотя бы при этомъ и отсутствовала требуемая гражданскимъ закономъ передаточная надпись уступающаго, и Тале указываетъ, что способность передавать невещественныя права согласно правиламъ торговаго права одинаково свойственна всѣмъ цѣннымъ бумагамъ, какъ гражданскимъ, такъ и торговымъ. Пра-

вило это вытекаетъ изъ принципа автономіи контрагентовъ. [1])

Болѣе труднымъ представляется вопросъ о мѣрѣ отвѣтственности товарищей при этой формѣ по отношенію къ третьимъ лицамъ, вступившимъ въ соглашеніе съ товариществомъ. Должна ли она регулироваться правилами гражданскаго или торговаго права? Для опредѣленія важности вопроса достаточно напомнить, какое различіе въ этомъ отношеніи существуетъ между гражданскимъ и торговымъ товариществомъ. Въ гражданскомъ товариществѣ характерной является личная отвѣтственность каждаго въ неограниченномъ размѣрѣ передъ третьими лицами, вступившими въ договоръ съ товариществомъ. Наоборотъ, въ товариществѣ торговомъ, каждый товарищъ-акціонеръ или командитистъ отвѣчаетъ только въ размѣрѣ своего взноса, и третье лицо можетъ обращать свое взысканіе только на товарищеское имущество.

Несмотря, однако, на это различіе, дѣлались попытки установить общее начало для обѣихъ формъ. Такъ, несомнѣнно, и члены товарищества гражданскаго могутъ путемъ спеціальнаго соглашенія со своими кредиторами выговорить, что они отвѣчаютъ по долгамъ товарищества только въ предѣлахъ своихъ взносовъ. Другими словами, кредиторы могутъ предъявлять искъ только къ товарищескому имуществу, а не къ личному имуществу каждаго изъ товарищей.

При наличности слѣдовательно спеціальнаго соглашенія съ кредиторами товарищества являлась бы возможнымъ отмѣна дѣйствія ст. 1863 Code civil введеніе въ учредительный актъ гражданскаго товарищества такого пункта, по которому солидарности между акціонерами не существуетъ, они не могутъ быть привлечены къ пополненію товарищескаго имущества въ размѣрахъ, превышающихъ выпускную цѣнность ихъ акцій.

Такова была новая цѣль примѣненія торговыхъ формъ къ гражданскимъ товариществамъ — удовлетворить и въ недрахъ гражданскаго оборота тенденціи къ ограниченію размѣровъ отвѣтственности. Допущеніе закономъ выпуска акцій для гражданскихъ товариществъ должно рождать у ихъ контрагентовъ и пріобрѣтателей совер-

---

[1]) Thaller, Traite № 748.

шенно опредѣленное представленіе о размѣрѣ отвѣтственности товарищества. Независимо отъ внутренней организаціи и объекта дѣятельности такого товарищества, форма акціи указываетъ заранѣе на ограниченную отвѣтственность и самый договоръ подписки на акціи предполагаетъ невозможность требовать съ акціонеровъ болѣе, чѣмъ его взносъ. Правда, на пути такого толкованія стоятъ статьи общаго права, напр., 2092 Code civil, согласно которой должникъ по своему долгу отвѣчаетъ всѣмъ своимъ имуществомъ, но ее можно было признать недѣйствующей по отношенію къ гражданскимъ товариществамъ съ коммерческой формой. Предписанія ст. 2092 не продиктованы соображеніями общественнаго порядка, и ничто не мѣшаетъ должнику напередъ ограничить свою отвѣтственность и предоставить своимъ кредиторамъ въ качествѣ гарантій ту или иную часть своего имущества. Это ограниченіе, въ сущности, и есть тотъ подразумѣваемый элементъ, который составляетъ главное содержаніе договора подписки на акціи [1]).

Однако такая судебная практика во Франціи не встрѣтила одобренія со стороны кассаціоннаго суда, который до изданія закона 1 авг. 1893 г. прилагалъ безраздѣльно ст. 1863 Code civil ко всякимъ гражданскимъ товариществамъ, усвоившимъ себѣ коммерческую форму, и признавалъ недѣйствительнымъ всякое соглашеніе, ограничивающее отвѣтственность передъ кредиторами товарищества.

Соглашенія подобнаго рода, — совершенно дѣйствительны по отношенію къ самимъ товарищамъ, но не производятъ никакого дѣйствія по отношенію къ третьимъ лицамъ, не принявшимъ такого спеціальнаго соглашенія. Даже публикація статутовъ не можетъ въ этомъ отношеніи ничего измѣнить, такъ какъ публикація статутовъ, не предписанная для гражданскихъ товариществъ, не можетъ измѣнить ни въ чемъ правъ третьихъ лицъ по отношенію къ товариществу [2]).

---

[1]) Vavasseur, t. II. № 352, Thaller, Traité № 753.

[2]) Правда путемъ соглашенія съ отдѣльными кредиторами можно получить ихъ согласіе на такое ограниченіе отвѣтственности. Но путь договорнаго ограниченія ставить самъ границы этому способу. Онъ очевидно не можетъ ограничить отвѣтственности по требованіямъ внѣ договорнаго происхожденія. Гражданскій характеръ операцій товарищества отразился и на степени гарантій общественнаго кредита и отвелъ значеніе торговыхъ формъ въ совершенно ясныя границы.

По вопросу о прекращеніи и ликвидаціи гражданскаго товарищества съ коммерческой формой рѣшающими являются, конечно, положенія, относящіяся къ торговому товариществу, такъ какъ прекращеніе товарищества есть вопросъ формальный, а потому тѣ причины, которыя прекращаютъ гражданское товарищество на основаніи мотивовъ личныхъ, не могутъ быть примѣнимы въ гражданскомъ товариществѣ съ коммерческой формой.

Наоборотъ, что касается сокращенія размѣровъ давности исковъ къ отдѣльнымъ членамъ до 5 лѣтъ вмѣсто обычной 30-лѣтней, то господствующее мнѣніе считаетъ, что это сокращеніе дѣйствуетъ исключительно для товариществъ торговыхъ и является продиктованнымъ соображеніями общественнаго порядка, почему не можетъ быть распространено на гражданскія товарищества съ коммерческой формой.

Законъ 1893 г. въ ст. 68 подвелъ гражданскія товарищества, усвоившія коммерческую форму, еще дальше по пути ихъ коммерсіализаціи. Толчкомъ къ этому послужила несостоятельность товарищества, основаннаго для прорытія Панамскаго перешейка и выпустившаго свой капиталъ въ формѣ акцій. Несостоятельность этого товарищества сопровождалась огромными финансовыми потрясеніями и вызвала столкновеніе двухъ сторонъ юрисдикцій. Многочисленные кредиторы среди французскаго общества настаивали, чтобы ликвидація произошла въ формахъ торговой несостоятельности; подчиняясь требованію общественнаго мнѣнія, французскій парламентъ издалъ особый законъ 1-го іюля 1893 года, подчинившій спеціально это товарищество правиламъ торговой ликвидаціи. Въ связи съ этимъ былъ изданъ законъ 1-го августа 1893 года, объявившій, что всѣ товарищества, принявшія „независимо отъ ихъ объекта“ формы, установленныя торговымъ кодексомъ или настоящимъ закономъ, считаются торговыми и подчиняются законамъ и обычаямъ торговли.

Но и послѣ изданія закона 1893 года коммерсіализація гражданско-правовыхъ товариществъ на основаніи ст. 68 не распространялась на всѣ формы товариществъ съ гражданскими объектами, если они присвоили себѣ торговую форму. Во-первыхъ, предѣлъ этой коммерсіализаціи былъ установленъ самимъ закономъ, который до-

пускаетъ къ пользованію только формами акціонернаго товарищества и акціонерной командиты. Наоборотъ, товарищества, усвоившія себѣ форму простой командиты, вызвали въ литературѣ значительную контроверзу. По мнѣнію большинства писателей [1]), эти товарищества остаются подчиненными дѣйствію стараго режима. Съ одной стороны, въ пользу этого говорятъ подготовительныя работы по изданію закона 1893 года; съ другой стороны, только акціонерная форма является формой коммерческой по премуществу и наиболѣе приспособленной къ торговымъ спекуляціямъ. На нихъ поэтому не распространились постановленія гражданскаго права, наоборотъ, общее право продолжаетъ прилагаться къ гражданскимъ товариществамъ, коммерсіализировавшимся по другимъ типамъ. Противоположное мнѣніе ассимилировало простую командиту съ акціонерной на томъ основаніи, что самъ законъ не производитъ различія между этими видами командитъ [2]). Въ этомъ отношеніи исторія кооперативнаго законодательства, начиная съ закона 1867 года, вся направлялась въ сторону коммерсіализаціи этой формы товарищескихъ соединеній. Однако тѣ гражданскія товарищества, которыя усвоили форму товариществъ полныхъ или товариществъ съ участіемъ въ прибыляхъ, остаются и при дѣйствіи закона 1893 года безусловно гражданскими.

То же самое исключеніе проводится по отношенію къ сохранившимся старымъ гражданскимъ товариществамъ, которыя раздѣлили свой основной капиталъ на акціи и усвоили, вмѣстѣ съ тѣмъ, форму акціонернаго товарищества или командиты, каковыя, напримѣръ, товарищества, эксплуатаціи каменоугольныхъ копей Сѣвернаго департамента и департамента Па-де-Кале.

Такимъ образомъ, положеніе, созданное закономъ 1893 года для гражданскихъ товариществъ, является слѣдующимъ. Они могутъ выбирать между гражданской или торговой формами. Старыя командиты, и акціонерныя товарищества въ первомъ случаѣ остаются гражданскими, образуются свободно и опредѣляютъ какъ имъ угодно форму, стоимость, порядокъ выпуска, оплаты и передачи акціи. Въ этомъ случаѣ они подчиняются общимъ прин-

---

[1]) Thaller, № 758.
[2]) Rousseau, т. I, № 1087.

ципамъ гражданскаго права, въ частности статьи 1863 по вопросу объ индивидуальной отвѣтственности товарищей передъ третьими лицами.

Во второмъ случаѣ они становятся коммерческими и подчиняются законамъ и обычаямъ торговли, въ особенности въ вопросѣ своего устройства и функціонированія, согласно закону 1867 и 1893 годовъ.

Формальное признаніе товариществъ акціонерныхъ и командитныхъ торговыми и подчиняющимися законамъ и обычаямъ торговли ведетъ еще къ тому, что они должны удовлетворять всѣмъ формальностямъ, установленнымъ торговымъ кодексомъ и законами 1867 и 1893 гг. Съ другой стороны, они подчинены въ своей функціи всѣмъ предписаніямъ, вытекающимъ изъ качества купца. Отсюда для нихъ обязанность вести торговыя книги, коммерческая подсудность для споровъ между ихъ членами, примѣненіе 5-лѣтней давности, отвѣтственность передъ третьими лицами по законамъ торговымъ и, наконецъ, въ случаѣ прекращенія платежей, подчиненіе порядкамъ конкурснаго производства и судебной ликвидаціи.

Несмотря на такую широту формальныхъ послѣдствій, выступаетъ вопросъ, считать ли акты, совершаемые товариществами такого типа, торговыми или утверждать, что они сохраняютъ въ силу своего объекта гражданскій характеръ? Вопросъ этотъ возбуждаетъ горячія контраверзы, и его разрѣшеніе, далекое отъ однообразія практически приводитъ къ совершенно различнымъ выводамъ по цѣлому ряду вопросовъ. Во-первыхъ, относятся ли иски, предъявляемые третьими лицами противъ товарищества, къ подсудности коммерческихъ или гражданскихъ судовъ; во-вторыхъ, устанавливаются ли доказательства тѣми способами, которые намѣчены 109 статьей коммерческаго кодекса или только согласно предписаніямъ статьи 1341 гражданскаго кодекса; въ-третьихъ, остается ли предѣлъ процента по займамъ, совершаемымъ такими обществами свободнымъ, согласно закону 11 іюля 1886 г. или къ нему приложимъ законъ 3 сент. 1807 г., ограничивающій размѣръ процента; въ-четвертыхъ, подчиняется ли залогъ для такихъ товариществъ дѣйствію ст. 2071 и слѣдующихъ гражданскаго кодекса или регулируется ст. 91 и слѣд. торговаго кодекса; наконецъ, въ-пятыхъ, подлежатъ ли продажа движимаго

имущества и публичные торги въ случаѣ спора уплатѣ пропорціональнаго налога и фискальнымъ сборамъ, установленнымъ закономъ 11 іюля 1851 года?

По всѣмъ этимъ вопросамъ въ литературѣ опять-таки раздаются сомнѣнія. По одной системѣ всѣ акты товариществъ, коммерсіализировавшихся по закону 1897 г., признаются торговыми. По мнѣнію представителей этого взгляда, законодатель объявилъ коммерческой только форму такихъ товариществъ, но совершенно не занялся характеромъ актовъ, совершаемыхъ этими товариществами. Поэтому они сохраняютъ безусловно свой гражданскій характеръ [1]). Наоборотъ, съ точки зрѣнія второй системы коммерсіализація гражданскихъ товариществъ акціонерныхъ или командитныхъ необходимо распространяется на всякій актъ, совершаемый этимъ товариществомъ, такъ что всѣ эти акты должны разсматриваться какъ акты торговые [2]). Это воззрѣніе основывается, главнымъ образомъ, на предварительныхъ работахъ и рѣчахъ докладчиковъ въ Сенатѣ и Палатѣ, которые по этому поводу высказывались за абсолютную компетенцію коммерческихъ судовъ. Съ другой стороны, духъ новаго закона, имѣющаго цѣлью положить конецъ колебаніямъ и содѣйствовать кредиту этихъ товариществъ и воспрепятствовать злоупотребленіямъ по отношенію къ третьимъ лицамъ, заставляетъ склониться въ пользу такого рѣшенія. Коммерсіализація всѣхъ актовъ гражданскаго товарищества можетъ въ значительной мѣрѣ усилить ихъ кредитъ. И третьи лица значительно пострадали бы, если бы у нихъ было отнято преимущество коммерческой юрисдикціи, на которую они могутъ разсчитывать, въ виду формы товарищества, съ которымъ они заключаютъ свои сдѣлки. Вся серія вопросовъ раздѣлявшихъ прежде практику разрѣшена изданіемъ закона 1893.

Однако нужно признать, что законъ не разрѣшаетъ всего матеріала, и изъ практики жизни могутъ выдвинуться вопросы конфликтнаго характера подлежащіе разрѣшенію предѣловъ, установленнымъ для примѣненія формальныхъ предписаній закона, и тѣмъ ограничивающіе дѣйствіе внѣ легальной фикціи.

---

[1]) Lyon Caen et Renault, t. II, прим. № 49.
[2]) Thaller, № 760.

Такъ Тале впослѣдствіи отказался отъ своего категорическаго мнѣнія и въ одной статьѣ ограничиваетъ коммерческій характеръ актовъ, совершаемыхъ акціонерными товариществами по обороту недвижимостей. Купля-продажа недвижимости, говоритъ онъ, по необходимости создаетъ акты гражданскіе. Свойство самаго объекта препятствуетъ ея коммерсіализаціи. Званіе купца на сторонѣ тѣхъ, кто заключаетъ сдѣлку, не можетъ здѣсь ничего измѣнить.

Однако партизаны новой реформы настаиваютъ на томъ, что легальную фикцію нужно распространить и на тѣ объекты, иначе была бы парализована дѣятельность реформы по отношенію къ очень важному разряду товариществъ, именно товариществъ горныхъ, строительныхъ, товариществъ покупки и продажи недвижимости и земледѣльческой эксплуатаціи. Товарищества, ставшія коммерческими по формѣ, должны испытывать воздѣйствіе этой формы и на всѣ свои сдѣлки [2]).

II.

Въ Германіи рядомъ послѣдовательныхъ законовъ отдѣльныя категоріи гражданскихъ товариществъ были объявлены купцами, независимо отъ свойства ихъ предпріятій. Въ 1867 г. къ этой категоріи были отнесены хозяйственныя и промышленныя товарищества, въ 1870 г. акціонерныя товарищества и акціонерныя командиты съ соотвѣтствующимъ измѣненіемъ редакціи ст. 174 и 208 торговаго уложенія, въ 1892 г. товарищества съ ограниченной отвѣтственностью и, наконецъ, законъ 1901 года распространилъ предписанія торговаго уложенія на общества взаимнаго страхованія.

Въ родственномъ австрійскомъ законодательствѣ, въ противоположность германскому, хозяйственныя и промышленныя товарищества пріобрѣтаютъ качества купца только въ томъ случаѣ, если ихъ предпріятіе цѣликомъ или отчасти имѣетъ своимъ предметомъ торговыя сдѣлки. То же самое признается и относительно акціонер-

---

[1]) Annales de droit commercial, 1894 г., кн. 2, стр. 129.
[2]) Lacour, Prec. de droit commercial, стр. 421.

ныхъ товариществъ. Такимъ образомъ было опредѣлено положительнымъ законодательствомъ германской группы положеніе гражданскихъ товариществъ, усвоившихъ торговыя формы, параллельно съ работой надъ положеніемъ такихъ же товариществъ во Франціи французской практики до изданія закона 1893 г. [1]),

Торжество формальнаго объединенія гражданскихъ и торговыхъ товариществъ привело къ установленію въ германской доктринѣ понятія „купцовъ по формѣ" (Formkaufleute, по терминологіи Гирке). Торжество формальнаго принципа открывало перспективу систематическаго объединенія различныхъ институтовъ торговаго оборота. Введеніе названными законами еще обязательной регистраціи для всѣхъ этихъ товариществъ, поставленное теоретиками въ связь съ § 5 HGB, привело къ признанію конститутивной силы занесенія въ реестръ. Изученіе объективныхъ признаковъ, коими опредѣляется промыселъ предпріятія, положеніе въ оборотѣ стало отступать въ теоретическихъ работахъ передъ формальнымъ анализомъ,

Имперскій судъ (LXV n⁰ 97) смягчаетъ эту односторонность и признаетъ, что освѣдомленность третьихъ лицъ о дѣйствительномъ положеніи можетъ отмѣнить дѣйствіе легальной презумціи.

Изъ комментаторовъ торговаго уложенія Штаубъ не раздѣляетъ исключительно формальной точки зрѣнія. Согласно ему, примѣненіе формальнаго принципа еще не обозначаетъ, что всякое предпріятіе купца по формѣ непремѣнно будетъ торговымъ, разъ это противорѣчитъ объективнымъ признакамъ его дѣятельности.

Штаубъ въ частности предлагаетъ проводить различіе между предписаніями, которыя относятся къ всякимъ купцамъ, безразлично и независимо отъ характера ихъ промысла, и тѣми предписаніями, для примѣненія которыхъ необходима наличность именно торговаго промысла. Первыя предписанія примѣняются ко всякимъ купцамъ по формѣ безъ различія; предписанія же, предполагающія торговый промыселъ, въ свою очередь распадаются по области примѣненія на группы промысловъ, которыя разсматриваются, согласно § 5 торговаго уложенія, какъ

---

[1]) Thaller, Traite.

торговый промыселъ на томъ основаніи, что купецъ по формѣ внесенъ въ торговый реестръ. Поэтому къ такому купцу прилагаются всѣ положенія, примѣняемыя къ торговому промыслу. Наоборотъ, если онъ не осуществляетъ никакого промысла, наприм., содержитъ библіотеку для народа или основываетъ ложу массоновъ, то эти предписанія къ нему не примѣняются [1]).

Однако, среди теоретиковъ-коммерсіалистовъ новѣйшаго времени распространяется стремленіе опредѣлять торговый промыселъ не въ зависимости отъ объективныхъ признаковъ характера предпріятія, осуществляемаго купцомъ въ формальномъ смыслѣ, а на основаніи формальныхъ признаковъ. Отъ введенія этихъ признаковъ матеріалъ торговаго права, вѣчно растущій и расширяющійся въ объемѣ спеціальными законами, хотя выигрываетъ въ смыслѣ внѣшняго объединенія, но проигрываетъ въ практическомъ примѣненіи благодаря неясности границъ, гдѣ кончается возможность примѣненія формальныхъ критеріевъ.

Писатели этого направленія, наприм., Вольфъ [2]), считаютъ, что торговый промыселъ не ограничивается только тѣми группами предпріятій, которыя перечислены въ §§ 1 по 3 германскаго торговаго уложенія, но признаютъ, что усвоеніемъ торговыхъ формъ совершенно непромышленное занятіе или профессія дѣлаются предметомъ торговаго предпріятія, наприм., хозяйственная дѣятельность безъ цѣли полученія прибыли кооперативныхъ товариществъ или народныхъ библіотекъ и аналогичныхъ организацій. Если такого рода союзы принимаютъ форму, установленную для акціонерныхъ товариществъ или товариществъ съ ограниченной отвѣтственностью, то, несмотря на несоотвѣтствіе ихъ занятій и промысловъ съ признаками, установленными статьями 1—3 торговаго уложенія, они все-таки должны быть признаваемы занятыми торговымъ промысломъ. Правда, Вольфъ признаетъ, что законъ явно этого нигдѣ не выражаетъ, такъ какъ вообще не занимается опредѣленіемъ понятія торговаго промысла. Но первую статью уложенія нельзя толковать, будто купцомъ признается лишь тотъ,

---

[1]) Staub. Commentar, п. 20 и д. къ § 13.
[2]) M. Wolff въ наз. Festgabe, т. II, стр. 168.

кто ведетъ торговый промыселъ, купцомъ—и въ особенности купцомъ по формѣ—будетъ считаться и тотъ, кто не ведетъ торговаго промысла въ тѣсномъ смыслѣ закона. Указанные выше купцы по формѣ (промышленныя и торговыя товарищества, страховыя взаимныя общества и акціонерныя товарищества и командиты) не ведутъ торговаго промысла, однако, было бы слишкомъ непрактичнымъ, если бы признаніе купцами по формѣ облегчало бы ихъ положеніе только съ точки зрѣнія тѣхъ правъ, которыя связаны съ званіемъ купца, наприм., право вступать въ контокорентные счета съ другими купцами, выпускать передаваемыя бумаги и др. (см. §§ 355, 363 и 362 HGH). Даже обязанность вести торговыя книги разсматриваемыя въ строгомъ смыслѣ слова, можетъ свестись къ очень ограниченному кругу дѣйствій, если сдѣлки купца по формѣ будутъ по объективнымъ признакамъ такого рода, что занесеніе ихъ въ книги не будетъ представлять обозримаго матеріала о состояніи предпріятій.

Въ виду этого, утверждаетъ Вольфъ, важна не только эта внѣшняя сторона правъ и обязанностей купца, существенно и то, что благодаря усвоенію коммерческой формы измѣняются внутреннее строеніе предпріятія. Въ частности для него является безспорнымъ, что отчужденіе предпріятія принадлежащаго купцу по формѣ, есть торговая сдѣлка съ послѣдствіями указанными въ § 25 торговаго уложенія. Еще болѣе важнымъ въ практическомъ смыслѣ вопросъ объ объемѣ полномочій прокуристовъ и торговыхъ уполномоченныхъ, назначаемыхъ и посылаемыхъ купцами по формѣ. Торговое право обезпечиваетъ имъ очень широкую свободу по обязыванію хозяина предпріятія. Между тѣмъ такая широта совершенно несовмѣстима съ характеромъ дѣятельности гражданскихъ товариществъ съ торговыми формами. Составленныя изъ лицъ неопытныхъ въ торговомъ оборотѣ, они въ рукахъ недобросовѣстныхъ уполномоченныхъ и прокуристовъ, если понимать полномочія послѣднихъ въ смыслѣ торговаго уложенія, могли бы попасть прямо въ положеніе, ведущее къ гибели всего дѣла. Распространеніе на такихъ представителей положеній торговаго права можетъ далѣе очень чувствительно отразиться съ финансовой стороны на промысловомъ обложеніи гражданскихъ товариществъ, вынужденныхъ прибѣгать къ ихъ услугамъ.

Къ той же самой области внутреннихъ послѣдствій формальнаго принципа относится право гражданскихъ товариществъ, усвоившихъ торговую форму, имѣть приказчиковъ и торговыхъ учениковъ, привлекать въ свой составъ вкладчиковъ и, наконецъ, въ особенности, заключать торговыя сдѣлки. Всѣ торговыя сдѣлки купца по формѣ, относящіяся къ производству и осуществленію его предпріятія, являются сдѣлками торговыми (§ 343 торговаго уложенія).

Однако, и самъ Вольфъ чувствуетъ, что такое подчиненіе, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго положенія гражданскаго товарищества одной изъ перечисленныхъ въ торговомъ правѣ формъ, не можетъ быть толкуемо въ томъ смыслѣ, что всѣ сдѣлки такого купца должны презюмироваться, какъ торговыя, и онъ перечисляетъ отдѣльные виды сдѣлокъ, которыя, очевидно, не относятся къ осуществленію предпріятія (предоставленіе принадлежащаго акціонерному товариществу участка для игры въ теннисъ и т. д).

Чтобы объяснить случаи, гдѣ неторговый характеръ отношеній и сдѣлокъ такъ ясно бросается въ глаза, Вольфъ пользуется способомъ фикцій. Онъ полагаетъ, что такія явленія и исключенія могутъ быть только единичными, и благодаря этому они не вносятъ никакого измѣненія въ предметъ предпріятія. Не направленныя на продолжительное осуществленіе, они по фикціи приращенія поглощаются той группой сдѣлокъ и отношеній, которыя обнимаются общимъ формальнымъ понятіемъ торговаго промысла.

Позицію, занятую Вольфомъ, можно очертить такъ: послѣднее движеніе германскаго законодательства сообщило цѣлому разряду гражданско-правовыхъ товариществъ свойства купца по формѣ. Свойство это покоится на фикціи закона, открывшей этимъ путемъ гражданскимъ товариществамъ возможность пользоваться преимуществами торговыхъ товариществъ въ области кредита и внѣшнихъ отношеній. Для достиженія этихъ цѣлей необходимо легальную фикцію купеческаго званія распространить и на промыселъ такихъ купцовъ и объявить его во всякомъ случаѣ торговымъ промысломъ, независимо отъ объекта и характера предпріятія. Мы, очевидно, имѣемъ здѣсь дѣло со второй фикціей, но уже

построенной не на основаніи легальныхъ предписаній, а выведенной какъ послѣдствіе изъ предпосылки, установленной закономъ.

Уже съ логической точки зрѣнія такое широкое примѣненіе метода фикціи представляется сомнительнымъ техническимъ пріемомъ.

Съ другой стороны, и практическія послѣдствія, съ которыми связывается этотъ техническій пріемъ, возбуждаютъ сомнѣніе въ возможность такого поспѣшнаго обобщенія формальнаго критерія въ ущербъ объективнымъ элементамъ и свойствамъ предпріятія.

Такъ положеніе уполномоченнаго въ какомъ-либо гражданскомъ товариществѣ или предпріятіи, напр., кооперативномъ товариществѣ, можетъ позволить ему предпринимать любыя сдѣлки даже въ томъ случаѣ, если ему воспретитъ это правленіе товарищества, предполагая, что контрагентъ не зналъ объ этомъ воспрещеніи. (§ 54 торговаго уложенія). Представитель строительнаго товарищества оказывается можетъ заключать вполнѣ самостоятельныя сдѣлки при поставкѣ строительнаго матеріала съ поставщиками, подрядчиками и рабочими по поводу постройки зданій, независимо отъ того, какую цѣль преслѣдуетъ товарищество, благотворительную или чисто спекулятивную.

Съ другой стороны, акціонерное товарищество съ гражданскимъ характеромъ предпріятія окажется настолько связаннымъ, съ одной стороны, предписаніями, опредѣляющими дѣятельность аналогичныхъ торговыхъ предпріятій, съ другой,—опредѣленіями цѣли въ уставѣ и распространеніемъ на эти цѣли формальныхъ признаковъ торговаго предпріятія. Всякая сдѣлка. совершенная внѣ этихъ рамокъ, окажется совершенно посторонней данному товариществу, напр., совершеніе сдѣлокъ по даренію въ пользу опредѣленнаго лица отъ имени промышленнаго товарищества. Такія сдѣлки могутъ быть не только предполагаемы, но и очень часто встрѣчаются въ гражданскихъ товариществахъ, преслѣдующихъ идеальныя цѣли, и изъ такихъ отдѣльныхъ сдѣлокъ образуется опредѣленный комплексъ дѣйствій, совершенно видоизмѣняющихъ торговый характеръ предпріятія. Въ особенности это имѣетъ значеніе для такихъ организацій, которыя благодаря недостаточности средствъ медленно

развиваются, пока не разовьются окончательно въ сложившіяся организаціи, крѣпкіе союзы лицъ. Въ такихъ случаяхъ для нихъ, очевидно, понадобится постоянное измѣненіе статутовъ. Будучи приведено въ соотвѣтствіе съ новыми цѣлями, оно должно будетъ еще учитывать послѣдствія торговыхъ формъ разсчитанныхъ главнымъ образомъ на союзы капиталовъ. Лишь поскольку такая дѣятельность является аксессорной и можетъ быть объяснена еще новой фикціей прекращенія, можно довольствоваться полномочіями правленія безъ созыва общаго собранія, чтобы сдѣлать необходимыя измѣненія статутовъ.

Все это приводитъ къ заключенію, что формальная точка зрѣнія на промыселъ гражданскаго товарищества, пользующагося торговыми формами, не можетъ быть послѣдовательно проведена безъ того, чтобы не нарушить внутреннихъ основъ жизни такихъ товариществъ и не задерживать ихъ свободнаго развитія въ интересахъ гражданскаго оборота.

III.

Весь смыслъ совершившагося какъ во французскомъ, такъ и въ германскомъ законодательствахъ движенія въ пользу распространенія торговой формы на гражданскія товарищества имѣетъ только то значеніе для товариществъ гражданскихъ, что оно освободило эти товарищества отъ подчиненія несовершенному типу съ тѣми очень неопредѣленными чертами которыя установили французскій Code civile и Gemeines Recht. Правда, дѣятельность статутовъ позволяла въ отдѣльныхъ случаяхъ вводить нѣкоторое различіе, но они опять устанавливались здѣсь для внутреннихъ отношеній и не могли распространяться на существо товарищескихъ отношеній и на тѣ правила, которыя регулируютъ отношенія товарищей между собою и съ третьими лицами, въ особенности въ области кредита, гдѣ опредѣленіе мѣры личной отвѣтственности является столь важнымъ.

Преимущество коммерческой формы оборота состоитъ въ томъ, что учредители товарищества могутъ выбирать одинъ изъ многочисленныхъ уже выработавшихся типовъ съ совершенно опредѣленными чертами, соотвѣтствую-

щими по возможности объективнымъ элементамъ преслѣдуемой товариществомъ цѣли. Каждый изъ этихъ типовъ производитъ особыя спеціальныя послѣдствія, характеръ и свойства которыхъ отчеканиваются не только въ разныхъ отдѣлахъ торговаго кодекса, но и составляютъ предметъ отдѣльныхъ законовъ. Здѣсь обработка идетъ, начиная отъ основныхъ принциповъ вплоть до послѣднихъ консеквенцій, и правила, выработанныя такимъ образомъ, даютъ возможность приспособлять ихъ къ самымъ разнообразнымъ нуждамъ. Опредѣленность юридическихъ положеній и отвѣтственности, свойственныя созданіямъ торговыхъ правъ увеличиваютъ и ихъ кредитъ и довѣріе въ обществѣ.

Усвоеніе извѣстной формы торговаго права поддерживается еще правилами о регистраціи. Опубликованныя во всеобщее свѣдѣніе, открытыя для пользованія всѣхъ заинтересованыхъ, товарищества тѣмъ самымъ раскрываютъ характеръ своей юридической природы и тѣ мѣры, которыя прямо опредѣлены для товарищей въ отношеніи ихъ отвѣтственности передъ третьими лицами. Степень же коммерческаго риска и удачи остаются одинаковыми для этихъ товариществъ съ гражданскими.

Новое формальное движеніе въ своей попыткѣ распространенія фикцій грозитъ отвратить отъ изслѣдованія внутреннихъ свойствъ организаціи такихъ товариществъ, и тѣмъ можетъ обезцѣнить значеніе всѣхъ преимуществъ торговой формы.

Съ другой стороны оно закрываетъ глаза на необходимость примѣненія аналитическаго метода, который одинъ въ частномъ правѣ лежитъ въ основѣ всякаго обобщенія и выражается въ строгомъ изслѣдованіи сдѣлокъ и отношеній, въ которыя выступитъ та или иная организація.

По отношенію къ строительнымъ товариществамъ формальный методъ объединенія привелъ Вольфа только къ заключенію, давно уже было формулированному германской литературой, что сдѣлки съ недвижимостью вообще въ дѣятельности и отдѣльныхъ купцовъ не могутъ считаться торговыми, а потому не могутъ быть такими и въ дѣятельности товариществъ. А между тѣмъ, какъ объяснить съ этой точки зрѣнія различіе строительныхъ товариществъ, спекулирующихъ на мобили-

заціи недвижимости, отъ товариществъ созданныхъ въ филантропическихъ цѣляхъ, именно для предоставленія пользованія застроенной недвижимостью необезпеченнымъ кругамъ общества.

Французская практика, медленное, но вѣрное развитіе пріемовъ которой мы отмѣтили въ первой главѣ, подошла къ этому вопросу аналитически и дала такіе результаты, которые, съ одной стороны, выясняютъ гражданскій характеръ филантропическихъ строительныхъ товариществъ, а съ другой,—устраняютъ затрудненія, связанныя съ исключеніемъ сдѣлокъ по недвижимости изъ круга торговаго оборота [1]).

Привлеченію объективныхъ признаковъ къ изслѣдованію внутренней природы гражданскаго товарищества съ торговыми формами приходится отвести значительное мѣсто въ юридическомъ изслѣдованіи ихъ, благодаря тому, что союзное право и законодательство расширяется еще въ сторону умноженія формъ и созданія на ряду коммерческими товариществами новыхъ свободныхъ формъ ассоціаціи.

Франція на ряду съ товариществами торговаго типа и гражданскими организаціями, усвоившими этотъ типъ, въ законѣ 1901 года создала категоріи свободныхъ ассоціацій, преслѣдующихъ идеальныя цѣли. Подъ условіемъ публикаціи и регистраціи эти товарищества пріобрѣтаютъ свойства юридическихъ лицъ, слѣдовательно могутъ осуществлять хозяйственныя и промышленныя цѣли, поскольку они способствуютъ достиженію цѣлей идеальныхъ. И тутъ формальный принципъ ничего не можетъ дать, а скорѣе только затруднитъ изслѣдованіе внутренняго строенія и внѣшнихъ отношеній такихъ товариществъ.

То же самое явленіе нашло себѣ выраженіе въ германскомъ гражданскомъ уложеніи, гдѣ за союзами съ идеальными цѣлями въ случаѣ ихъ внесенія въ реестръ, признается право вступать въ гражданскій оборотъ. Но еще болѣе недостаточность и ограниченность формальныхъ критеріевъ торговаго оборота явствуетъ изъ наличности третьяго типа союзной организаціи, занимаю-

---

[1]) См. Thaller, Traité n 760, Arthays, т. I, стр. 176 и весь вообще вопросъ P. Pic. Societés commerciales, т. I, стр. 168.

щаго среднее мѣсто между товариществомъ съ чисто-коммерческими цѣлями и союзомъ съ идеальными цѣлями. Мы разумѣемъ непереводимое на русскій языкъ понятіе Genossenschaften. Въ противоположность получившему такую разработку въ германской литературѣ коммерческому союзу капиталовъ, это—союзъ лицъ, который преслѣдуетъ главнымъ образомъ цѣли взаимной поддержки. Эта идеальная цѣль достигается хозяйственными средствами, совмѣстнымъ вступленіемъ въ экономическій оборотъ въ цѣляхъ улучшенія всего строя хозяйственной жизни входящихъ въ его составъ членовъ. Для этихъ товариществъ германское право выработало особый законъ, и ихъ собственная дѣятельность создала многообразныя формы, и если оглашеніе послѣднихъ въ торговый реестръ и даетъ основаніе относить такія товарищества къ купцамъ по формѣ, то вся внутренняя дѣятельность можетъ быть освѣщена не съ точки зрѣнія распространенія принциповъ формальной принадлежности къ торговому промыслу, а изслѣдованіемъ тѣхъ особыхъ цѣлей и особыхъ средствъ, которыя въ предѣлахъ закона каждая изъ такихъ организацій развиваетъ какъ во внутреннихъ отношеніяхъ, такъ и вовнѣ.

В. А. Краснокутскій.

Тридцать первый съѣздъ нѣмецкихъ юристовъ.

Однимъ изъ крупныхъ и замѣтныхъ событій недавняго времени въ юридическомъ мірѣ является тридцать первый общенѣмецкій съѣздъ юристовъ, происходившій въ Вѣнѣ съ 3 по 6 сентября н. ст. текущаго года.

И по количеству своихъ участниковъ (около 1800 чел.), и по тому широкому кругу юридическихъ вопросовъ, какіе были затронуты въ трудахъ съѣзда, послѣдній представляетъ крупный интересъ, несмотря на то, что научные съѣзды на западѣ уже стали обычнымъ явленіемъ и перестали служить злобой дня.

Правда, настоящій съѣздъ, послѣ полувѣкового перерыва снова собирающійся въ Вѣнѣ, уже не носитъ въ себѣ тѣхъ элементовъ „борьбы за право", какіе были такъ характерны для его предшественниковъ, той борьбы, которая стремилась къ воплощенію правовыхъ началъ въ общегосударственной жизни и въ сферѣ отправленія правосудія, ибо до извѣстной степени эти начала уже потеряли свою жгучесть и остроту. Напротивъ, для послѣдняго съѣзда является характернымъ особенное благоволеніе офиціальныхъ сферъ. И любопытно отмѣтить то, что какъ въ рѣчи предсѣдателя съѣзда проф. Бруннера, такъ и въ привѣтствіяхъ другихъ участниковъ подчеркивалось національное единство австрійскихъ и германскихъ юристовъ, выставлялась объединяющая роль съѣзда въ дѣлѣ выработки единаго нѣмецкаго правосознанія. Однако, оставляя въ сторонѣ этотъ приливъ національнаго нѣмецкаго шовинизма, служившій только внѣшнимъ придаткомъ и по существу не мѣшавшій серьезности научной работы, произведенной съѣздомъ, мы видимъ, что большинство вопросовъ, поставленныхъ на обсужденіе съѣзда, выходитъ за предѣлы чисто нѣмецкаго національнаго права и для всѣхъ юристовъ имѣетъ огромный интересъ.

Научная работа съѣзда была сосредоточена въ его секціяхъ, и только нѣкоторые отдѣльные вопросы подверглись обсужденію въ пленарномъ засѣданіи.

Въ постановкѣ вопросовъ съѣздъ не замкнулся въ узкія рамки чисто академическаго ихъ дебатированія; цѣлый рядъ проблемъ крайне важныхъ какъ для современныхъ началъ гражданскаго и уголовнаго права, такъ и относящихся къ области соціальной политики, былъ затронутъ въ работахъ съѣзда.

Среди многихъ другихъ интересныхъ проблемъ обращаетъ на себя вниманіе вопросъ объ отвѣтственности за ущербъ, причиненный эксплуатаціей электрическихъ предпріятій и авіаціонныхъ аппаратовъ, обсуждавшійся во второй секціи, подъ предсѣдательствомъ проф. Гирке.

Два теченія намѣтилось по данному вопросу. Одно, представленное Шперлемъ, признаетъ необходимость созданія новыхъ нормъ въ этой нарождающейся сферѣ права, согласно которымъ какъ собственникъ летательнаго аппарата или предприниматель, такъ и пилотъ, управлявшій аппаратомъ во время поѣздки, должны нести солидарно отвѣтственность за вредъ, причиненный какъ самой машиной, такъ и движущей ее силой. По мнѣнію же Нимайера, настоящій моментъ еще не назрѣлъ для выработки спеціальныхъ нормъ, и въ данной сферѣ возможно удовлетвориться существующими постановленіями нормальнаго гражданскаго права, при чемъ наличность высшей, непреодолимой силы и собственная вина потерпѣвшаго ущербъ освобождаютъ отъ отвѣтственности.

Въ концѣ концовъ, въ секціи восторжествовало первое теченіе, къ которому присоединились и оба докладчика проф. Киппъ изъ Вѣны и д-ръ Паттай.

Формулировка понятія непреодолимой силы носила тотъ любопытный оттѣнокъ, что подъ ней не слѣдуетъ понимать возникновеніе присущихъ электрической энергіи или передвиженію по воздуху опасностей, и наличность послѣднихъ еще не освобождаетъ отъ отвѣтственности. Этой формулировкой вносится новый элементъ въ понятіе отвѣтственности и соотвѣтственно расширяется сфера ея примѣненія. Было высказано также пожеланіе о необходимости созданія спеціальныхъ законовъ объ электричествѣ, которые создали бы мѣры предохраненія отъ связанныхъ съ нимъ опасностей.

Большимъ единодушіемъ отличались также постановленія, касающіяся другого не менѣе жизненнаго вопроса: о мѣрахъ соціальной защиты труда частныхъ служащихъ.

На ряду съ проф. Эртманномъ представилъ также рефератъ Францъ Клейнъ. Рефератъ проф. Эртманна былъ посвященъ вопросу о томъ кругѣ лицъ, какой должно охватить это новое право по охранѣ труда. Обильный матеріалъ въ данномъ случаѣ былъ доставленъ проф. Кобачъ и Потгофъ, а также адвокатомъ Баумъ изъ Берлина. Мысль о дальнѣйшемъ распространеніи законодательной охраны труда на цѣлый рядъ новыхъ его видовъ, не предусмотрѣнныхъ существующими нормами, не встрѣтила протеста даже со стороны промышленныхъ круговъ въ лицѣ ихъ представителей, обычно такъ упорно противодѣйствующихъ тому, что въ другихъ странахъ уже получило законодательную санкцію.

Не менѣе важно и значительно по своимъ результатамъ было обсужденіе вопроса объ основахъ кодификаціи австрійскаго акціонернаго права. И докладчики въ лицѣ проф. Ландесбергера (Вѣна) и Симона (Берлинъ), и лица, представившія матеріалъ по данному вопросу — Грюнгутъ и др., были согласны въ томъ, что австрійское акціонерное право, кодифицированное еще въ 1862 году и до сихъ поръ удерживающее концессіонную систему, нуждается въ неотложной реформѣ, при чемъ блестящимъ образцомъ для этой реформы должно послужить акціонерное право Германіи; въ особенности это должно относиться къ системѣ концессіонной, уже устарѣвшей и не отвѣчающей современнымъ жизненнымъ запросамъ; она должна уступить свое мѣсто системѣ нормативной.

Болѣе страстный и волнующій характеръ носили вопросы, подвергнутые обсужденію въ третьей уголовной секціи, гдѣ предсѣдательствовалъ фонъ-Калль.

Вопросъ о наказаніи путемъ лишенія свободы, уже раньше подвергнутый обсужденію на Данцигскомъ съѣздѣ юристовъ, съ тѣми основными тенденціями этой мѣры наказанія, какія намѣчаются въ новыхъ уголовныхъ проектахъ, австрійскомъ и германскомъ, не возбудилъ большихъ разногласій. Докладчики: президентъ суда фонъ-Штаффъ и берлинскій проф. Гольдшмидтъ, а также проф. гр. Глейспахъ были согласны въ основныхъ

своихъ выводахъ. Оживленный споръ возбудилъ вопросъ объ отягченіи наказанія посредствомъ лишенія пищи, жесткаго ложа и т. п. Проф. Глейспахъ и фонъ-Штаффъ стояли за примѣненіе такихъ мѣръ, и въ концѣ концовъ ихъ мнѣніе восторжествовало.

Система мѣръ предохранительныхъ по отношенію къ преступнымъ наклонностямъ въ особенности въ формѣ, такъ называемаго, опаснаго состоянія была одобрена, и принята резолюція о желательности ихъ полнаго выдѣленія изъ системы наказаній.

Въ противоположность этимъ двумъ вопросамъ, допускающимъ разные способы ихъ разрѣшенія, поставленный на обсужденіе сначала уголовной секціи, затѣмъ пленарнаго засѣданія, вопросъ о смертной казни требовалъ по самому существу своему или положительнаго, или отрицательнаго отвѣта.

Рѣшая этотъ наболѣвшій вопросъ, нѣмецкій юридическій міръ раздѣлился приблизительно на два равныхъ лагеря. Среди докладовъ, представленныхъ на съѣздъ, позицію защиты смертной казни занималъ проф. Фингеръ.

Доводы защитниковъ смертной казни не отличались ни большей оригинальностью, ни новизною; указывали на устрашающее вліяніе ея примѣненія, ссылались на психологію, утверждая, что нужна сильная реакція для противодѣйствія могучимъ преступнымъ инстинктамъ; больше всего апеллировали къ народному правосознанію, которое будто бы требуетъ примѣненія смертной казни и, въ случаѣ отмѣны послѣдней, будетъ глубоко потрясено.

Въ защиту смертной казни вмѣсто проф. Фингера выступалъ проф. Калль изъ Берлина. Онъ признавалъ необходимымъ сохранить смертную казнь для самыхъ тяжкихъ случаевъ убійства и государственной измѣны, а также вообще для тѣхъ случаевъ, гдѣ народное сознаніе убѣждено въ необходимости ея примѣненія.

Противниками смертной казни выступали: въ собраніи секціи Варханекъ, а въ пленарномъ засѣданіи проф. Липманъ изъ Киля.

Варханекъ въ своемъ докладѣ ограничивалъ сферу примѣненія смертной казни колоніальными отношеніями, военнымъ и морскимъ правомъ. Несмотря на этотъ, такъ сказать, мостъ, соединявшій противниковъ и защитни-

ковъ смертной казни, все же вотумъ въ секціи далъ въ результатѣ 159 голосовъ за ея сохраненіе; 158 голосовъ высказалось за уничтоженіе смертной казни. Въ пленарномъ же собраніи выяснилось нѣсколько иное соотношеніе силъ: 470 защитниковъ смертной казни и 424 ея противника. Здѣсь центральнымъ пунктомъ, на который особенно нападали противники смертной казни, было пресловутое народное сознаніе, къ которому обращались за поддержкой приверженцы смертной казни. Гдѣ находится, спрашивалъ проф. Липманъ, этотъ почтенный адресатъ, къ помощи котораго такъ часто обращаются и пытаются при посредствѣ его оправдывать все и вся?

Несмотря на то, что результаты голосованія оказались неблагопріятными для противниковъ смертной казни, нужно считать все же, что въ нѣмецкомъ юридическомъ мірѣ зашатались прежніе непоколебимые устои, и число сторонниковъ смертной казни все больше и больше убываетъ въ своемъ числѣ.

Въ порядкѣ дня четвертой секціи стоялъ еще весьма важный вопросъ, въ послѣднее время возбудившій оживленный обмѣнъ мнѣній въ нѣмецкой юридической прессѣ—необходимость дополненія юридическаго образованія изученіемъ основныхъ вопросовъ психологіи, экономики и соціологіи.

Въ тезисахъ, представленныхъ вѣнскимъ адвокатомъ Офнеромъ, требовалась полная перестройка всего зданія современнаго высшаго юридическаго образованія.

Болѣе умѣренное направленіе въ докладахъ фонъ-Герланда (Іена) и Эрлиха (Черновицы) взяло верхъ, и была признана необходимость нѣкотораго расширенія учебнаго плана юридическаго факультета, особенно въ сферѣ наукъ государственныхъ. Единодушно подчеркивалась та выдающаяся роль, какую для современнаго юриста имѣетъ экономика, и высказывалось пожеланіе о расширеніи ея преподаванія.

Разрѣшеніе вопроса о проведеніи новыхъ началъ устности и непосредственности въ германскомъ гражданскомъ процессѣ не повело къ предполагаемымъ результатамъ, несмотря на то, что всѣ три докладчика: Фиргаусъ, Вильдгагенъ и Магнусъ не расходились въ основныхъ руководящихъ положеніяхъ. Практическія же мѣры, предлагавшіяся для осуществленія этихъ началъ, повели

къ большимъ разногласіямъ, а особенно въ вопросѣ о расширеніи судейскаго полномочія на счетъ самостоятельности сторонъ въ процессѣ. Въ докладѣ, напр., Вильдгагена высказывалась мысль о введеніи обязательнаго предварительнаго письменнаго производства съ заключительнымъ засѣданіемъ на началахъ устности.

Оставляя въ сторонѣ, внѣ нашего бѣглаго обзора, цѣлый рядъ интересныхъ вопросовъ, относящихся къ разнообразнымъ сферамъ дѣйствующаго права, напр., объ измѣненіи нормъ германскаго и австрійскаго нотаріальнаго права, мы можемъ вывести изъ работъ настоящаго съѣзда одну несомнѣнно проглядывающую во всемъ основную тенденцію—это стремленіе къ согласованію и единству нормъ австрійскаго и германскаго права. Особенно ярко выразилась эта тенденція при расширеніи вопроса о кодификаціи австрійскаго акціонернаго права, о согласованіи принциповъ страхованія и т. п.

Несомнѣнно, работы съѣзда не останутся безъ практическаго воздѣйствія на правовую жизнь обѣихъ странъ, и въ недалекомъ будущемъ стремленіе къ унификаціи права станетъ очередной проблемой.

И. Л.

Критика и библіографія.

Ив. Чистяковъ. Страхованіе рабочихъ въ Россіи. Опытъ исторіи страхованія рабочихъ, въ связи съ нѣкоторыми другими мѣрами ихъ обезпеченія. Москва, 1912. X—422 стр.

Докторская диссертація проф. И. И. Чистякова распадается на двѣ неравныя по своему объему—и по своей цѣнности—части. Значительнѣйшая часть книги, объемомъ до 400 стр., представляетъ собой солидный историческій трудъ, небольшое же введеніе (стр. 1—25), предпосылаемое авторомъ 12-ти главамъ историческаго изслѣдованія, далеко уступаетъ цѣнности послѣднихъ.

Означенное введеніе посвящено установленію „теоретическихъ границъ и основъ изслѣдованія". При такой постановкѣ задачъ введенія мы въ правѣ ожидать отъ автора болѣе или менѣе точнаго опредѣленія понятія изучаемыхъ имъ институтовъ. Чтобы установить „теоретическія границы" изслѣдованія, ему необходимо выяснить понятіе страхованія рабочихъ, а равно и всѣхъ тѣхъ „другихъ мѣръ ихъ обезпеченія", которыя онъ предполагаетъ привлечь къ своему изученію. Авторъ не даетъ прямого опредѣленія страхованія рабочихъ, но, какъ видно изъ стр. 6, 7 и 19, опредѣленнымъ образомъ намѣчаетъ „типическія черты" этого института. Такими чертами, по его мнѣнію, являются принудительный характеръ страхованія рабочихъ и „складка средствъ, соединенная съ участіемъ въ управленіи". Въ тезисахъ, защищавшихся авторомъ на докторскомъ диспутѣ, этотъ взглядъ на страхованіе рабочихъ выражается особенно ярко. „Страхованіе рабочихъ есть такая разновидность страхового обезпеченія рабочихъ, которая характеризуется въ той или иной степени принудительностью въ своемъ бытіи, смѣшанностью источниковъ въ образованіи необходимыхъ средствъ и совмѣстнымъ участіемъ въ управленіи дѣломъ рабочихъ, предпринимателей и государства". Такое понятіе о страхованіи рабочихъ слѣдуетъ признать до крайности узкимъ. Достаточно сказать, что подъ него не по-

дойдетъ даже все страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, организующееся на взносахъ однихъ предпринимателей и подъ ихъ управленіемъ. Конечно, и начало обязательности не является необходимымъ признакомъ для страхованія рабочихъ вообще. Извѣстно, что германское страхованіе рабочихъ, которое авторъ признаетъ особенно характернымъ воплощеніемъ даннаго института, проявляется въ формахъ не только обязательнаго страхованія, но и добровольнаго: опредѣленныя категоріи лицъ могутъ добровольно страховаться въ тѣхъ же учрежденіяхъ государственнаго страхованія, участіе въ которыхъ для другихъ категорій обязательно.

Чтобы разобраться въ разновидностяхъ страхованія и особенно въ вопросѣ объ отношеніи къ страхованію государства, автору слѣдовало бы не игнорировать хотя бы такого изслѣдованія по этому вопросу, какъ докторская диссертація казанскаго профессора П. А. Никольскаго, Основные вопросы страхованія. Каз. 1895.

Въ установленіи основъ изслѣдованія Ив. Чистяковъ выступаетъ убѣжденнымъ сторонникомъ ученія К. Маркса. Основаніе какъ для страхованія рабочихъ вообще, такъ и для страхованія рабочихъ въ частности онъ видитъ въ экономическихъ условіяхъ „буржуазнаго“ общества. База буржуазнаго общества—деньги, капиталъ — отличается крайней подвижностью; такая природа основы буржуазнаго общества является причиной „универсальной, въ лицахъ и моментахъ, неувѣренности въ прочности своего положенія“ всѣхъ его элементовъ. При крупнобуржуазной формѣ производства эта необезпеченность становится особенно острой для пролетаріата. Послѣдній „въ своемъ экономическомъ или фактическомъ бытіи“ ничего не имѣетъ, кромѣ заработной платы, которая далеко не обезпечиваетъ условій человѣка въ теченіе всей его жизни. Необезпеченность всѣхъ элементовъ буржуазнаго общества вообще и исключительная неустойчивость пролетаріата въ частности являются, по мнѣнію проф. Чистякова, основными экономическими предпосылками для появленія страхованія рабочихъ. „Они (означенные два момента)—объективная возможность бытія этого страхованія“ (стр. 9).

Не преувеличиваетъ ли, однако, авторъ значенія указанныхъ экономическихъ условій для возникновенія страхованія вообще и страхованія трудящихся въ частности. Вѣдь, страхованіе вообще возникло въ дѣйствительности раньше, чѣмъ современный буржуазный укладъ. Зачатки морского страхованія относятся къ XIII вѣку, страхованіе отъ огня возникло въ XV вѣкѣ. Даже

страхованіе жизни относится еще къ XVII вѣку. Страхованіе рабочихъ есть, дѣйствительно, явленіе новѣйшаго времени, но, вѣдь, это лишь одна изъ формъ борьбы съ невзгодами въ жизни рабочаго. По словамъ автора, эта „борьба принимаетъ форму или индивидуальную или коллективную, при чемъ разновидности той и другой въ историческомъ ходѣ вещей не устраняютъ другъ друга, а параллельно существуютъ и взаимно восполняютъ одна другую“ (стр. 4). Слѣдуя концепціи автора, пришлось бы всѣ вообще формы индивидуальнаго и коллективнаго обезпеченія бѣдныхъ связать съ эпохой крупнобуржуазнаго производства. Однако, извѣстно, что уже въ средніе вѣка широко развилась общественная помощь бѣднымъ. Благотворительная дѣятельность обусловливалась не какими-либо экономическими, но чисто религіозными побужденіями. Въ XVI вѣкѣ складывается уже и государственое призрѣніе бѣдныхъ: отмѣтимъ ордонансы французскаго парламента отъ 1532 и 1543 гг. и англійскій актъ Елизаветы 1601 г. Такимъ образомъ, и страхованіе и попеченіе о бѣдныхъ возникло и развилось несравненно раньше, чѣмъ для этого успѣла наступить предполагаемая авторомъ „объективная возможность“.

Свой взглядъ на условія, при отсутствіи которыхъ страхованіе рабочихъ остается „объективно“ невозможнымъ, Ив. Чистяковъ прилагаетъ къ рѣшенію вопроса о возможности страхованія рабочихъ въ Россіи и приходитъ къ крайне пессимистическому выводу. „Страхованіе рабочихъ in spe никакъ не можетъ, несмотря на свою многолѣтнюю исторію, реализоваться въ Россіи. Основная причина этого явленія лежитъ не въ винѣ задерживающаго правительства, не въ своекорыстіи разсчетливыхъ предпринимателей и не въ недостаточности филантропическаго и политическаго усердія со стороны тѣхъ или иныхъ радѣтелей русскаго рабочаго. Она, наоборотъ, кроется въ экономическомъ положеніи въ Россіи личнаго элемента производства. Послѣдній не представляетъ собою не только въ цѣломъ, но даже и въ большинствѣ пролетаріата въ вышесказанномъ, марксовскомъ, смыслѣ этого слова. У него есть связь съ землей или, точнѣе, съ деревней“ (стр. 22). Эту связь, „реальную или фиктивную въ отдѣльныхъ случаяхъ“, авторъ признаетъ „пока дѣйствительной для всего этого явленія въ цѣломъ“ (стр. 23).

Такимъ образомъ, по увѣренію проф. Чистякова, „основная, экономическая, причина для появленія страхованія рабочихъ въ Россіи почти отсутствуетъ или, во всякомъ случаѣ, не имѣетъ мѣста по отношенію къ массѣ носителей труда“. (стр. 23).

Едва ли нужно говорить, насколько серьезно и отвѣтственно это заключеніе автора. На чемъ же, однако, оно основано? Чѣмъ авторъ доказываетъ отсутствіе пролетаріата въ Россіи? Какими данными онъ подтверждаетъ свое заявленіе о связи рабочаго съ землей, будто бы дѣйствительной для всего рабочаго класса въ цѣломъ? Къ сожалѣнію, все, что даетъ авторъ въ отвѣтъ на эти первостепенной важности вопросы, исчерпывается примѣчаніемъ 2 къ стр. 22. Здѣсь г. Чистяковъ утверждаетъ, что „связь русскаго рабочаго съ землей или деревней является въ цѣломъ или въ части неопровержимымъ фактомъ для всѣхъ, кому приходилось изслѣдовать рабочій вопросъ въ Россіи"... Далѣе слѣдуютъ литературныя указанія въ видѣ простыхъ ссылокъ на разные доклады, записки и пр. Но, во-первыхъ, рискованное заявленіе автора нуждается не въ голыхъ утвержденіяхъ и ссылкахъ, а въ настоящемъ научномъ обоснованіи. А, во-вторыхъ, источники, на которые ссылается авторъ,—по крайней мѣрѣ, оказавшіеся у насъ подъ рукой,—доказываютъ совершенно обратное тому, что утверждаетъ Ив. Чистяковъ.

Такъ, авторъ ссылается на Записки фабричнаго инспектора, С. Гвоздева, стр. 34—37. Открывъ означенныя Записки, мы узнаемъ о слѣдующихъ результатахъ обслѣдованія г. Гвоздева, произведеннаго въ 1897 г. и захватившаго 18707 рабочихъ, занятыхъ, главнымъ образомъ, на мануфактурныхъ фабрикахъ. По этому обслѣдованію „оказалось, что изъ общей массы рабочихъ обоего пола уходитъ на полевыя работы 17,41%". А. В. Погожевъ, на котораго тоже ссылается проф. Чистяковъ, пишетъ слѣдующее: „Въ теченіе очень долгаго времени и притомъ весьма недавно въ офиціальныхъ изданіяхъ, въ періодической печати и въ ученыхъ докладахъ категорически утверждалось, что фабрично-заводскій трудъ въ Россіи не составляетъ профессіи, не служитъ естественнымъ средствомъ существованія, а только подспорьемъ къ труду земледѣльческому, являясь придаткомъ къ тому, что рабочій получаетъ отъ своего земельнаго участка... Историческія данныя и сопоставленія статистическихъ свѣдѣній по различнымъ промышленнымъ районамъ приводятъ къ иному выводу" (Учетъ численности и состава рабочихъ въ Россіи, СПБ. 1906). Измѣняетъ автору и В. В. Шеръ: послѣдній констатируетъ на основаніи анкеты 1907 г., что среди московскихъ печатниковъ 37,6% не имѣютъ никакихъ связей съ деревней и что у большей половины остальныхъ рабочихъ вся семья живетъ въ деревнѣ, куда рабочему приходится поэтому посылать, въ среднемъ, 94 руб. въ годъ изъ своего заработка

(Исторія профессіональнаго движенія рабочихъ печатнаго дѣла въ Москвѣ, М. 1911, стр. 39). У того же Шера цитируется совсѣмъ не указываемое авторомъ обслѣдованіе Е. М. Дементьева. Послѣдній въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи „Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ“, М. 1898, констатируетъ, что изъ 19636 обслѣдованныхъ имъ рабочихъ только 18,4% уходитъ лѣтомъ на полевыя работы и что изъ 19576 человѣкъ 55,76% являюся уже дѣтми не крестьянъ, а самихъ фабричныхъ рабочихъ.

Такимъ образомъ, заявленіе Ив. Чистякова объ отсутствіи экономической почвы для страхованія рабочихъ въ Россіи само оказывается совершенно безпочвеннымъ. Если уже въ девяностыхъ годахъ значительная часть фабричныхъ рабочихъ утратила связь съ землей, то за послѣдніе пятнадцать лѣтъ процессъ пролетаризаціи, надо думать, еще болѣе углубился и расширился. Въ этомъ отношеніи слѣдовало бы учесть и вліяніе послѣднихъ земельныхъ законовъ.

Кромѣ опредѣленныхъ экономическихъ условій, создающихъ для „бытія“ страхованія рабочихъ „объективную возможность“, проф. Чистяковъ отмѣчаетъ значеніе „ближайшихъ двигательныхъ силъ“, обусловливающихъ переходъ объективной возможности въ дѣйствительность. Къ такимъ ближайшимъ двигательнымъ силамъ онъ относитъ увеличеніе въ буржуазномъ обществѣ расходовъ по призрѣнію бѣдныхъ, больныхъ, слабыхъ вообще и безпризорныхъ, каковые расходы общины стремятся переложить посредствомъ страхованія на промышленность; желаніе предпринимателей удешевить черезъ страхованіе издержки, возлагаемыя на нихъ закономъ о спеціальной отвѣтственности за несчастные случаи съ рабочими и, наконецъ, „политическія соображенія, вытекающія изъ желаній и намѣреній правительства овладѣть движеніемъ пролетаріата“. „Въ этомъ случаѣ страхованіе рабочихъ выставляется, какъ соціальная реформа, какъ методъ, способный сдѣлать рабочихъ болѣе довольными своимъ положеніемъ“. Появленіе страхованія совпадаетъ „съ разгромомъ или ослабленіемъ самостоятельныхъ рабочихъ организацій, особенно политическаго характера“. Страхованіе рабочихъ служитъ „къ обузданію своеволія рабочихъ: часть расходовъ на него берется съ самихъ рабочихъ, и, такимъ образомъ, оно становится для нихъ ихъ собственнымъ дѣломъ, которымъ они отчасти и управляютъ сами“ (стр. 9—13).

Едва ли нужно говорить, что взглядъ автора на „ближайшія двигательныя силы“ является столь же одностороннимъ и узкимъ,

какъ и его точка зрѣнія на общія основы страхованія. Въ качествѣ прямолинейнаго послѣдователя экономическаго матеріализма, Ив. Чистяковъ хочетъ свести всю исторію соціальнаго законодательства къ мотивамъ одного черстваго эгоизма и грубаго разсчета. За всѣмъ тѣмъ, что возвышаетъ и краситъ человѣка,—будетъ ли это христіанскій долгъ, моральныя требованія или чувство общественной солидарности,—авторъ рѣшительно игнорируетъ значеніе двигательной силы въ исторіи соціальныхъ отношеній.

Примѣняя свою точку зрѣнія къ вопросу о страхованіи рабочихъ въ Россіи, Ив. Чистяковъ придаетъ рѣшающее значеніе лишь послѣднему изъ указанныхъ имъ двигательныхъ моментовъ: политическимъ соображеніямъ объ опекѣ надъ рабочимъ классомъ, „приведеннымъ въ данный моментъ у насъ въ движеніе силою вещей и требующимъ извѣстнаго реагированія власти въ свою пользу". По мнѣнію автора, „подъ этимъ флагомъ у насъ проходило въ жизнь все наше фабричное или рабочее законодательство въ цѣломъ, имъ пользуются и въ требованіи страховыхъ законовъ. Но если послѣдніе будутъ въ силу такихъ соображеній осуществлены, то ихъ ожидаетъ въ практическомъ примѣненіи участь остальныхъ фабричныхъ законовъ: циркуляръ будетъ господствовать и въ этой области надъ закономъ, облекаемымъ къ тому же въ неточныя и расплывчатыя формы" (стр. 25).

Такимъ образомъ, авторъ въ отношеніи Россіи не признаетъ значенія даже той двигательной силы, котарая лежитъ въ желаніи общинъ, или органовъ самоуправленія, возложить тяжесть по призрѣнію „отработанныхъ элементовъ фабрики" на промышленность. Ив. Чистяковъ аргументируетъ свою отрицательную точку зрѣнія тѣмъ, что, будто бы, мѣстное самоуправленіе относилось къ страхованію рабочихъ безучастно: протестъ противъ такого порядка вещей, когда тяжесть призрѣнія рабочихъ остается на самоуправленіи,—протестъ, который со стороны органовъ мѣстнаго самоуправленія могъ бы вылиться „въ форму требованія установленія страхованія рабочихъ, почти не имѣетъ мѣста" (стр. 24). Оговоркой „почти" авторъ, видимо, считается съ починомъ однихъ лишь мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности (ср. прим. I къ стр. 24 и гл. V). Что же касается выступленій самихъ земствъ съ предложеніями ввести страхованіе рабочихъ, то таковыя совсѣмъ не остановили на себѣ вниманія автора (если не считать мимоходомъ брошеннаго указанія въ концѣ прим. I къ стр. 140). А

между тѣмъ починъ Владимірскаго, Московскаго и другихъ земствъ въ данномъ вопросѣ представляютъ для историка страхованія рабочихъ въ Россіи весьма значительный интересъ,—во всякомъ случаѣ болѣе значительный, чѣмъ выступленія мѣстныхъ комитетовъ, которымъ авторъ посвящаетъ цѣлую главу. Нѣкоторыя земства, напр., Владимірское, разработало вопросъ о страхованіи весьма широко и подробно: оно, какъ извѣстно, предполагало ввести общее обязательное страхованіе всѣхъ рабочихъ Владимірской губерніи, установить для сего сборъ со всѣхъ предпріятій, пользующихся наемнымъ трудомъ, по числу рабочихъ или по суммѣ заработной платы, и образовать особый фондъ на лѣченіе, призрѣніе, продовольствіе и на выдачу пособій нетрудоспособнымъ.

Совершенно иной характеръ, чѣмъ сомнительное «теоретизированіе» автора во введеніи, носитъ весь его дальнѣйшій трудъ. Долгій тридцатилѣтній періодъ разнообразной инициативы въ вопросѣ о страхованіи рабочихъ въ Россіи, разнородныхъ исканій, борьбы, изученъ проф. Чистяковымъ съ поразительною добросовѣстностью. Автору пришлось разработать огромный матеріалъ, самое добываніе котораго и сосредоточеніе въ своихъ рукахъ должно было потребовать отъ него немалыхъ усилій.

Цѣнность диссертаціи г. Чистякова, какъ научнаго изслѣдованія, лежитъ въ систематическомъ описаніи избраннаго имъ круга явленій. Принимая во вниманіе полное отсутствіе сводныхъ работъ историческаго характера по предмету изслѣдованія автора, было бы несправедливо требовать отъ него большаго, а именно и научнаго объясненія этихъ явленій. Во всякомъ случаѣ, для этой дальнѣйшей стадіи историческаго изслѣдованія диссертація проф. Чистякова даетъ цѣнный научный фундаментъ.

Требованіямъ, предъявляемымъ къ научному описанію явленій, изслѣдованіе автора удовлетворяетъ въ достаточной мѣрѣ. Всѣ двѣнадцать главъ диссертаціи г. Чистякова основаны на изученіи первоисточниковъ. Первичный матеріалъ захваченъ въ изобиліи: если и есть извѣстные пробѣлы, какъ по вопросу о выступленіяхъ земствъ, то они могутъ быть извинены широтой вопроса и трудностью добыванія необходимаго матеріала. Привлекаемый къ изслѣдованію матеріалъ используется авторомъ съ большой полнотой и детальностью и систематизируется съ такою тщательностью, которая порой доходитъ даже до педантизма. Цитаты отличаются точностью. Изложеніе, въ общемъ, строго объективно

Принятая авторомъ система изложенія отступаетъ отъ обычнаго пріема историковъ располагать изученіе по періодамъ, соотвѣтствующимъ извѣстнымъ стадіямъ въ развитіи подлежащихъ изслѣдованію явленій. Ив. Чистяковъ кладетъ въ основу своей системы различіе отдѣльныхъ соціальныхъ силъ, выступавшихъ въ вопросѣ о страхованіи рабочихъ. Въ этомъ случаѣ онъ остается послѣдовательнымъ „марксовцемъ“: каждая общественная группа дѣйствуетъ въ своихъ своекорыстныхъ интересахъ; у каждой изъ нихъ своя идеологія; поэтому выступленія каждой отдѣльной спеціальной силы слѣдуетъ изучать особо и притомъ, въ видахъ сохраненія объективности, подъ угломъ ея собственнаго самосознанія.

Считаясь съ этой исходной точкой зрѣнія автора, мы должны констатировать его стремленіе къ объективности даже тамъ, гдѣ онъ, по первому взгляду, теряетъ свое безпристрастіе. Мы имѣемъ въ виду гл. 6, гдѣ Ив. Чистяковъ пытается обрисовать „обстановку и условія жизни и труда рабочихъ въ Россіи“ и гдѣ онъ затѣмъ изучаетъ требованія нашихъ рабочихъ по поводу мѣръ къ ихъ обезпеченію. Въ числѣ источниковъ, которыми здѣсь пользуется авторъ, фигурируютъ такіе сомнительные матеріалы, какъ агитаціонные листки крайнихъ политическихъ партій,—„Искра“, „Соціалъ-Демократъ“, или, напр., „петиція петербургскаго пролетаріата, шедшаго 9 января 1905 г. къ зимнему дворцу“... Пользуясь такого сорта источниками, Ив. Чистяковъ естественно допускаетъ въ своемъ изображеніи положенія рабочихъ крайнее сгущеніе красокъ.

Но разъ авторъ хотѣлъ показать не свое собственное отношеніе къ выступленіяхъ рабочихъ въ вопросѣ о мѣрахъ къ ихъ обезпеченію, а самосознаніе по данному вопросу самихъ рабочихъ, онъ совершенно послѣдовательно долженъ былъ обратиться къ рабочей прессѣ, къ органамъ профессіональныхъ союзовъ и даже, если угодно, къ листкамъ „рабочей партіи“. Ему нужно было представить, какъ положеніе рабочихъ рисуется въ свѣтѣ ихъ собственнаго классоваго самосознанія и въ чемъ должны состоять мѣры къ ихъ обезпеченію съ ихъ собственной точки зрѣнія. При такой постановкѣ авторомъ вопроса приходится иначе отнестись и къ выбору имъ матеріала для гл. 6 и къ той исключительно мрачной характеристикѣ положенія рабочихъ, которая дѣлается въ названной главѣ.

Исторія вопроса о страхованіи рабочихъ въ Россіи прослѣжена проф. Чистяковымъ съ момента возникновенія у насъ этого вопроса въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія

до окончанія дѣятельности совѣщанія подъ предсѣдательствомъ Д. А. Философова. Сперва авторъ останавливается на проектахъ страхованія, выдвинутыхъ въ восьмидесятыхъ годахъ въ предпринимательскихъ кругахъ, особенно на страховыхъ проектахъ московскаго биржевого комитета и общества для содѣйствія русской промышленности и торговли въ С.-Петербургѣ (стр. 26—46). Далѣе, онъ выясняетъ отношеніе правительства къ идеѣ страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ при выработкѣ у насъ законопроекта о спеціальной отвѣтственности предпринимателей (стр. 47—57). Здѣсь авторъ касается, между прочимъ, и извѣстной полемики между министромъ финансовъ и министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ по вопросу о преимуществахъ спеціальной отвѣтственности предпринимателей и государственнаго страхованія отъ несчастныхъ случаевъ. Къ сожалѣнію, эта въ высокой степени интересная полемика передана авторомъ очень бѣгло (стр. 56—57, ср. также стр. 234—236). Между тѣмъ, эта полемика сопровождалась обширными изслѣдованіями, которыя были произведены названными министрами—каждымъ для обоснованія и защиты своего мнѣнія (ср. особенно изданія: „Къ запискѣ Министра Финансовъ объ обезпеченіи участи рабочихъ“, и „По предмету замѣчаній министра Земледѣлія и Госуд. Имуществъ объ обезпеченіи участи рабочихъ“). Этихъ матеріаловъ авторъ не использовалъ.

Далѣе, Ив. Чистяковъ удѣляетъ особыя главы изученію ходатайствъ промышленныхъ круговъ объ установленіи страхованія рабочихъ въ девяностыхъ и девятисотыхъ годахъ (стр. 58—101), изученію отношенія къ разбираемому вопросу врачебнаго сословія (пироговскихъ съѣздовъ и московскаго общества фабричныхъ врачей) (стр. 102—121), мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности (стр. 126—151), самихъ рабочихъ (152—179) и различныхъ, существовавшихъ и существующихъ у насъ, политическихъ организацій и партій (стр. 180—197).

Наконецъ, большую часть своей диссертаціи (стр. 198—422) авторъ посвящаетъ детальному изученію правительственныхъ предположеній о страхованіи рабочихъ. Проф. Чистяковъ сжато и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма основательно излагаетъ исторію проектовъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ о страхованіи горнорабочихъ и проекта отдѣла промышленности министерства финансовъ о государственномъ страхованіи рабочихъ и служащихъ; выясняетъ точки зрѣнія отдѣльныхъ руководителей министерства торговли и промышленности въ вопросѣ

о страховомъ обезпеченіи рабочихъ; разбираетъ труды совѣщанія подъ предсѣдательствомъ М. М. Федорова о страхованіи рабочихъ и особенно внимательно изучаетъ дѣятельность совѣщанія подъ предсѣдательствомъ Д. А. Философова.

Въ предисловіи г. Чистяковъ даетъ объясненіе, почему въ своемъ изложеніи правительственныхъ мѣропріятій онъ не идетъ дальше совѣщанія 1906—7 гг. На очереди у автора стояло изученіе занятій междувѣдомственнаго совѣщанія подъ предсѣдательствомъ М. А. Остроградскаго. Для добыванія матеріаловъ этого совѣщанія имъ были сдѣланы соотвѣтствующіе шаги въ офиціальныхъ сферахъ, „но пока дѣло это окончилось для него неудачей". При такихъ условіяхъ изученіе дальнѣйшихъ страховыхъ начинаній министерства торговли и промышленности, а также вопроса о врачебной помощи рабочимъ и законодательныхъ работъ по предмету страхованія, авторъ оставляетъ для другого отдѣльнаго и самостоятельнаго изданія.

Постигшая автора неудача по добыванію матеріаловъ совѣщанія подъ предсѣдательствомъ М. А. Остроградскаго можетъ въ извѣстной степени оправдать его уклоненіе отъ разработки страховыхъ начинаній правительства за послѣдніе пять лѣтъ. Но она, на нашъ взглядъ, не даетъ ему основанія отнести къ слѣдующему „изданію" и вопросъ о врачебной помощи рабочимъ. Этотъ вопросъ, какъ извѣстно, тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ вопросомъ о страхованіи рабочихъ; онъ имѣетъ исторію гораздо болѣе давнюю, нежели вопросъ о страхованіи. О томъ, что у автора имѣются весьма цѣнные матеріалы по исторіи вопроса о врачебной помощи рабочимъ, свидѣтельствуетъ его интересная статья: „Къ вопросу о нормативномъ положеніи врачебной помощи фабрично-заводскимъ рабочимъ" (Уч. Зап. Имп. Лицея въ память Цес. Николая, вып. IV). Включивъ изложеніе вопроса о врачебной помощи въ настоящій свой трудъ, Ив. Чистяковъ освѣтилъ бы всѣ важнѣйшія стороны вопроса о страхованіи рабочихъ въ Россіи, по крайней мѣрѣ, до апрѣля 1907 г. Но, во всякомъ случаѣ, и въ настоящемъ видѣ разбираемое изслѣдованіе захватываетъ такой обширный матеріалъ, что, несмотря на извѣстную незаконченность, представляетъ собою весьма солидный ученый трудъ.

Языкъ автора, къ сожалѣнію, оставляетъ желать много лучшаго въ отношеніи и чистоты и ясности. Но избранная авторомъ тема такъ злободневна, серьезное и объективное изложеніе сложной подготовительной работы, предшествовавшей законамъ 23-го іюня, такъ своевременно удовлетворяетъ насущной

потребности русской науки, а главное, историческое изслѣдованіе автора, хотя оно и остается лишь въ стадіи научнаго описанія фактовъ, такъ добросовѣстно и основательно, что вполнѣ искупаются и неудачное введеніе (послѣднее можно безъ особаго ущерба для книги совсѣмъ исключить) и досадныя искаженія русской рѣчи и другіе болѣе или менѣе важные недостатки диссертаціи проф. И. И. Чистякова.

А. Елистратовъ.

Проф. М. И. Назаревскій. Очерки по исторіи и теоріи коллективно-капиталистическаго хозяйства. Синдикаты, тресты и комбинированныя предпріятія. Очерки по исторіи объединенія американской промышленности. Томъ I. Москва 1912. Цѣна 2 р. 80 к.

Въ русской научной литературѣ имѣется мало трудовъ по вопросу объ американскихъ трестахъ.

Появленіе каждой новой книги нельзя было бы поэтому не привѣтствовать, если бы она являлась сколько-нибудь серьезной попыткой внести новую лепту въ научную литературу по этому столь важному для всего народнаго хозяйства вопросу. И это тѣмъ болѣе, что, не довольствуясь изслѣдованіемъ объ американскихъ трестахъ, г. Назаревскій сулитъ намъ золотыя горы, собираясь обогатить насъ пересмотромъ ряда основныхъ положеній экономической науки и дать уже въ ближайшее время цѣлый рядъ дальнѣйшихъ выпусковъ. Часть II-я перваго тома—*„Очерки по исторіи объединенія германской промышленности“* появится, по его словамъ, уже въ концѣ нынѣшняго года, а томъ II-й—*„Къ вопросу о теоріи коллективно-капиталистическаго хозяйства“* готовится къ печати.

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ и поставленныхъ себѣ г. Назаревскимъ широкихъ задачъ дѣлается особенно интереснымъ изслѣдовать, въ какой степени появившаяся пока *первая* часть *перваго* тома труда г. Назаревскаго дѣйствительно является обогащеніемъ экономической науки. Въ этомъ отношеніи здѣсь необходимо прежде всего остановиться на знакомствѣ г. Назаревскаго съ литературой изслѣдуемаго имъ вопроса. Это знакомство обнаруживается уже въ предисловіи, гдѣ на стр. VIII подзаголовку его труда: *„Очерки по исторіи и теоріи коллективно-капиталистическаго хозяйства“*, посвящается слѣдующее поясненіе:

„Наконецъ, не лишнимъ будетъ въ заключеніе замѣтить, что самое развитіе синдикатовъ, трестовъ и комбинированныхъ предпріятій разсматривается въ существующей литературѣ просто какъ одно изъ теченій (правда, наиболѣе крупныхъ) въ средѣ современной капиталистической промышленности. Между тѣмъ *долголѣтняя работа* [1]) въ этой области убѣдила автора, что вопросъ о названныхъ организаціяхъ *значительно шире, нежели принято думать*. Тресты, синдикаты и комбинированныя предпріятія нельзя разсматривать какъ новыя организаціи, обусловившія извѣстныя *частичныя* измѣненія въ существующемъ строѣ, *но мало измѣнившія его въ цѣломъ. На взглядъ автора*, они вносятъ настолько *глубокія* измѣненія во всю экономическую жизнь, начиная съ производства и кончая потребленіемъ, что приходится говорить о *новой фазѣ* развитія, о переходѣ современной капиталистической формы хозяйства въ новую, которую удобнѣе всего было бы назвать *коллективно-капиталистической*“.

Въ дѣйствительности „*открытія*“ г. Назаревскаго сдѣланы уже очень давно.

Въ этомъ отношеніи здѣсь достаточно привести взгляды хотя бы Kleinwächter'а, трудъ котораго „Die Kartelle“ служитъ исходной точкой всей современной литературы о картеляхъ. Отстаивая точку зрѣнія, что картели являются формой организаціи крупной промышленности (Grossindustrie [2]), Kleinwächter, указавъ на анархію производства, вызванную свободной конкуренціей, приходитъ (на стр. 125) относительно картелей къ выводу: „И если примѣты не обманываютъ, то въ расплавленной массѣ (подъ этимъ имъ понимается стадія индивидуалистическаго капитализма при господствѣ свободной конкуренціи) теперь уже начинаютъ объединяться кристалльныя иглы, на которыхъ осядутъ съ теченіемъ времени крѣпкіе кристаллы будущаго экономическаго строя“.

На предшествующихъ же страницахъ, отстаивая капитализмъ противъ нападокъ соціалистовъ, требующихъ уничтоженія частной собственности и противъ взглядовъ сторонниковъ широкаго проведенія идей государственнаго соціализма, Kleinwächter высказывается (стр. 94 и 95) за необходимость „*коллективнаго*“ урегулированія народнаго хозяйства при сохраненіи капиталистическаго базиса.

---

[1]) Курсивъ какъ здѣсь, такъ и въ дальнѣйшихъ мѣстахъ цитаты мой.

[2]) Ср. въ указанномъ мѣстѣ, въ особенности стр. 201 и слѣд., посвященныя заключительнымъ выводамъ къ главѣ о значеніи картелей.

Такимъ образомъ, въ противоположность утвержденіямъ г. Назаревскаго, уже первый серьезный изслѣдователь картельнаго движенія указывалъ на особую *новую* категорію капиталистическаго хозяйства, съ коллективной организаціей производства, которая должна будетъ замѣнить индивидуально капиталистическій строй.

Послѣ Kleinwächter'a, написавшаго свой трудъ ровно 30 лѣтъ тому назадъ, взглядъ этотъ высказалъ въ своей напечатанной въ 1890 г. въ „Archiv'ѣ für Soziale Gesetzgebung" статьѣ: „Die Kartelle" (стр. 538), Шенланкъ; „за свободно конкурирующими отдѣльными предпринимателями, писалъ онъ, слѣдовали объединенія предпринимателей, а изъ нихъ вырастаетъ стоящее на *капиталистическомъ базисѣ коллективное хозяйство*" [1]).

Въ другомъ же мѣстѣ своей статьи (стр. 494) Шенланкъ писалъ: „На почвѣ капиталистическаго производства создалось новообразованіе, которое объявило войну анархіи производста въ интересахъ класса предпринимателей. Старый классовый идеалъ буржуазіи разбился *вдребезги*, и мѣсто старой догмы о свободной игрѣ силъ заняло ученіе о коопераціи. Это былъ *окончательный разрывъ* [2]) съ прошлымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ попытка замѣнить отмершія формы—новыми, жизнеспособными".

Такіе же взгляды, т.-е. что появленіе синдикатовъ и трестовъ вызвало *коренной* переворотъ, а *не частичныя* измѣненія всего экономическаго строя, высказываются и другими изслѣдователями этого вопроса. Въ этомъ отношеніи здѣсь достаточно указать на Брентано [2]), Лифмана [3]), de Leener'a [4]), Шмол-

---

[1]) Курсивъ мой.

[2]) Ср. его статью въ „Süddeutsche Monatshefte, апрѣль 1904 г., стр. 255, въ которой онъ пишетъ: „Въ общемъ новая организація нашей экономической жизни, появленіе которой я тогда (въ 1888 г.) отмѣтилъ, сдѣлала гигантскій прогрессъ, такъ что мы можемъ сказать. что *за послѣднія 25 лѣтъ измѣнилея весь характеръ* нашего *экономическаго строя*." (Курсивъ мой).

[3]) Уже въ первомъ изданіи своей брошюры „Kartelle und Trusts", Штутгардъ 1905 г., Лифманъ писалъ: „Условія производства совершенно мѣняются, создаются совершенно новыя экономическія организаціи, и современное народное хозяйство, измѣнившись, благодаря картелямъ, *коренным* образомъ (von Grund aus), кажется должно уступить мѣсто совершенно *новому строю*". Вслѣдъ за этимъ Лифманъ указываетъ, что и *соціальный вопросъ* ставится съ развитіемъ всякаго рода синдикатскихъ организацій на *совершенно другой* базисъ. (Курсивъ мой).

[4]) Уже въ первомъ изданіи своего труда „Les Syndicats industriels en Belgique", Брюссель 1903 г., стр. 71, de Leener писалъ: „Отъ *полюса* свободной конкуренціи, вокругъ котораго промышленность вращалась въ теченіе большей части XIX столѣтія, промышленная организація перемѣстилась, и

лера [1]), Зомбарта [2]), мое предисловіе къ русскому переводу „Законодательства различныхъ государствъ о синдикатахъ и трестахъ“ [3]) и т. д.

Такимъ образомъ, даже при самомъ снисходительномъ отношеніи, г. Назаревскій оказывается попросту совершенно незнакомымъ съ литературой вопроса, такъ какъ результаты его *„долголѣтней“* работы—открытіе: коллективно-капиталистическаго хозяйства и того обстоятельства, что тресты и синдикаты нельзя разсматривать какъ новыя организаціи, обусловившія только извѣстныя *„частичныя“* измѣненія въ существующемъ строѣ, *давнымъ давно* извѣстны.

Не говоря уже, понятно, о томъ, что терминъ „коллективно-

съ наступленіемъ XX вѣка она тяготѣетъ къ *полюсу* монополіи, къ которому она прогрессивно приближается, благодаря организаціи промышленныхъ синдикатовъ“. (Курсивъ мой).

[1]) Въ тезисахъ къ своему докладу о картеляхъ, читанному на конгрессѣ Verein'a für Sozialpolitik въ Мангеймѣ въ 1905 г. (ср. Verhandlungen, стр. 270). Шмоллеръ заявилъ, что и германское картельное движеніе обозначаетъ *революціонированіе строя* германскаго народнаго хозяйства. (Курсивъ мой).

[2]) Въ своемъ трудѣ: „Die deutsche Volkswirtschaft im XIX Jahrhu d rt“, Берлинъ 1903 г., стр. 371, Зомбартъ пишетъ о картеляхъ: „То, что мы наблюдаемъ здѣсь нынче, въ концѣ XIX столѣтія, это, какъ и во многихъ другихъ областяхъ, : ародыши къ *грандіозному* переустройству (Neugestaltung) народнаго хозяйства, говоря точнѣе, начала болѣе высокихъ и самыхъ высшихъ формъ капиталистическаго хозяйства“. На стр. же 372 Зомбартъ прибавляетъ: „уже въ картелѣ проявляется родъ *капиталистическаго коллектива*, предѣлы могущества котораго неслыханны“. (Курсивъ мой).

[3]) Въ своемъ предисловіи къ „Законодательству различныхъ государствъ о синдикатахъ и трестахъ (С. Петербургъ 1910, стр. 1), я писалъ: „Въ новѣйшее время увлеченіе теоріями классиковъ потеряло подъ собою почву, такъ какъ обостренная конкуренція, разоряя мелкія и среднія предпріятія, создала совершенно новыя условія. Тѣмъ не менѣе, и въ настоящее время, какъ на это правильно указываютъ такіе видные экономисты, какъ Брентано, Шмоллеръ и др., мы говоримъ очень часто такъ, какъ будто мы и теперь еще живемъ въ эпоху свободы промысловъ и свободной конкуренціи, тогда когда фактически то и другое явленія давно уже *отошли въ область преданій*, такъ какъ во многихъ важныхъ отрасляхъ производства давно уже создались всевозможныя частно-хозяйственныя монополіи. Кто хочетъ, поэтому, понять и изучить причины, дающія то или иное направленіе экономической жизни въ современную намъ эпоху, тотъ долженъ, отказавшись отъ заученныхъ на школьной скамьѣ теорій о свободѣ конкуренціи и свободѣ промысловъ, постоянно имѣть въ виду, что создавшееся въ такой сравнительно короткій промежутокъ времени *новое положеніе вещей* является результатомъ появленія безчисленныхъ организацій предпринимателей, пытающихся регулировать въ своихъ личныхъ интересахъ ту или иную область экономической жизни“.

капиталистическое хозяйство“ плохо гармонируетъ съ эпохой, когда регулированіе производства находится въ рукахъ множества отдѣльныхъ, часто мелкихъ группъ промышленниковъ съ нерѣдко совершенно противоположными интересами.

Куда правильнѣе поэтому, если уже называть новую фазу— въ противовѣсъ фазѣ индивидуальнаго капитализма — особымъ именемъ, то называть ее не „коллективно-капиталистическимъ“, а „*корпоративно-капиталистическимъ*“ хозяйствомъ, какъ это и дѣлаютъ нѣкоторые экономисты.

Такъ же общеизвѣстны и другія „теоретическія“ открытія г. Назаревскаго. Напримѣръ, относительно необходимости пересмотра, въ виду доминирующей роли въ современномъ хозяйствѣ синдикатовъ и трестовъ, различныхъ проблемъ экономической науки въ области обращенія товаровъ, потребленія, распредѣленія и т. д., и т. д.

Не говоря уже о множествѣ западно-европейскихъ ученыхъ, здѣсь достаточно указать въ этомъ отношеніи на пробную лекцію харьковскаго приватъ-доцента П. И. Фомина, читанную 15 ноября 1911 г., тогда какъ предисловіе г. Назаревскаго помѣчено 8 марта 1912 г. „Заканчивая этимъ обзоръ важнѣйшихъ проблемъ, возникающихъ въ области ученія о синдикатахъ и трестахъ“, резюмируетъ взгляды западно-европейской науки Фоминъ, „я хочу снова подчеркнуть... *необходимость связать спеціальное ученіе о картеляхъ съ общими теоретическими положеніями политической экономіи*. Ученіе о картеляхъ—*часть* общей экономической науки, и необходимо подчеркивать и постоянно вспоминать это при обсужденіи отдѣльныхъ положеній интересующаго насъ вопроса“ [1])...

Этими же стремленіями объясняется и моя попытка поставить при изученіи экономической науки на *первый* планъ ученіе о синдикатахъ и трестахъ, почему я и посвятилъ—идя въ *разрѣзъ* съ авторами *всѣхъ* другихъ учебниковъ - этому вопросу *первый* выпускъ курса своей экономической политики.

Не меньшее удивленіе должны вызвать и теоретическіе экскурсы г. Назаревскаго, поскольку они дѣйствительно отличаются, быть можетъ, „*оригинальностью*“. Въ этомъ отношеніи особаго вниманія заслуживаетъ пунктъ второй „*ближайшихъ*“ задачъ, стоящихъ, по мнѣнію г. Назаревскаго, передъ изслѣдователемъ.

---

[1]) Ср. П. И. Фоминъ. О синдикатахъ и трестахъ, Харьковъ 1912, стр. 32 и 33.

Этотъ пунктъ гласитъ: „Внести единство и порядокъ въ изученіе причинъ, вызвавшихъ эти теченія, *и разгруппировать эти причины по степени ихъ важности* (курсивъ мой).

Ставить себѣ такую задачу, значитъ быть абсолютно незнакомымъ съ основными предпосылками правильнаго изученія экономической науки: аксіомой о необычайной сложности современной экономической жизни.

Какъ можно пытаться создать абстрактную группировку причинъ *„по степени ихъ важности“*, когда, напр., въ одномъ государствѣ или въ одной отрасли производства главную роль можетъ играть усиленный протекціонизмъ, въ другомъ случаѣ особыя географическія условія, въ третьемъ монополистическій характеръ природныхъ богатствъ, въ четвертомъ особый складъ историческихъ условій и т. д. Не говоря уже, понятно, о томъ, что въ экономической наукѣ абсолютно отсутствуетъ критерій хотя бы для приблизительнаго взвѣшиванія такой общей для всѣхъ странъ и отдѣльныхъ отраслей производства степени „относительной“ важности тѣхъ или иныхъ причинъ.

Таковы „теоретическія“ основы труда г. Назаревскаго и его знакомство съ западно-европейской литературой.

Если мы перейдемъ теперь къ его познаніямъ въ области развитія экономическихъ отношеній и экономической жизни, то и здѣсь на каждомъ шагу приходится натыкаться на настоящіе перлы.

На стр. 6 г. Назаревскій пишетъ: „Тамъ, гдѣ достаточно было одной, строилось двѣ, иногда три и даже четыре линіи. Благодаря этому въ Америкѣ имѣло мѣсто *невозможное въ другихъ странахъ явленіе* (курсивъ мой)—конкуренція между желѣзными дорогами“. Профессору Назаревскому болѣе чѣмъ странно не быть знакомымъ съ тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что постройка нѣсколькихъ линій была характернымъ явленіемъ и для желѣзнодорожнаго хозяйства Англіи, а, затѣмъ, и съ фактомъ, что конкуренція между желѣзными дорогами, въ извѣстной фазѣ развитія желѣзныхъ дорогъ, наблюдалась часто, помимо Англіи, и во многихъ другихъ странахъ.

Этимъ дѣло, однако, не ограничивается. При своей небрежности и неумѣніи пользоваться источниками г. Назаревскій не стѣсняется создавать даже цѣлыя теоріи развитія той или иной отрасли производства, основываясь на самой безсмысленной и рѣзко бросающейся въ глаза даже *не-спеціалисту* опечаткѣ. Такъ, напримѣръ, на страницѣ 187 онъ пишетъ: „Филиппины вывозили много сырца въ Соединенные Штаты въ 80-хъ годахъ. Въ

1891 г. цифра вывоза достигла 920.610.118 м. (??) ф. Но это былъ *кульминаціонный* пунктъ. Въ 1892 г. ввозъ понизился до 97.285.662, а въ 1901 г. спустился даже до 4.693.333 ф.“ [1]).

Въ дѣйствительности всѣ эти разсужденія о „*кульминаціонномъ*“ пунктѣ развитія основаны на опечаткѣ въ „Statistical Abstract'ѣ“, за 1909 г., стр. 588, гдѣ вмѣсто цифры 92.610.118 [2]) стоитъ цифра 920.610.118. Что дѣло здѣсь въ опечаткѣ, не могло подлежать *ни малѣйшему сомнѣнію*, хотя бы уже потому, что приведенная рядомъ *общая* сумма импорта изъ трехъ мѣстъ: Порто-Рико, Сандвичевыхъ острововъ и Филиппинъ, равняется за тотъ же годъ всего 484.878.786 фунтамъ, т.-е. въ 2 раза *меньше* приведенной г. Назаревскимъ цифры импорта изъ *однихъ* Филиппинъ [3]). Я не говорю уже о томъ, что громадный и совершенно невѣроятный скачокъ съ 259,8 милліона въ 1890 году до 920 милл. фунтовъ въ 1891 году долженъ былъ уже самъ по себѣ обратить вниманіе г. Назаревскаго на то обстоятельство, что передъ нимъ несомнѣнная опечатка; и это тѣмъ болѣе, что *средняя* цифра импорта въ Соед. Штаты изъ Филиппинскихъ острововъ за предыдущее десятилѣтіе равнялась всего 230 милліонамъ фунтовъ.

Говоря объ этомъ, мы подходимъ къ самому *больному* пункту труда г. Назаревскаго.

Чтобы избавить себя отъ излишней, очевидно, по его мнѣнію, работы, г. Назаревскій, вмѣсто того, чтобы подсчитать *среднюю* за трехлѣтія, пяти - или десятилѣтія и т. д., наводняетъ въ полномъ смыслѣ этого слова свою книгу безчисленными цифрами и таблицами за *отдѣльные* годы.

Что эволюція той или иной отрасли промышленности не можетъ быть правильно охарактеризована при помощи такихъ сопоставленій, ясно для всякаго статистика и экономиста. Къ какимъ результатамъ приводитъ этотъ систематически примѣняемый г. Назаревскимъ пріемъ, видно изъ слѣдующихъ характерныхъ примѣровъ. На стр. 190 г. Назаревскій пишетъ, что „лишь одинъ разъ, въ 1854 году, производство Лузіаны превысило ввозъ, достигнувъ цифры въ 494.200.000 фунтовъ...Однако ростъ промышленности сырца въ Лузіанѣ, продолжавшійся до шестидесятыхъ годовъ, оказалъ сравнительно небольшое вліяніе на ея рафинадную промышленность“.

---

[1]) Вопросительные знаки и курсивъ принадлежатъ мнѣ.

[2]) Ср. хотя бы Statistical Abstract за 1911 г., стр. 564.

[3]) Въ противномъ случаѣ сумма изъ трехъ слагаемыхъ оказалась бы въ 2 раза меньше одного изъ слагаемыхъ.

Въ дѣйствительности никакого роста производства за указанное г. Назаревскимъ время въ Луизіанѣ не наблюдалось, какъ это видно изъ приводимыхъ ниже офиціальныхъ данныхъ. Производство Луизіаны исчислялось:

Въ 1854 г.,	по даннымъ г. Назаревскаго,	въ	494,2	милл. ф.
„ 1855—6 гг.	по офиціальнымъ даннымъ [1])	„	254,6	„ „
„ 1856—7 „	„ „ „	„	81,4	„ „
„ 1857—8 „	„ „ „	„	307,7	„ „
„ 1858—9 „	„ „ „	„	414,8	„ „
„ 1859—60 „	„ „ „	„	255,1	„ „
„ 1860—1 „	„ „ „	„	265,1	„ „

Какой же это „ростъ производства до 60-хъ гг.“, когда все время производство Луизіаны было ниже цифры 1854 г., при чемъ средняя съ 1855—6 по 1860—61 равнялась всего 263,1 милл., т.-е. была почти въ два раза меньше. Къ тому же производство Луизіаны превысило ввозъ вовсе не *одинъ* разъ, какъ утверждаетъ г. Назаревскій. Въ видѣ примѣра достаточно привести хотя бы 1840 г. Если бы г. Назаревскій не полѣнился какъ слѣдуетъ провѣрить свои цифры по первоисточникамъ, онъ не выставлялъ бы такихъ странныхъ утвержденій.

На стр. 183 г. Назаревскій приводитъ, затѣмъ, крайне небрежно [2]) составленную таблицу о ввозѣ въ Соединенные Штаты сахара-сырца изъ разныхъ странъ за 1900, 1903, 1905 и 1909 гг. Въ текстѣ же, на стр. 182 г. Назаревскій заявляетъ: „Количество сырца, вывезеннаго съ острова Кубы въ Соединенные Штаты составляло въ 1900 г. приблизительно 16,5% всего ввоза, а въ 1909 г. уже около 49% ввоза“.

У всякаго читателя должно, такимъ образомъ, составиться мнѣніе о томъ, что роль Кубы, какъ поставщицы сахара въ Соединенные Штаты, теперь несравненно значительнѣе, чѣмъ прежде.

Такой выводъ является, однако, совершенно ошибочнымъ, такъ какъ все основано на *субъективномъ* подборѣ отдѣльныхъ

---

[1]) Ср. Statistical Abstract за 1904 г., стр. 354.

[2]) Въ таблицѣ много совершенно необъяснимыхъ пропусковъ. Такъ, напр., цифры о ввозѣ „изъ другихъ мѣстъ“ за 1900, 1903 и 1905 гг. почему-то г. Назаревскимъ не приведены. Не приведены г. Назаревскимъ и цифры мѣстнаго американскаго производства за 1903 г. и потребленія сахара въ Америкѣ за 1905 г., хотя эти цифры имѣются въ цитируемомъ имъ „Statistical Abstract'ѣ“, за 1909 г. Кромѣ того, на цѣлыхъ 100 милліоновъ преувеличена цифра экспорта изъ Порто-Рико (326 милл. вмѣсто 226 милл.).

годовъ для сравненій. Стоитъ присоединить, напримѣръ, къ таблицѣ г. Назаревскаго только 1895 г., когда началось на Кубѣ возстаніе, вызвавшее впослѣдствіи потерю Кубы Испаніей, и вся нарисованная имъ картина приметъ совершенно иной характеръ. А именно, Куба ввезла въ 1895 г. въ Соединенные Штаты 1846 милліоновъ фунтовъ, т.-е. почти 52% всего ввоза. Такимъ образомъ, Куба покрывала въ 1909 г. *меньшую* долю ввоза въ Соедин. Штаты, чѣмъ въ 1895 г.

Еще яснѣе недопустимость примѣняемаго г. Назаревскимъ метода проявляется при сопоставленіи и для 1895 г. данныхъ Кубы съ данными для Гавайскихъ острововъ и Порто-Рико. Ввозъ сырца въ Соединенные Штаты изъ этихъ мѣстъ исчислялся:

Годы.	Гавайскіе острова.	Куба.	Порто-Рико.
	Въ милліонахъ фунтовъ.		
1895	274,2	1.845,8	56,4
1900	504,7	642,6	72,6
1905	832,7	? [1])	271,3
1909	1022,9	2.583,4	488,5
Увеличеніе въ милл. фун.	+748,7	+737,6	+432,1
Увеличеніе въ % . . .	+**273**%	+**40**%	+**766**%

Такимъ образомъ, принимая во вниманіе и 1895 г., мы получимъ, что ввозъ изъ Гавайскихъ острововъ увеличился даже въ абсолютныхъ цифрахъ быстрѣе ввоза изъ Кубы. Что же касается прироста въ %, то приростъ импорта изъ Кубы, равнявшійся всего 40%, былъ совершенно ничтоженъ сравнительно съ приростомъ въ **273**% изъ Гаваевъ и **766**% изъ Порто-Рико. Наоборотъ, если руководствоваться годами, подобранными въ таблицѣ г. Назаревскаго, то импортъ изъ Кубы въ Соединенные Штаты увеличился на **302**%, тогда какъ импортъ изъ Гаваевъ возросъ, напримѣръ, всего на **103**%.

Можно ли, спрашивается, назвать „*научнымъ*“ методъ, при которомъ, прибавляя только одинъ годъ, мы придаемъ таблицѣ, занимающей безъ пояснительнаго текста *цѣлую страницу*, и которая должна была бы дать картину *эволюціи* экспорта, совершенно иной видъ.

А между тѣмъ, именно этимъ методомъ болѣе или менѣе произвольнаго подбора отдѣльныхъ годовъ, вмѣсто вычисленія *среднихъ* за

---

[1]) Данныя за этотъ годъ г. Назаревскимъ не приводятся.

болѣе или менѣе продолжительный періодъ, г. Назаревскій пользуется систематически, не стѣсняясь даже прибѣгать на основаніи такого болѣе чѣмъ поверхностнаго ознакомленія съ фактами къ „пророчествамъ“. Такъ, напр., на стр. 187, сравнивъ данныя объ импортѣ изъ Порто-Рико сахара въ Соединенные Штаты за 3 года (1900, 1905 и 1909), г. Назаревскій заявляетъ:

„Въ дальнѣйшемъ тоже едва ли можно разсчитывать на особенное увеличеніе ввоза изъ Порто-Рико“.

Въ дѣйствительности вывозъ за 1910 и 1911 гг. далъ громадный скачокъ вверхъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

Годы.	Импортъ сахара изъ Порто-Рико.	Увеличеніе.	
	Въ милліонахъ фунтовъ.		
1900	72,6		
		+64,6	
1901	137,2		
		+46,6	
1902	183,8		
		+42,3	
1903	226,1		
		+33,1	
1904	259,2		
		+12,1	
1905	271,3		
		+139,2	
1906	410,5		
		—2,4	
1907	408,1		
		+61,2	
1908	469,2		
		+19,2	
1909	488,4		
		+80,6	+177,4
1910	569,0		
		+76,8	
1911	645,8		

Такого громаднаго роста импорта изъ Порто-Рико (на 177,4 милл. фунтовъ за 2 года) *никогда* до сихъ поръ еще не наблюдалось!!!

При примѣняемомъ г. Назаревскимъ „научномъ“ методѣ болѣе или менѣе произвольнаго подбора для сравненій данныхъ за какихъ-нибудь 3 или 4 года, такіе удачные результаты его пророчествъ на врядъ ли удивятъ какого нибудь статистика или экономиста.

На стр. 226 г. Назаревскій приписываетъ усиленный ввозъ свекловичнаго сахара-сырца европейскимъ вывознымъ преміямъ, приводя для этого слѣдующую таблицу съ данными съ 1892 по **1897** гг. [1]):

---

[1]) Я съ умысломъ не округляю цифръ, чтобы не портить „впечатлѣнія.“

	Импортъ свекл. сахара изъ Европы (?) въ Соед. Штаты.	Весь импортъ и тростн. и свекл. сахара въ Соед. Штаты.
1892	293.134.261 ф. [1]	3.556.509.165 ф.
1893	436.333 843 „	3.766.445.347 „
1894	510.281.541 „	4.345.193.881 „
1895	344.316.102 „	3.574.510.454 „
1896	604.681.045 „	3.896.338.557 „
1897	1.865.554.849 „	4.918.905.733 „

„Въ 1897 г.“, дѣлаетъ изъ этой таблицы выводъ г. Назаревскій, „слѣдовательно, до 40% американскаго ввоза покрыла Европа“.

Въ дѣйствительности таблица эта даетъ совершено *тенденціозное* освѣщеніе положенія вещей, т. к. громадный ввозъ въ 1897 г. былъ вызванъ не столько вывозными преміями европейскихъ государствъ, сколько предстоявшимъ вступленіемъ въ силу высокаго тарифа Динглея. Такое увеличеніе ввоза *передъ* повышеніемъ тарифныхъ ставокъ, какъ это извѣстно всякому экономисту, наблюдается *почти всегда*. Если бы г. Назаревскій не подбиралъ искусственно годовъ, а привелъ и данныя за слѣдующій 1898 г. (онъ говоритъ вѣдь о 90-хъ годахъ!), то получилась бы слѣдующая картина. Несмотря на громадное сокращеніе ввоза и изъ другихъ мѣстъ (общій импортъ упалъ съ 4,92 до 2,70 милліарда фунтовъ, т.-е. почти наполовину), Соед. Штаты ввезли въ 1898 г. всего **140,6** милл. фунтовъ свекловичнаго сахара-сырца, т.-е. меньше 8% количества, ввезеннаго въ 1897 г. и меньше 3% общаго ввоза. Вывозныя же преміи были въ дѣйствіи и въ 1898 г.

Можно ли серьезно считаться съ данными и выводами г. Назаревскаго, видно, затѣмъ, и изъ слѣдующихъ сопоставленій. На стр. 211 онъ пишетъ: „Въ то время, какъ въ Соед. Штатахъ цѣны на рафинадъ съ 1890 по 1900 г. *въ среднемъ* (курсивъ мой) стояли не ниже 4 центовъ, въ Англіи тоже не ниже 3,50 центовъ, экспортныя цѣны въ Гамбургѣ, благодаря нѣмецкимъ вывознымъ преміямъ, спускались до 2,50 и даже до 2,21 цента въ 1893 г.“

Въ дѣйствительности данныя для Гамбурга, приведенныя г. Назаревскимъ для 1893 г., не соотвѣтствуютъ цифрамъ, приводимымъ цитируемымъ имъ источникомъ (Report of the Indust-

---

[1]) Г. Назаревскій забываетъ упомянуть, что дѣло идетъ о фунтахъ.

rial Commission Vol. I, стр. 41—43). Не наблюдались затѣмъ такія цѣны *рафинада* (2,21 цента) въ Гамбургѣ и въ *другіе* годы обслѣдованнаго г. Назаревскимъ періода. Не говоря уже, понятно, о томъ, что болѣе чѣмъ странно сравнивать безъ оговорокъ цѣны въ Англіи за лучшій сортъ сахара (Tate's tubes) съ цѣнами за обыкновенный рафинадъ въ Германіи. И это тѣмъ болѣе, что въ своемъ предисловіи къ цитируемымъ г. Назаревскимъ таблицамъ проф. Дженксъ (ср. стр. 39) *спеціально оговаривается*, что указанный сортъ англійскаго рафинада, являясь *особо высокой маркой*, пользуется значительно повышенной расцѣнкой [1]).

Наконецъ, если „*въ среднемъ*“ обозначаетъ среднюю за 1890 до 1900 г. (а не по 1900 г., какъ пишетъ г. Назаревскій, такъ какъ данныхъ за 1900 г. въ цитированномъ имъ источникѣ не имѣется), то эта средняя не вѣрна. Если же „въ среднемъ“ обозначаетъ данныя за отдѣльные годы, то они опять-таки не вѣрны, такъ какъ среднія за „Tate's tubes“ въ Англіи за 1897, 1898 и 1899 гг. были ниже 3,50 цента.

Вящаго комизма ради остается констатировать, что цифры 2,50 и 2,21 цента дѣйствительно отпечатаны въ цитируемомъ г. Назаревскимъ источникѣ, но только въ столбцѣ за 1898, а не за 1893 г., при чемъ число 2,50, стоящее въ верхнемъ концѣ столбца, обозначаетъ собою цѣну *рафинада* за май 1898 года, а 2, 21 цента, число, стоящее внизу столбца, обозначаетъ цѣну за сахаръ-*сырецъ* въ декабрѣ 1898 г.

Г. Назаревскій списалъ эти цифры, не озаботившись даже ознакомиться какъ слѣдуетъ съ тѣмъ, что онѣ обозначаютъ.

Примѣровъ такой совершенно невѣроятной небрежности въ книгѣ г. Назаревскаго имѣется множество. Здѣсь достаточно указать на слѣдующіе особенно характерные факты.

А именно, на стр. 156, говоря объ американской стальной корпораціи, г. Назаревскій пишетъ:

„Рынокъ относился тоже къ ней недовѣрчиво, несмотря на участіе въ ней самыхъ видныхъ капиталистовъ страны, и котировалъ вначалѣ ея обыкновенныя акціи по $42^3/_4$ доллара *и даже 28 долл.* (въ мартѣ 1901 г.) взамѣнъ номинальныхъ 100 долл“.

Въ дѣйствительности въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ цитируемаго г. Назаревскимъ источника (Report of the Industrial Com-

---

[1]) Иногда разница достигала почти полуцента на фунтъ, что, при цѣнахъ за послѣдніе годы XIX столѣтія, равнялось почти 15% цѣны этого сорта сахара въ Англіи и приблизительно 20% экспортныхъ цѣнъ въ Гамбургѣ.

mission, Vol. XIII, стр. 922) мы читаемъ слѣдующее: „Самая низкая котировка до мая наблюдалась 28 марта—42¾ долл. для обыкновеныхъ акцій и 92¾ для привилегированныхъ“.

Такимъ образомъ. „*28 марта*“ превращается у г. Назаревскаго въ „*28 долларовъ*“.

На стр. 192, примѣчаніе 2-е, строка 3-я сверху г. Назаревскій смѣшиваетъ „*возвратъ пошлины*“ съ „*вывозной преміей*“ *на сахаръ*, опредѣляя послѣднюю *въ 8 центовъ*.

На стр. 204, строка 3-я снизу г. Назаревскій утверждаетъ затѣмъ, будто потребленіе сахара рафинала въ Соед. Штат. колебалось за періодъ съ 1872 по 1886 г. съ 1,5 до 3 милліоновъ фунтовъ. Въ дѣйствительности дѣло идетъ о милліардахъ.

На стр. 269 г. Назаревскій утверждаетъ совершенно невѣроятную вещь, будто бы тайная премія, получавшаяся Standard Oil Co отъ одной изъ желѣзныхъ дорогъ, исчислялась изъ расчета 41 барелей нефти на 10 барелей керосина. Въ дѣйствительности въ указанномъ г. Назаревскимъ источникѣ это отношеніе характеризуется какъ 14 къ 10.

На стр. 94 г. Назаревскій исчисляетъ процентъ прироста добычи чугуна съ 1865 по 1875 гг. въ 240%, тогда какъ въ дѣйствительности этотъ приростъ равняется 143%.

На стр. 164 г. Назаревскій утверждаетъ, будто въ *концѣ* 90-хъ годовъ цѣна на гвозди упала до 1 р. 40 к. (?) за ящикъ. Такъ какъ вслѣдъ за этимъ идетъ таблица съ данными за 1901 по 1906 гг., то всякій подумаетъ, что цифра относится къ ближайшимъ къ этому моменту годамъ.

Въ дѣйствительности, въ 1899 г. минимальная цѣна (за январь) равнялась 1 долл. 59 центамъ, средняя же цѣна за годъ 2 долл. 60 центамъ. (За 1900 годъ средняя была еще выше—2,76 долл. за ящикъ).

Такъ какъ г. Назаревскій въ своихъ критическихъ опытахъ не разрѣшаетъ другимъ пользоваться вполнѣ яснымъ для всякаго экономиста терминомъ „*въ концѣ года*“, то какъ же можно писать о цѣнахъ *въ концѣ 90-хъ годовъ*, не обозначая даже года. Или, быть можетъ, то, что *непозволительно* другимъ, разрѣшается г. Назаревскому?

На стр. 165-й г. Назаревскій совершенно напрасно приписываетъ американскому Бюро Корпорацій [1]) большую глупость. А

[1]) Кстати сказать, г. Назаревскій безконечное число разъ безграмотно пишетъ вмѣсто: „Commissioner of Corporations“ и „Бюро Корпорацій“, „Commissioner*s* of Corporations“ или „Commissioner*s* of Corporatio*n*, „Бюро Корпораці*и* и т. д.

именно, по его словамъ, Бюро Корпорацій, вычисляя чистую прибыль треста, включило въ суммы дохода и „амортизаціонныя суммы и пр., помѣченныя въ отчетахъ Корпораціи, какъ расходъ“.

Само собой разумѣется, что „Бюро Корпорацій“ и не думало продѣлывать такой совершенно невѣроятной съ точки зрѣнія дѣловой практики *безмыслицы*.

Въ дѣйствительности оно включило въ прибыль стального треста не амортизаціонныя суммы, какъ утверждаетъ г. Назаревскій, а только ту *часть* занесенныхъ въ эту графу расходовъ треста, которые превышали *нормальныя*, по мнѣнію Бюро, затраты для разныхъ указаныхъ въ рубрикахъ этой статьи цѣлей.

На стр. 263 г. Назаревскій, приводя двѣ таблицы съ данными о ставкахъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ на нефть и керосинъ, *перепутываетъ* заголовки.

Въ результатѣ получается невѣроятная безсмыслица, будто тарифъ на сырье (нефть) значительно выше ставки желѣзнодорожнаго тарифа на готовый продуктъ (керосинъ).

Вслѣдъ за этимъ г. Назаревскій (стр. 264) утверждаетъ, будто „члены Standard Oil Co получали 50% скидки на транспортѣ“. Цитируемый имъ источникъ приводитъ однако другія цифры. А именно 40—50% для нефти и 25—45% на керосинъ. На той же 264 стр. г. Назаревскій говоритъ, что къ концу 1872 г. изъ 25 независимыхъ заводовъ въ Клевелендѣ не осталось ни одного“. Въ дѣйствительности дѣло идетъ, однако, въ цитируемомъ имъ источникѣ, не о 25 заводахъ, а о 25 „консернахъ“, т.-е. 25 группахъ заводовъ. Число же заводовъ было значительно больше.

Не меньше недоумѣній долженъ вызвать оригинальный переводъ другихъ англійскихъ терминовъ и выраженій. Такъ, напр., въ цитируемомъ имъ источникѣ говорится, что желѣзнодорожная компанія добывала около 12% всей добычи антрацита въ Пенсильваніи. Г. Назаревскій же утверждаетъ (стр. 68). будто эта компанія являлась *обладательницей* 12% всѣхъ антрацитовыхъ полей въ Пенсильваніи, что далеко не то же. Такую же ошибку онъ дѣлаетъ на стр. 69, гдѣ вмѣсто % тоннажа онъ говоритъ о процентѣ принадлежащей различнымъ дорогамъ какой-то *„угольной земли“* [1]). Незнаніе англійскаго языка, соединенное съ невѣроятной

---

[1]) Не менѣе наивную терминологію г. Назаревскій примѣняетъ въ другихъ мѣстахъ. Напримѣръ, на стр. 309, гдѣ, говоря о продажѣ керосина въ жестянкахъ, переводитъ терминъ „tin cans“—„жестяные кувшины“.

самоувѣренностью и вольностью въ обращеніи съ незнакомыми словами, сказывается затѣмъ и на стр. 203, гдѣ г. Назаревскій изобрѣтаетъ *„датскую классификацію“* сахара, когда дѣло идетъ о „Dutch Standard“, т.-е. *голландской* классификаціи[1]).

Въ своей работѣ профессоръ г. Назаревскій часто смѣшиваетъ затѣмъ при переводѣ цитатъ изъ использованныхъ имъ источниковъ столь разнящіеся другъ отъ друга (это извѣстно даже студентамъ 1-го курса) термины какъ: *„производительная способность“* и *„производство“* въ результатѣ чего получаются крупныя ошибки, т.-к. производительная способность бываетъ часто на 30,50, а иногда даже болѣе чѣмъ на 100% выше фактическаго производства.

Невѣроятная небрежность проявляется затѣмъ на стр. 281, 282, 283 и т. д., гдѣ „Interstate Commerce Act“ переводится сплошь и рядомъ совершенно безсмысленно: *„Актъ о международной торговлѣ“*, хотя въ другихъ мѣстахъ имѣется правильный переводъ—„Актъ о междуштатной торговлѣ“. На стр. 285 (пунктъ 3-й) г. Назаревскій приводитъ данныя о вѣсѣ канзаской *нефти*, тогда какъ фактически эти данныя относятся къ вѣсу *мазута* („fuel oil“ или „residuum“).

На стр. 259 г. Назаревскій утверждаетъ, будто первоначально небольшой заводъ Рокфеллера вскорѣ уже производилъ 1500 барелей *(около 120.000 пуд.)* керосина въ день. Въ дѣйствительности, цифра въ 120.000 пудовъ основана опять таки на простой небрежности, т.-к., по даннымъ самого г. Назаревскаго, барель равняется всего 8 пудамъ.

На стр. 351 г. Назаревскій приводитъ таблицу важнѣйшихъ трестовъ и компаній, примыкающимъ къ группѣ Рокфеллера. При этомъ, *подводя итоги*, онъ складываетъ *биржевую* расцѣнку акціонернаго капитала нѣкоторыхъ трестовъ, напримѣръ, Standard Oil Co., съ *номинальной* величиной капитала другихъ трестовъ и компаній. Пріемъ, само собой разумѣется, совершенно недопустимый.

На стр. 242 и 243 г. Назаревскій дѣлаетъ выводы о стоимости прокладки **6** и **8** дюймовыхъ нефтепроводовъ. Первые обходи-

---

[1]) Кромѣ того г. Назаревскій употребляетъ иностранные термины, совершенно непримѣняемые въ русскомъ языкѣ въ указанномъ имъ смыслѣ. Въ этомъ отношеніи здѣсь достаточно указать на терминъ *„репортъ“* (въ смыслѣ отчетовъ тѣхъ или иныхъ комиссій ср., напр., стр. 283), хотя подъ репортомъ у насъ понимаютъ особый родъ спекулятивныхъ сдѣлокъ.

лись, по даннымъ Бюро Корпорацій, въ 4 тысячи долл. съ мили, вторые въ 6 тысячъ. *По болѣе авторитетному мнѣнію г. Назаревскаго* эти расходы *„нужно значительно повысить“*. т.-к. „проведеніе сравнительно небольшой линіи Humboldt Kansas City (съ трубами въ среднемъ въ 6 дюймовъ) длиною въ 117 миль обошлось строившей ее компаніи въ 758.120 долларовъ, т. е. по 6480 долларовъ. Такимъ образомъ, между *„мало авторитетнымъ“* мнѣніемъ Бюро Корпорацій и *„высоко авторитетнымъ“* мнѣніемъ г. Назаревскаго создается *громадная* разница въ **62**%, т.-к. первое оцѣниваетъ расходы при прокладкѣ 6—дюймовыхъ трубъ въ 4 тысячи, а г. Назаревскій въ 6480 долл. Въ дѣйствительности, вся авторитетность г. Назаревскаго и здѣсь основывается исключительно на его *фономенальной* небрежности, т.-к. цитируемый имъ офиціальный источникъ констатируетъ, что указанный г. Назаревскимъ нефтепроводъ былъ не **6** а *8—дюймовымъ*. Такъ какъ, по даннымъ Бюро Корпорацій, 8—дюймовый нефтепроводъ обходится не въ 4.000, а 6.000 долларовъ съ мили, то разница сводится такимъ образомъ не къ **62**, а всего къ **8**%. При констатируемой же самимъ г. Назаревскимъ *небольшой длинѣ* указаннаго нефтепровода разница въ 8% могла бы вызвать возраженія только того, кто незнакомъ съ азбукой какъ экономической науки, такъ и жизненной практики.

Не останавливаясь на массѣ другихъ болѣе или менѣе крупныхъ ошибокъ, неточностей, неправильной передачѣ мыслей цитируемыхъ авторовъ и т. д., здѣсь достаточно привести въ заключеніе *геніальное открытіе*, сдѣланное профессоромъ Назаревскимъ на почвѣ плохого знакомства съ англійскимъ языкомъ, съ одной стороны, совершеннаго незнакомства съ техническими условіями описываемой имъ промышленности, съ другой, и свойственной ему „наивной“ небрежности съ третьей. Англійскій терминъ „Pig Iron“ значитъ по русски *чугунъ*, а „Iron“ — *желѣзо*. На страницѣ 97 — 101 г. Назаревскій смѣшиваетъ, однако, эти понятія. На почвѣ такого оригинальнаго отношенія къ терминологіи появляется великое открытіе, будто не только что въ 70-хъ гг., но и въ половинѣ 90-хъ гг. XIX столѣтія въ Соед. Штатахъ изготовлялись не *желѣзные*, а *„чугунные“* рельсы. Я думаю, что наврядъ ли даже въ захолустной гимназіи найдется много учениковъ 4-го или 5-го класса, которые не знали бы того, что при давно уже вошедшей въ обычай въ Америкѣ громадной скорости передвиженія поѣздовъ при чугунныхъ рельсахъ на каждой верстѣ происходили бы

ужаснѣйшія катастрофы. А г. Назаревскій смакуетъ эти „чугунные рельсы“ въ безконечныхъ повтореніяхъ и варіяціяхъ [1]).

Ко всѣмъ вышеуказаннымъ недочетамъ необходимо прибавить:

во-1-хъ, небрежное цитированіе использованныхъ источниковъ, въ родѣ неправильной передачи или отсутствія названій и т. д. [2]);.

во-2-хъ, многочисленныя ссылки на авторовъ безъ указанія страницъ (ср. стр. 6 прим. 2-е, стр. 50 прим. 3-е, стр. 52, прим. 1-е, стр. 65 прим. 2-е и т. д. и т. д.;

---

[1]) Наряду съ открытіемъ *чугунныхъ* рельсъ въ концѣ XIX столѣтія можетъ быть поставлено основанное, понятно, на небрежности утвержденіе г. Назаревскаго на стр. 195, будто паровыя машины, по свидѣтельству Шушарта (?) „стали играть болѣе или менѣе важную роль лишь со 2-ой половины XIV столѣтія“. Говоря объ оригинальныхъ переводахъ г. Назаревскимъ терминовъ, здѣсь нельзя обойти и въ высшей степени оригинальной передачи имъ на русскій языкъ англійскихъ и нѣмецкихъ именъ. Такъ, напр., Gates, президентъ одного изъ крупнѣйшихъ американскихъ трестовъ, именуется имъ безчисленное число разъ вмѣсто „Гейтсъ“—„*Гатесомъ*“, знаменитый руководитель финансовой группы—Moore, вмѣсто Мура,—„*Мооромъ*“, штатъ Западная Виргинія именуется то „West Virginia“,то Вестъ Виргинія“, то „В. Виргинія“, то „З. Виргинія“, озеро Erie (читай Ири) именуется безконечное число разъ озеромъ „Эріэ“ (стр. 148, 157 и т. д.), Glier (читай Глиръ), фамилія часто цитируемаго г. Назаревскимъ нѣмецкаго автора, превращается въ „Гліера“, Schuchart (Шухартъ), нѣмецкій авторъ, у котораго онъ списываетъ часто неизвѣстно для чего цѣлыя страницы, все время (безконечное число разъ) именуется „Шушартомъ“, штатъ Louisiana (Луизіана) десятки разъ именуется „Lousiana“ и даже „Лузіона“ (ср. 189 и слѣд.), Saratoga превращается въ „Saragota“ (стр. 14), Monongahela въ „Mononganella“ (стр. 48, 72 и слѣд.), извѣстный помощникъ Рокфеллера Andrews (читай Эндрюсъ) въ „Андрью“, я не говорю уже объ обыкновенныхъ опечаткахъ, которыми можно заполнить страницы.

Для характеристики этой стороны изслѣдованія г. Назаревскаго здѣсь достаточно указать, что онъ не умѣетъ даже правильно написать имени города, который онъ не только нѣсколько разъ проѣзжалъ, но въ которомъ даже и жилъ. На всемъ протяженіи своего труда г. Назаревскій десятки, если не сотни разъ пишетъ вмѣсто New York — New Iork. Что дѣло здѣсь не въ опечаткѣ, а именно въ небрежности самого г. Назаревскаго, видно изъ того, что въ англійскомъ приложеніи къ книгѣ, которое набиралось наборщиками, очевидно, съ англійскаго текста, названіе этого города пишется правильно.

Парадируя затѣмъ общеизвѣстнымъ англійскимъ выраженіемъ „gentlemen's agreements“, г. Назаревскій пишетъ его совершенно безграмотно gentlemans agreements (ср. стр. 99, 170 и слѣд.)

[2]) Названіе книги Лифмана перепутано, массу разъ цитируется Levy безъ указаній названія статьи или труда, хотя у Леви ихъ имѣется большое число, не обозначается часто года журнала, когда цитируется Глиръ, хотя работа его печаталась въ разныхъ книжкахъ за 2 года и т. д., и т. д.

въ 3-хъ, ссылки на извѣстныя страницы, когда въ указанныхъ источникахъ либо вообще *ничего подобнаго* не имѣется, либо если имѣется, то съ существенными огоговорками (ср. стр. 142 примѣчанія 1-е и 2-е, стр. 146 прим. 4-е, стр. 173 прим. 3-е и т. д. и т. д.);

въ 4-хъ, цѣлые столбцы цифръ и таблицы безъ указанія источниковъ, откуда они взяты (ср. стр. 69, стр. 79 примѣч. 3-е, стр. 138 примѣч. 4-е, и т. д.);

въ 5-хъ, цитированіе цифръ и столбцовъ цифръ безъ обозначенія того, что они обозначаютъ, и перепутываніе американскихъ мѣръ и вѣсовъ съ русскими: пуды вмѣсто тоннъ, рубли вмѣсто долларовъ (ср. стр. 93, стр. 130, строка 23-я сверху, стр. 165, стран. 164, послѣдняя строка текста, и т. д.);

въ 6-хъ, неизвѣстно къ чему относящіяся примѣчанія, отсутствіе указанныхъ въ текстѣ примѣчаній (на стр. 126 не хватаетъ сразу двухъ) и полнѣйшее неумѣніе или нежеланіе разставлять примѣчанія такъ, чтобы легко было установить, какая часть приводимыхъ данныхъ или выводовъ взята изъ каждаго цитируемаго источника, что, понятно, неимовѣрно затрудняетъ провѣрку;

въ 7-хъ, часто встрѣчающееся отсутствіе данныхъ за послѣдніе годы въ очень важныхъ случаяхъ, хотя эти данныя имѣются въ цитированныхъ источникахъ:

въ 8-хъ, частыя повторенія, противорѣчія, ошибки въ годахъ появленія, распаденія или судебной пріостановки дѣйствій тѣхъ или иныхъ соглашеній, путаница въ ихъ названіяхъ и болѣе чѣмъ странный паѳосъ [1]).

Наконецъ, last not least, поразительное неумѣніе пользоваться статистическимъ [2]) и инымъ матеріаломъ, въ виду чего получаются безконечныя повторенія, путанница и невѣроятное за-

---

[1]) На стр. 290 г. Назаревскій, описывая, напримѣръ, затрудненія, которыя создавались конкурентамъ со стороны Standard Oil Co, патетически восклицаетъ: Въ мѣсто прокладки нефтепроводовъ „желѣзными дорогами посылались банды вооруженныхъ людей, а Erie Railroad выставила даже *цѣлую пушку*, изъ которой была открыта пальба по рабочимъ нефтепроводной компаніи“. Гдѣ же это г. Назаревскій видѣлъ, чтобы стрѣляли изъ половинъ или четвертей пушекъ?

[2]) Въ этомъ отношеніи здѣсь достаточно указать хотя бы на поразительную *„точность“* г. Назаревскаго. Безконечное число разъ онъ приводитъ данныя въ родѣ: въ 1850 г. заработная плата рабочихъ американской промышленности равнялась 236.755.464 долларамъ, цѣнность выработанныхъ про-

громожденіе никому и ни къ чему ненужными пустяками, служащими только для того, чтобы придать книгѣ достаточную *толщину*.

Послѣ всего сказаннаго наврядъ ли кого-либо удивитъ мое утвержденіе, что мнѣ рѣдко приходилось встрѣчать такія претенціозныя, сшитыя на живую нитку, неимовѣрно бѣдныя съ теоретической стороны и невѣроятно небрежно и неумѣло составленныя компиляціи, какъ *первая* часть, *перваго* тома труда г. Назаревскаго. И это тѣмъ болѣе, что:

во-1-хъ, во всемъ трудѣ г. Назаревскаго мнѣ не удалось отыскать *ни одного* сколько бы то ни было интереснаго и важнаго явленія, которое не было бы уже *давнымъ-давно* критически

дуктовъ 1.019.106.616 долл., въ такомъ-то штатѣ добывалось въ такомъ-то году 148.696.777 тоннъ угля, въ 1905 г. въ Соед. Штатахъ было потреблено 276.133.425 тоннъ битуминнаго угля, въ 1888 г. въ штатѣ Луизіана было добыто 375.904.197 фунтовъ сахара-сырца, добыча нефти въ такомъ-то районѣ за такой-то годъ равнялась 44.854.737 барелямъ и т. д., и т. д. Кому и для чего нужна такая „точность“?

Приводить, не округляя, безчисленное число разъ такія цифры можетъ только тотъ, кто абсолютно не знакомъ съ характеромъ и достовѣрностью соотвѣтствующихъ статистическихъ матеріаловъ.

Читая книгу г. Назаревскаго, поневолѣ вспоминаешь блестящую статью извѣстнаго французскаго статистика Альфреда де Фовиля. Высмѣивая такихъ статистиковъ, Фовиль приводитъ слѣдующія выдержки изъ одной французской комедіи. Фигурирующій тамъ „*статистикъ*“, желая посвятить въ тайны своей профессіи простодушнаго филистера, говоритъ: „Во всей Франціи нѣтъ человѣка, который могъ бы привести въ движеніе мизинецъ своей руки, безъ того, чтобы это стало намъ извѣстнымъ. Намъ извѣстно число свѣжихъ яицъ, поѣдаемыхъ каждое утро. Мало того, мы можемъ даже подсчитать, сколько находится птицъ въ воздухѣ и рыбъ въ водѣ. Въ мірѣ нѣтъ вообще ничего, что могло бы укрыться отъ нашего взгляда“.

Простякъ-собесѣдникъ, котораго нашъ ученый желалъ привлечь на лоно статистики, пугается понятно и объявляетъ себя неспособнымъ къ такому напряженію своихъ умственныхъ силъ. „Статистикъ“ не унываетъ однако, и старается успокоить трусливаго филистера слѣдующими разсужденіями:

„Это сущіе пустяки, любезный коллега! Вы привыкнете къ этому со временемъ. Необходимо, собственно говоря, только немного самоувѣренности! Вы говорите, напр.: въ Испаніи собрано 3.500.300.000 съ *половиной* сноповъ... Обратите вниманіе на *эту половину*: она необходима, такъ какъ служитъ пробнымъ камнемъ всякаго точнаго вычисленія. Эта половина снопа завоюетъ тотчасъ же сердца публики. Обратите вниманіе, скажутъ на эту точность! Эти люди высчитываютъ вѣдь все до мельчайшихъ дробей. Вашу цифру станутъ съ этого момента считать равной изреченію изъ евангелія. Этой половиной снопа вы пріобрѣтете больше довѣрія, чѣмъ 3 милліардами“.

Можно только искренно пожалѣть о томъ, что Альфредъ де Фовель не былъ знакомъ съ книгой г. Назаревскаго.

освѣщено и разобрано въ западно-европейской, а затѣмъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ и въ русской литературѣ [1]);

и во-2-хъ, что указанные выше многочисленные недочеты (представляющіе собой только *часть* найденныхъ мной ошибокъ) обнаружены мной путемъ провѣрки только *небольшой* части цитированныхъ г. Назаревскимъ источниковъ, при чемъ провѣрка эта производилась лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣ или иныя цифры или выводы изъ нихъ казались мнѣ сомнительными, и въ моихъ рукахъ имѣлись цитированные имъ источники.

І. М. Гольдштейнъ.

Д. А. Дриль. Ученіе о преступности и мѣрахъ борьбы съ нею СПБ., 1912 г.

Покойный Дриль выступалъ на научное поприще въ то время, когда подъ знакомъ дарвинизма сравнительный методъ торжествовалъ свою побѣду въ біологіи, благодаря примѣненію его къ исторіи развитія организмовъ, и дѣлалъ первые шаги въ направленіи къ созданію сравнительной исторіи нравовъ, правовыхъ порядковъ и учрежденій. И въ это время изъ всѣхъ общественныхъ наукъ одно только уголовное право продолжало оставаться въ зависимости отъ метафизики, вполнѣ отрѣшившись отъ жизни и добровольно игнорируя психическія особенности, созданныя какъ наслѣдственностью, такъ и общественной средой. Проблески новаго наблюдались въ это время лишь въ тюрьмовѣдѣніи съ его стремленіемъ къ перевоспитанію преступника и съ изученіемъ съ этой цѣлью психической природы и факторовъ преступности.

Застой, царившій тогда въ области криминологіи, заставилъ Дриля особенно рѣзко отрицательно отнестись къ такъ называемой классической школѣ уголовнаго права (125—127 и 181—183). Даже признавая крупную роль ея и заслуги въ дѣлѣ борьбы съ произволомъ и жестокостью и видя въ ней по условіямъ времени

---

[1]) Въ этомъ отношеніи г. Назаревскій совершенно напрасно замалчиваетъ, напримѣръ, при освѣщеніи различныхъ вопросовъ, трудъ И. И. Янжула: „Промысловые синдикаты“. Несмотря на нѣкоторую устарѣлость и другіе недочеты, этотъ трудъ по ясности и умѣлости изложенія и освѣщенія вопроса, а затѣмъ и громадной общей эрудиціи автора даже и въ настоящее время несравненно выше труда г. Назаревскаго.

ея возникновенія и начальнаго развитія необходимый этапъ въ ходѣ развитія воззрѣній въ области явленій уголовнаго права, все же Дриль даже въ прошломъ считалъ мысль классической школы достаточно сильной лишь для критики; для положительнаго же творчества на почвѣ научно-разработанныхъ фактовъ и тогда Дриль считалъ эту мысль безусловно слабой и недостаточно вооруженной. А въ настоящемъ Дриль видитъ въ ученіяхъ классической школы лишь безплодныя схоластическія блужданія въ области переживаній сѣдой старины да въ области отвлеченныхъ произвольныхъ построеній. Изученіе самого преступнаго человѣка, этого фактора преступленій, его особенностей и причинъ его производящихъ, въ доктринахъ классической школы отсутствуетъ. Поэтому, по мнѣнію Дриля, этой школѣ въ силу ея прошлаго и не оставалось и не остается ничего болѣе, какъ заняться формальнымъ, кропотливымъ и отвлеченно-логическимъ анализомъ отвлеченныхъ понятій преступленія и наказанія вообще и различныхъ видовъ того и другого въ частности.

Въ то же время Дриль врагъ взаимодѣйствія юридической и антропо-соціологической точекъ зрѣнія, такъ какъ по самому существу дѣла различіе въ данномъ случаѣ коренное, различіе въ основномъ углѣ зрѣнія, въ предметѣ изслѣдованія и въ самыхъ пріемахъ его (189).

Самъ же Дриль (и юристъ и медикъ одновременно по образованію) въ своихъ криминалистическихъ взглядахъ стоитъ всецѣло на почвѣ естествознанія съ его надежными методами наблюденія и опыта, примыкая къ антропологической школѣ права, только безъ ея крайностей (безъ ея жестокихъ требованій уничтоженія или, по крайней мѣрѣ, изоляціи прирожденнаго преступника, напр.) и съ нѣкоторыми (хотя, какъ увидимъ ниже, и далеко недостаточными и слабыми) поправками на соціально-экономическую точку зрѣнія, хотя доминирующее значеніе послѣдней (236), особенно относительно рабочаго класса (239), и не укрылось отъ наблюдательнаго взора Дриля. Ближе же всего стоитъ Дриль къ психіатрическимъ ученіямъ о близкомъ родствѣ между преступностью, вырожденіемъ и душевной болѣзнью, причемъ преступность считается однимъ изъ видовъ вырожденія (401 и 521). А въ частностяхъ на криминалистическіе взгляды Дриля оказали вліяніе ученія френолога Галля, антропометровъ Вирхова и Дэйвиса, психологовъ Депина и Пере, врачей Томсона и Верджиліо, Ломброзо съ его особымъ анатомо-физіологическимъ преступнымъ типомъ, Бенедикта съ его теоріей органической недостаточности, какъ основы профессіональной преступности,

Мореля съ его теоріей вырожденія на соціальной подкладкѣ и Ничефоре съ его антропологіей бѣдныхъ классовъ населенія [1]).

Такимъ образомъ, по ученію Дриля, предметомъ науки уголовнаго права служитъ прежде всего самъ преступный человѣкъ, какъ мститель за нарушеніе законовъ общественной жизни и въ то же время жертва этого нарушенія (378), и особенности его преступности, какъ болѣе или менѣе стойкаго внутренняго состоянія, и иначе говоря, наслѣдственныя и пріобрѣтенныя а нормальности въ физической и въ душевной организаціи и въ нервной системѣ преступника, которыя при наличности извѣстныхъ внѣшнихъ условій предрасполагаютъ и наталкиваютъ человѣка на совершеніе преступленія. Такимъ предметомъ служатъ и производящія причины (факторы) преступности внѣшнія (пауперизмъ, алкоголизмъ, одиночество и безпомощность, сложная и своеобразная жизнь большихъ городскихъ торгово-промышленныхъ центровъ и т. д.) и внутреннія (дурная наслѣдственность) и цѣлесообразныя мѣры воздѣйствія, какъ на среду, подготовляющую и развивающую преступность, такъ и на самого преступника въ цѣляхъ возможно большаго огражденія общества отъ преступленій. Но спрашивается, возможно ли придавать такое рѣшающее значеніе антропологическимъ условіямъ? Обстановка соціально-экономическая (пауперизмъ, деклассація, алкоголизмъ, неразвитость и т. д.) у родителей субъекта и у самого субъекта съ самаго его рожденія одинаковы; одинаковы и слѣдствія. Стоитъ измѣнить обстановку и такъ называемая „дурная наслѣдственность“ ни въ чемъ или, по крайней мѣрѣ, почти ни въ чемъ не проявятся. Да и самъ Дриль къ наслѣдственности долженъ былъ сдѣлать поправку на воспитаніе (412). И такимъ образомъ правы повидимому „нѣкоторые“ (401), считающіе первопричиной преступности соціально-экономическіе факторы, а не Дриль, считающій такой первопричиной антропологическіе факторы.

Для непосредственной борьбы съ преступностью Дриль рекомендуетъ учрежденія для воспитанія и перевоспитанія заброшенныхъ дѣтей и подростковъ и учрежденія для перевоспитанія прегрѣшившихъ взрослыхъ (478), реформаторіи. Говоритъ Дриль и о судахъ для юношества (488).

---

[1]) Но удивило насъ незнакомство Дриля съ „Медициной страстей“ Дескюре, переведенной и на русскій языкъ. Хорошая старая книга, но теперь, какъ видно, основательно и незаслуженно забытая даже спеціалистами. Незнакома повидимому Дрилю и поразитическая теорія преступности Нордау. Бехтереву, впрочемъ, она извѣстна (523—526).

Впрочемъ, какъ справедливо указываетъ Дриль, главное въ дѣлѣ борьбы съ преступностью не мѣры пресѣченія, а мѣры предупрежденія, только въ этой области самымъ невыгоднымъ образомъ сказалась утопичность соціально-политическихъ взглядовъ Дриля.

Что касается политико-соціальныхъ взглядовъ Дриля, то онъ беретъ отъ Толстого взглядъ на возможность улучшенія общественныхъ условій лишь путемъ улучшенія нравственной природы человѣка (CVI), отъ Пиѳагора его ученіе о гармоніи (198), отъ Галена (201) и Мореля (241) идеи о значеніи воспитанія въ дѣлѣ образованія нравственной личности человѣка, отъ Гиппократа положеніе о тѣснѣйшей связи психическаго и физическаго элементовъ (199), отъ Циглера взглядъ на соціальный вопросъ, какъ на вопросъ только о нравственности, развитой общественнымъ воспитаніемъ (191). А главнымъ образцомъ для себя Дриль ставитъ Оуэна (109—124) съ его наивными (напрасно считаемыми Дрилемъ жизненными и осуществимыми, 123 и 192) взглядами на правильно поставленное воспитаніе, какъ на панацею противъ всѣхъ соціальныхъ золъ, въ дѣлѣ нравственнаго улучшенія и увеличенія общаго благосостоянія. Еще болѣе наивны надежды Оуэна въ этомъ дѣлѣ на благоденствующіе и „развитые“ классы общества съ узко-классовымъ правительствомъ во главѣ, надежды еще при жизни Оуэна вдребезги разбитые суровой дѣйствительностью. Слышны у Дриля временами и пережитки взглядовъ Руссо на якобы золотой вѣкъ, здоровый, простой и умѣренный.

Дриль относитъ къ мѣрамъ „индивидуальной“ политики мѣропріятія въ области жилищной нужды, воспитательно-просвѣтительныя начинанія и борьбу съ алкоголизмомъ. Къ мѣрамъ соціальной“ политики Дриль относитъ прежде всего кооперацію при чемъ послѣднюю Дриль наивно думаетъ противопоставить бюрократическому засилію (LXXXIX). Рекомендуетъ Дриль въ дѣлѣ борьбы съ преступностью и соціальное законодательство вообще, а въ частности законодательство о рабочемъ днѣ, заработной платѣ, санитарныхъ условіяхъ фабричнаго и ремесленнаго труда и т. д., и притомъ послѣднее въ рамкахъ современнаго капиталистическаго строя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ практическая дѣятельность Дриля свелась, главнымъ образомъ, къ вопросамъ попеченія о малолѣтнихъ преступникахъ, общественнаго призрѣнія, борьбы съ нищенствомъ, призрѣнія и защиты дѣтства, устройства дешевыхъ жилищъ для рабочихъ, борьбы съ алкоголизмомъ и устройства народныхъ университета и политехникума.

Дриль, если не ошибаемся, первый по времени русскій антропологъ-криминалистъ, и до послѣдняго времени чуть ли не единственный. Поэтому очень важно было имѣть печатный сводъ результатовъ его 30-лѣтней научной дѣятельности, хотя бы и не въ достаточной степени обработанный самимъ Дрилемъ за его смертью (особенно въ теоретической части, главнѣйшей въ книгѣ, а между тѣмъ сейчасъ занимающей въ ней лишь 128 стр. на 377 стр. исторической части).

Нельзя не признать, что настоящая книга даетъ довольно полный сводъ данныхъ для ознакомленія съ личностью Дриля не только какъ криминалиста, но и какъ соціальнаго реформатора. Ближайшимъ образомъ она составляетъ перепечатку лекцій Дриля, читанныхъ имъ въ 1909—1910 гг. на эконом. отд. СПБскаго Политехнич. Ин—та. Построенъ курсъ Дриля весьма оригинально, дѣлясь не на особую и особенную части уголовнаго права, какъ это общепринято, а на историческую въ большей части компилятивную [1]) (стадіи развитія въ исторіи уголовнаго права; постепенное развитіе въ области психіатріи ученія о физическомъ и умственно-нравственномъ вырожденіи породы и вліяніе этого ученія на научное изслѣдованіе человѣческой преступности и ходъ развитія работъ по изученію преступниковъ на почвѣ фактовъ живой дѣйствительности) и теоретическую самостоятельную (особенности источника, изъ котораго выходитъ большинство преступнаго люда, факторы преступности и мѣры борьбы съ нею). Въ послѣдней ключъ къ познанію взглядовъ Дриля. Но съ особенностями ученій Дриля мы уже познакомились выше.

Увеличиваетъ цѣнность книги приложенная къ ней статья г. Бехтерева „Объективно-психологическій методъ въ примѣненіи къ изученію преступности“ (507—568; „психорефлексологія“ тамъ же 560), служащая по своему содержанію какъ бы развитіемъ ученія Дриля и такимъ образомъ естественно дополняющая трудъ послѣдняго. Именно, въ этой статьѣ г. Бехтеревъ прежде всего считаетъ преступленіемъ всякое нарушеніе minimum'а установленныхъ нормъ общежитія, притомъ запрещенное Уложеніемъ о наказаніяхъ (518), при чемъ эти нарушенія г. Бехтеревъ ставитъ въ тѣсную зависимость отъ соціальныхъ условій (гл. обр. экономическихъ, 527, и классовыхъ, 528).

Въ частности же, по мнѣнію г. Бехтерева, преступникъ— жертва пауперизма, деклассаціи, алкоголизма, соблазна и обстановки, благопріятствующей преступленію, нарушенія установив-

[1]) Особенно хороша здѣсь картина массоваго вырожденія въ древнемъ Римѣ и его факторовъ (247—272).

шихся личныхъ отношеній, дурныхъ примѣровъ, дурной наслѣдственности, недостаточнаго воспитанія, умственной дебильности, и наконецъ, различныхъ болѣзней, ослабляющихъ человѣка и физически и морально, не говоря уже о душевной болѣзни (558). Бороться же съ преступностью по Бехтереву радикально можно лишь путемъ борьбы съ капиталистическимъ строемъ современнаго общества (564). А изъ палліативовъ г. Бехтеревъ рекомендуетъ частичныя соціально-экономическія и соціально-правовыя реформы (широкую организацію общественнаго воспитанія съ самого малолѣтства, развитіе союзнаго налога, организація трудовой помощи населенію и филантропическихъ обществъ и пріютовъ для содержанія и воспитанія безпріютныхъ дѣтей, улучшеніе условій труда, особенно фабричнаго, устраненіе алкоголя изъ вольной продажи и т. д. (565). Наконецъ, вмѣсто тюремъ, г. Бехтеревъ рекомендуетъ учрежденія колоніально-воспитательнаго типа съ индивидуализаціей мѣръ воздѣйствія на преступниковъ [1]). А больныхъ преступниковъ по Бехтереву надо лѣчить. „Если же не отъ чего лѣчить и нѣтъ предмета для воспитанія, какъ въ преступленіяхъ политическаго характера, то изолируйте, если угодно, но не вѣшайте и не казните; на это вы не имѣете нравственнаго права“ (568). Необходимость „изоляціи“ для политическихъ тоже очень спорна. Не мѣсто также филантропіи въ борьбѣ съ преступностью, разъ развито союзное начало въ населеніи. Нельзя и подмѣнять особенности соціально-экономической жизни отдѣльныхъ странъ особенностями „расы“ (535). Но за устраненіемъ этихъ мелочей въ общемъ доктрина г. Бехтерева, удерживая все здоровое изъ доктрины Дриля, устраняетъ и всѣ почти ея недостатки, отмѣченные нами выше. Поэтому приложеніе статьи Бехтерова къ курсу Дриля можно только привѣтствовать.

Приложена къ книгѣ и обширная (I—CII) статья г. Слобожанина („Черты изъ жизни и дѣятельности Дриля“), дающая его біографію и краткое изложеніе его научныхъ взглядовъ и попытокъ проведенія ихъ въ жизнь, съ чрезмѣрной идеализаціей, однако, Дриля и безъ выясненія причинъ его жизненныхъ теоретическихъ и практическихъ неудачъ и безъ генезиса его взглядовъ. Перваго мы такъ и не находимъ въ лежащей предъ нами книгѣ почему выясненію послѣдней стороны дѣла и посвящена гл. обр. эта наша замѣтка. Генезисъ же научныхъ взглядовъ Дриля развитъ и въ статьѣ Максима Ковалевскаго „Дриль“ (CIX—CXXI).

[1]) Послѣдняя защищается и Дрилемъ.

Что же касается, наконецъ, маленькой (CIII—CXIII) замѣтки г. Кони „Памяти Дриля“ (обычно блестящей по изложенію), то по ея безсодержательности ее можно было бы пройти молчаніемъ, если бы не спорное утвержденіе г. Кони въ ней, что борьба съ злоупотребленіями status'a quo не совмѣстима съ отстаиваніемъ этого status'a. Въ книгѣ отсутствуетъ списокъ трудовъ Дриля, погребенныхъ отчасти въ старыхъ и теперь почти недоступныхъ журналахъ.

Неудовлетворителенъ и черезчуръ кратокъ и указатель, приложенный къ книгѣ (502—506). Крайне неудачно составлено и оглавленіе, такъ какъ въ немъ даны заголовки лишь отдѣловъ книги (даже безъ объединенія ихъ въ части историческую и теоретическую), а двумъ сотнямъ главъ ея заголовки не даны и такимъ образомъ очень трудно оріентироваться въ этой обширной книгѣ, тѣмъ болѣе, что распредѣленіе матеріала въ ней, какъ мы уже видѣли, весьма своеобразно.

С. А. Шумановъ.

Н. Рудинъ. Одобренный Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою и Высочайше утвержденный, *Законъ 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда* С. П. Б. 1912 г. Ц. 3 р.

Значеніе закона 15 іюня 1912 г. велико и понятно для каждаго: онъ наконецъ уничтожаетъ несостоятельный по самой своей природѣ и оказавшійся таковымъ на практикѣ институтъ земскихъ начальниковъ и вводитъ у насъ снова столь популярныхъ мировыхъ судей, хотя и съ меньшей послѣдовательностью проводя выборное начало; онъ, затѣмъ уничтожаетъ нынѣ существующіе волостные суды съ ихъ зависимыми отъ усмотрѣнія начальства судьями и, хотя не пріобщаетъ вполнѣ крестьянское правосудіе къ общей юстиціи, какъ бы слѣдовало, однако создаетъ все же лучшіе суды для крестьянъ въ видѣ реформированныхъ волостныхъ судовъ, апелляціонная истанція коихъ (верхніе сельскіе суды) будетъ дѣйствовать подъ предсѣдательствомъ мироваго судьи, а кассаціонную составятъ мировые съѣзды. Очевидно—это значеніе реформы, а равно и та „энергія, съ которой министерство юстиціи принялось, по словамъ г. Рудина, за собираніе матеріаловъ о скорѣйшемъ введеніи въ дѣйствіе закона 15 іюля 1912 года“ и побудили его къ изданію разбираемой нами книги.

Чтобы сдѣлать ее цѣннѣе по содержанію, авторъ поступилъ правильно, давъ во введеніи нѣсколько очень полезныхъ и интересныхъ главъ съ изложеніемъ исторіи и современнаго устройства мѣстнаго и крестьянскаго суда, недостатковъ его въ освѣ-

щеніи министра юстиціи, историческаго очерка преобразованія его и основныхъ положеній проекта какъ министра, такъ и комиссій Государственныхъ думы и Совѣта; здѣсь же читатель найдетъ и соглашеніе между этими учрежденіями, и основныя начала закона о преобразованіи мѣстнаго суда. Все это, повторяемъ, въ высшей степени интересно и очень помогаетъ правильному пониманію текста закона, какъ и приведенные авторомъ законодательные мотивы, постатейныя объясненія и выдержки изъ рѣчей министра, докладчика Особой комиссіи Государственнаго совѣта, пожелавшаго сохранить волостной судъ, и другихъ ораторовъ. Самый текстъ новыхъ Временныхъ правилъ о волостномъ судѣ сопоставленъ съ постановленіями Положенія о сельскомъ состояніи, т.-е. съ нынѣ дѣйствующими. При изложеніи же Учрежденія судебныхъ установленій, Уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ тѣхъ частяхъ, которыя касаются мѣстнаго суда, авторъ неукоснительно отмѣчаетъ (звѣздочкою) тѣ статьи ихъ, въ которыхъ новый законъ сдѣлалъ хотя бы самыя незначительныя измѣненія или которыя являются созданіемъ этого закона; для полноты — въ книгѣ имѣется и текстъ Устава о нак., налагаемыхъ мировыми судьями, этого основнаго кодекса мѣстныхъ судей, и т. п.

Какъ видно изъ указаннаго содержанія изданія г. Рудина, нельзя не привѣтствовать его появленія: оно можетъ сдѣлаться настольной книгой у всѣхъ тѣхъ кто будетъ имѣть отношеніе къ мѣстному суду. Въ упрекъ же автору надо поставить слѣдующее: законъ 15 іюня внесъ измѣненія въ Судебные уставы не только въ тѣхъ отдѣлахъ, которые болѣе или менѣе близко касаются мѣстнаго суда, но и въ статьяхъ, имѣющихъ очень отдаленное къ нему касательство, напр. въ статьяхъ 414, 415 и 417 Учр. суд. уст., говорящихъ о кандидатахъ на должности по судебному вѣдомству, въ статьяхъ 200, 205^2, 233^1, 235^2, 389, 420, 425, 593, 700, 707, 829, 834^3—834^6, 910—911, 1080, 1128^1 Уст. уч. суд., выходящихъ за предѣлы общихъ положеній и порядка производства въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ; между тѣмъ изъ книги автора, посвященной именно закону 15 іюня, объ этихъ измѣненіяхъ, произведенныхъ имъ, узнать нельзя: они не указаны.

С. И. Викторскій.

Издатели: { **А. Л. Форштетеръ.** **Г. С. Фельдштейнъ.** **К. П. Каширениновъ.** } Редакторъ **Г. С. Фельдштейнъ.**

(ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1912—13 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ,

ИЗДАВАЕМАЯ

Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ:

Н. Н. Голубева, В. Н. Мышцына, А. Р. Свирщевскаго и Г. С. Фельдштейна.

Юридическая Библіографія въ пятомъ году изданія будетъ попрежнему выходить пять разъ въ годъ въ двухмѣсячные промежутки, за исключеніемъ лѣтняго каникулярнаго времени, въ объемѣ не менѣе трехъ печатныхъ листовъ для каждаго выпуска.

Въ 20 выпускахъ Юридической Библіографіи, вышедшихъ въ 1907—11 гг. помѣщено 500 рецензій, около 11500 наименованій книгъ и статей по различнымъ областямъ юридическаго и экономическаго знанія, 6 обзоровъ (литературы, церковнаго права, финансовой науки, политической экономіи, исторіи чешскаго права, исторіи польскаго права) и пр.

Заботясь о полнотѣ обзора и своевременности рецензій и библіографическихъ указаній, редакція Юридической Библіографіи проситъ авторовъ и издателей вновь выходящихъ книгъ и брошюръ по общественнымъ, юридическимъ и хозяйственнымъ наукамъ, а также журналовъ, содержащихъ въ себѣ статьи по этимъ отраслямъ знанія, присылать ихъ для отзыва на имя редакціи по нижеуказанному адресу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

2 рубля въ годъ съ пересылкой и доставкой.

Подписной годъ начинается 1-го іюня 1911 года и заканчивается 31-го мая 1912 года.

Отдѣльные выпуски Юридической Библіографіи продаются по 40 коп. каждый, въ г. Ярославлѣ и книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга, Москвы и Кіева.

Подписка на Юридическую Библіографію принимается въ **въ г. Ярославлѣ, въ конторѣ редакціи Юридической Библіографіи,** зданіе Демидовскаго Юридическаго Лицея и

въ г. Москвѣ въ юридическомъ магазинѣ „Правовѣдѣніе“ И. Голубева (Никольская, д. Славянскаго Базара), а также въ книжномъ магазинѣ П. Шибанова (Никольская ул.).

Принимается подписка на 1912 годъ

НА ЖУРНАЛЪ

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ

подъ редакціей: **Б. А. Кистяковскаго, А. Р. Свирщевскаго и Г. С. Фельдштейна.**

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ:

В. Г. Гордона, А. И. Елистратова, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, Л. І. Петражицкаго, І. А. Покровскаго, М. И. Туганъ-Барановскаго и бар. А. Л. Фрейтагъ-Лорингновена

въ количествѣ четырехъ выпусковъ (въ мартѣ, маѣ, октябрѣ и декабрѣ) по 10 печатныхъ листовъ въ каждомъ.

Въ Юридическихъ Запискахъ будутъ помѣщаться: 1) оригинальныя статьи по юридическимъ и экономическимъ наукамъ; 2) обозрѣніе наиболѣе важныхъ статей въ иностранныхъ юридическихъ и экономическихъ журналахъ; 3) хроника законодательная и судебная; 4) смѣсь; 5) критика и пр.

За 1908—11 гг. въ Юридическихъ Запискахъ были помѣщены статьи:

А. А. Алексѣева, А. С. Алексѣева, В. Н. Бенешевича, А. М. Винавера, А. К. Вульферта, П. В. Гидулянова, Н. П. Голубева, І. М. Гольдштейна, В. Горы, А. А. Жижиленко, Яр. Каллаба, бар. С. А. Корфа, А. М. Кулишера, Ѳ. И. Леонтовича, П. И. Люблинскаго, С. А. Муромцева, В. Н. Мышцына, Я. Натансона, Ф. К. Нейбеккера, Р. М. Орженцкаго, Н. И. Паліенко, М. Я. Пергамента, С. П. Покровскаго, С. Е. Сабинина, А. Р. Свирщевскаго, В. В. Святловскаго, Е. В. Спекторскаго, В. В. Сокольскаго, Ѳ. В. Тарановскаго, Г. Г. Тельберга, Е. Н. Темниковскаго, Г. С. Фельдштейна, Б. Н. Фрезе, бар. А. Л. Фрейтагъ-Лорингновена, Н. Н. Шапошникова, В. Н. Ширяева, Т. М. Яблочкова.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на 1912 годъ

съ доставкой и пересылкой—**4 рубля.**

Цѣна отдѣльнаго выпуска Юридическихъ Записокъ **1 руб. 35 коп.**

Подписная плата адресуется въ г. Ярославль, зданіе Демидовскаго Юридическаго Лицея, редакціи Юридическихъ Записокъ. Отдѣльные выпуски продаются тамъ же, а также въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга, Москвы, Кіева и др.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ

на журналъ

ПСИХОТЕРАПІЯ

ОБОЗРѢНІЕ ВОПРОСОВЪ ПСИХИЧЕСКАГО ЛЕЧЕНІЯ И ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГІИ,

ЖУРНАЛЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ УЧАСТІИ:

М. М. Асатіани, А. Н. Бернштейна, Ю. В. Каннабиха, Н. Е. Осипова, О. Б. Фельцмана,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. Вырубова.

Журналъ ставитъ своею задачей разработку и освѣщеніе вопросовъ психотерапіи, какъ въ отношеніи старыхъ ея методовъ—внушенія и гипнотизма, такъ и новѣйшихъ методовъ—Freud'a и Dubois и др. съ ихъ видоизмѣненіями. Большое вниманіе журналъ удѣляетъ также разсмотрѣнію вопросовъ нормальной и патологической психологіи, знакомство съ которыми представляется необходимой основой для раціональныхъ психотерапевтическихъ воздѣйствій. Кромѣ спеціальныхъ изслѣдованій, обзоровъ, рефератовъ, рецензій и проч., журналъ даетъ статьи общаго содержанія, затрогивающія, въ широкомъ смыслѣ слова, проблемы человѣческаго духа.

Журналъ выходитъ шестью книгами въ годъ, не менѣе трехъ листовъ каждая. **Подписная цѣна** на годъ съ доставкой и пересылкой **4 р.**, за границу 5 р. Цѣна отдѣльной книжки—90 к. **Подписка принимается** въ конторѣ редакціи „Психотерапіи": **Москва,** Тверская, 68. Телефонъ 108-41.

Статьи въ заказныхъ бандероляхъ просятъ направлять по адресу редакціи. Авторы помѣщаемыхъ въ журналѣ оригинальныхъ статей получаютъ безплатно 25 оттисковъ. О каждой книгѣ, присланной въ редакцію, будетъ заявлено въ ближайшей книжкѣ журнала.

Отъ Редакціи журнала „Тюремный Вѣстникъ“.

Журналъ „Тюремный Вѣстникъ“ издается Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ съ 1893 года и будетъ выходить съ 1912 года ежемѣсячно въ объемѣ отъ 16 до 20 печатныхъ листовъ (въ іюлѣ книжка журнала выходитъ за іюнь и іюль, въ сентябрѣ—за августъ и сентябрь). Журналъ, включая въ себѣ какъ офиціальный, такъ и неофиціальный отдѣлы и имѣя въ виду преимущественно интересы и запросы служащихъ по тюремному вѣдомству, является не только руководящимъ, но и справочнымъ изданіемъ по всѣмъ вопросамъ, касающимся тюремной и конвойной службы, освѣщая въ то же время эти вопросы также и съ теоретической, научной точки зрѣнія. Соотвѣтственно этому „Тюремный Вѣстникъ“ даетъ свѣдѣнія и указанія, касающіяся какъ тюремныхъ установленій, такъ и учрежденій тюремно-благотворительнаго характера, а равно и исправительно-воспитательныхъ заведеній для несовершеннолѣтнихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, широко открываетъ свои страницы для обмѣна мнѣній тюремныхъ дѣятелей и представителей науки тюрьмовѣдѣнія, по всѣмъ предметамъ тюремнаго строя и распорядка. Между прочимъ, въ видѣ приложеній къ отдѣльнымъ книжкамъ Журнала, въ 1912 году будутъ помѣщаться труды VIII съѣзда представителей воспитательно-исправительныхъ заведеній.

Подписка на „Тюремный Вѣстникъ“ на 1912 годъ принимается въ Главномъ Тюремномъ Управленіи (С.-Петербургъ, Греческій пр., 23). Подписная плата—**7** р. за годъ и **4** р. за полгода, съ доставкою и пересылкою, за границу—**9** р. за годъ и **5** р. за полгода. Цѣна отдѣльной книжки—**1** р. (безъ пересылки). За перемѣну адреса уплачивается **60** к.

Объявленія принимаются съ платою за страницу **25** р., за $^1/_2$ страницы—**13** р., за $^1/_4$ страницы—**7** р., за $^1/_8$ страницы—**4** р. и за строку—**50** к., кромѣ объявленій на обложкѣ, которыя оплачиваются по соглашенію. Объявленія на $^1/_2$ года и болѣе оплачиваются со скидкою съ означенныхъ цѣнъ по соглашенію.

Въ складѣ при редакціи журнала „Тюремный Вѣстникъ“ имѣются для продажи слѣдующія изданія Главнаго Тюремнаго Управленія.

Ссылка въ Сибирь. Очеркъ ея исторіи и современнаго положенія. СПб., 1900 г. 339+53 стр. Ц. 3 р. съ перес.

А. М. Стремоуховъ. Краткій очеркъ мѣропріятій въ области тюремнаго дѣла въ Россіи за періодъ съ 1900 по 1905 годъ, составленный для VII международнаго конгресса въ Будапештѣ. СПб. 1905 г. 26 стр. Ц. 60 к. съ перес.

Краткій очеркъ тюремнаго устройства и мѣропріятій въ области тюремнаго дѣла въ Россіи за 1905—1910 гг. (Составленъ для VIII международнаго тюремнаго Конгресса въ Вашингтонѣ). СПб., 1910 г. Ц. 60 к. съ перес.

Н. Ф. Лучинскій. Основы тюремнаго дѣла. СПб., 1904 г., 179 стр. Ц. 1 р. 25 к. съ перес.

Его же. О вознагражденіи заключенныхъ, пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ при работахъ. СПб., 1906 г., 25 стр. Ц. 25 к. съ перес.

Ф. Н. Малининъ. Постановленія шести международныхъ тюремныхъ конгрессовъ и систематическій указатель къ нимъ. СПб., 1904 г., 92 стр. Ц. 50 к. съ перес.

Его же. Роль общества въ борьбѣ съ преступностью (Тюремный патронатъ). Вып. I и II, 1905 г. 132 стр. Ц. за каждый выпускъ 40 к. съ перес.

Наставленіе о порядкѣ освидѣтельствованія, распредѣленія, регистраціи и препровожденія ссыльныхъ. СПб., 1905 г., 63 стр. Ц. 30 к. съ перес.

Правила ношенія Высочайше утвержденной 13 октября 1904 г. спеціальной формы военнаго покроя гражданскими чинами тюремнаго вѣдомства. СПб., 1901 г., 23 стр. Ц. 20 к. съ перес.

Правила о производствѣ и регистраціи дактилоскопическихъ снимковъ. СПб., 1906 г., 18 стр. Ц. 10 к. съ перес.

Систематическій алфавитный указатель неофиціальнаго отдѣла журнала „Тюремный Вѣстникъ“ за XV лѣтъ (1893—1907). Составленъ подъ редакціей Н. Ф. Лучинскаго. СПб., 1908 г. Ц. (на веленевой бумагѣ)—60 к.

Алфавитный указатель оффиціальныхъ разъясненій, помѣщенныхъ въ журналѣ „Тюремный Вѣстникъ“ за 1893—1910 гг. Составленъ подъ редакціею Н. Ф. Лучинскаго. СПб., 1911 г., 47 стр. Ц. 30 к.

Уставъконвойной службы, Высочайше утвержденный 10 іюня 1907 года (съ приложеніями). СПб., 1907 г., 116 стр. Ц. 30 к. въ бумажной обложкѣ и 40 к.—въ мягкомъ переплетѣ.

Пособіе къ практическому примѣненію Устава конвойной службы. Составилъ подп. А. Д. Лосевъ. СПб., 1908 г. Ц. 20 к.

Уставы о содержащихся подъ стражею и о ссыльныхъ. СПб., 1908 г. Ц. въ переплетѣ—1 р. 50 к.

Сборникъ циркуляровъ, изданныхъ по главному тюремному управленію въ 1879—1910 гг. въ двухъ частяхъ. СПб., 1911 г. Ц. 4 р. за обѣ части съ алфавитнымъ указателемъ.

A propos des bruits sur les pretendues oppressions des détenus dans les prisons Russes. Dementi officiel. St.-Pétersbourg, 1910 г. Ц. 20 к.

Исправительное воспитаніе несовершеннолѣтнихъ въ Западной Европѣ и Америкѣ. СПб., 1911 г., 123 стр. Ц. 1 р.

Отдѣльныя книжки журнала, въ которыхъ помѣщены извлеченія изъ Отчетовъ Начальника Главнаго Тюремнаго Управленія С. С. Хрулева о служебной поѣздкѣ его въ Иркутскую губ. и въ Забайкальскую обл. въ 1909 году, и въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и въ Англію въ 1910 году, могутъ быть выписываемы изъ Редакціи съ уплатою по 1 руб. за каждую книжку.

Съ требованіями обращаться въ Редакцію журнала „Тюремный Вѣстникъ“ (СПб. Греческій пр., 23).

000222892
ЮФ СПБГУ